

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

ІХ.

1844

ВЪ САНКТУ-ПЕТЕРБУРГѢ У ПЕЧАТНІЦЫ С. С. СИНДІКАТА.

САНКТУ-ПЕТЕРБУРГЪ.

СТІХОТВОРЕНІЯ

В. ЖАКОВСЬКАГО.

IX

СТИХОТВОРЕНІЯ
В. ЖУКОВСКАГО.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

✱
Издание Фишера.

1844.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СТЕХОВЕЧІЯ

В. ЖУКОВСЯТО.

ТОМЪ ДВѢДЦАТЫЙ.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. П. б. 12 Маія 1843. Ценсоръ А. Никитенко.

Изданіе Второе.

1844.

Въ Петербургѣ, въ Типографіи Ф. Шнейдера.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

IX

ТОМА.

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ. Индѣйская повѣсть, съ
Нѣмецкаго. 1841.

КАМОЭНСЪ. Драматическій отрывокъ, подража-
ніе Гальму. 1839.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ. Греева элегія, новый
переводъ. 1839.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА. 1839.

МОЛИТВОЙ НАШЕЙ БОГЪ СМЯГЧИЛСЯ.
1839.

ЦВѢТЬ ЗАВѢТА. 1819.

ОТЪЯВЛЕНИЕ

12

ТОМА

НАВЪ И ДАМАРЪНЪ. Историческая повесть. СПб.

1841. 124 стр.

КАМОЗЪНЪ. Драматический этюдъ. Москва.

1833. 12 стр.

ДЕВЯТОЕ КЛАДБИЩЕ. Повесть. СПб.

1833. 12 стр.

БОРОДЕНСКАЯ ГОДОУШНИЦА. 1833.

МОШТВОЙ НАШЕЙ. Болъ смѣлѣе. 1833.

ПЕРВЪ ЗАВѢТА. 1819.

Налъ и Дамаянти есть эпизодъ огромной Индѣйской поэмы Магабараты. Этотъ отрывокъ, самъ по себѣ составляющій полное цѣлое, два раза переведенъ на нѣмецкій языкъ; одинъ переводъ, Бопповъ, ближе къ оригиналу; другой, Рюккертовъ, имѣетъ болѣе поэтическаго достоинства. Я держался послѣдняго. Не зная подлинника, я не могъ имѣть намѣренія познакомить съ нимъ Русскихъ читателей; я просто хотѣлъ рассказать имъ по Русски ту повѣсть, которая плѣнила меня въ рассказъ Рюккерта, хотѣлъ самъ насладиться трудомъ поэтическимъ, стараясь найти въ языкъ моемъ выраженія для той дѣвственной, первообразной красоты, которою полна Индѣйская повѣсть о Налъ и Дамаянти.

Вотъ что говоритъ А. В. Шлегель объ этомъ отрывкѣ: «По моему мнѣнію эта Поэма не уступаетъ никакой изъ древнихъ и новыхъ въ красотѣ поэтической, въ увлекательности страстей, въ возвышенной нѣжности чувствъ и мыслей. Прелесть ея доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся однимъ естественнымъ чувствомъ. Повѣсть о Налъ и Дамаянти есть самая любимая изъ народныхъ повѣстей въ Индіи, гдѣ вѣрность и героическое самоотверженіе Дамаянти такъ же извѣстны вслѣдъ и каждому, какъ у насъ постоянство Пенелопы.»

Ж.

Дюссельдорфъ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНЪ

ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЪ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВНЪ.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЛЮБЛЕННУ

Въ тѣ дни, когда мы вѣримъ нашимъ снамъ
 И видимъ въ ихъ несбыточности быль,
 Я видѣлъ сонъ. Казалось, будто я
 Цвѣтущею долиной Кашемира
 Иду одинъ; со всѣхъ сторонъ вздымались
 Громады горъ, и въ глубинѣ долины,
 Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью
 Наполненномъ сосудѣ — небеса
 Вечернія спокойно отражая —
 Сіяло озеро; по склону горъ
 Отъ запада сходила на долину
 Дорога, шла къ востоку и въ дали
 Терялася сливаясь съ горизонтомъ.
 Былъ вечеръ тихъ; все вокругъ меня молчало;
 Лишь изрѣдка надъ головой моей
 Сіяя голубь пролѣталъ и пѣли
 Его волнующія воздухъ крылья.
 Вдругъ вдаль послышались мнѣ клики;
 И вижу я: отъ запада идетъ
 Блестящій ходъ; змѣею безконечной
 Въ долину вьется онъ; и вдругъ, я слышу:

Играють маршъ торжественный; и сладкой
 Моя душа наполнилася грустью.
 Пока задумчиво я слушалъ, мимо
 Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
 На высотѣ, надъ радостно шумящимъ
 Народомъ паланкинъ; какъ привидѣнье
 Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза; и въ паланкинѣ
 Увидѣлъ я Царевну молодую,
 Невѣсту сѣвера; и на меня
 Она глаза склонила мимоходомъ;
 И скрылось все когда же я очнулся
 Ужъ царствовала ночь и надъ долиной
 Горѣли звѣзды; но въ моей душѣ
 Былъ свѣтлый день; я чувствовалъ, что въ ней
 Свершилося, какъ будто откровенье
 Всего прекраснаго, въ одно живое
 Лице сліяннаго. — И вдругъ мой сонъ
 Перемѣнился: я себя увидѣлъ
 Въ Царевомъ домѣ, и лицомъ къ лицу
 Предстало мнѣ души моей видѣнье;
 И мнилось мнѣ, что годы пролетѣли
 Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
 Воспоминаніе какихъ то свѣтлыхъ
 Временъ, чего то чуждаго, какой то
 Волшебной жизни. — И мой сонъ

Опять перемѣнился ; я увидѣлъ
 Себя на берегу рѣки широкой ;
 Садилось солнце ; тихо по водамъ
 Суда сіяя плыли, и за ними
 Серебряный тянулся слѣдъ ; вблизи
 Въ кустахъ свѣтился домикъ ; на порогъ
 Его дверей хозяйка молодая
 Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла. . . .
 И то была моя жена съ моею
 Малюткой дочерью. . . . и я проснулся ;
 И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.
 И нынѣ тихо безъ волненья льется
 Потокъ моей уединенной жизни.
 Смотри въ лице подруги данной Богомъ
 На освященье сердца моего,
 Смотри какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
 У матери младенецъ мой прекрасный,
 Я чувствую глубоко тотъ покой,
 Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
 Не находя нигдѣ ; и слышу голосъ,
 Земныя всѣ смирющій тревоги :
Да не смущается твоя душа,
 Онъ говоритъ мнѣ, *вспруй въ Бога, вспруй*
Въ меня. Мнѣ было суждено своєю
 Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной

Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
 Спасителя святыя написать;
 И вотъ теперь на вечерѣ моемъ,
 Рука жены и дочери рука
 Еще на легкой жизненной страницѣ
 Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
 На гробовой гостепріимный камень
 Перенести въ успокоенье скорби,
 Въ воспоминаніе земнаго счастья,
 Въ вознагражденіе любви земныя
 И жизни вѣчныя на упованье.
 И въ тихой мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
 Житейскаго живой оградой сада
 Отгороженный, другъ минувшихъ лѣтъ,
 Поэзія ко мнѣ порой приходитъ
 Разказами досугъ мой веселить.
 И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
 Который такъ се очаровалъ
 Во время оно Часто на краю
 Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
 Мы облака; изъ за пурпурныхъ ярко
 Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
 Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
 Воображенье тамъ какъ будто область
 Инаго міра. Такъ теперь созданьемъ

Мечты, какой то областью воздушной
 Лежить вдали минувшее мое;
 И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
 Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
 По прежнему отъ туда мнѣ сіяетъ.
 Но онъ ужъ не одинъ, ихъ два; и прежній
 Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
 Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ
 Какъ разцвѣтающій съ разцвѣтшимъ цвѣтомъ;
 И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
 Съ такою же привѣтною улыбкой,
 Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
 И имя имъ одно. И нынѣ я
 Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
 Поэзіей мнѣ данный, знаменую
 Въ воспоминаніе всего, что было
 Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
 И что теперь такъ сладостно чаруетъ
 Покой моей обвечерѣвшей жизни.

Дюссельдорфъ.

1843. 16/28 Февраля.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Жилъ былъ въ Индіи Царь, по имени Налъ. Ви-
разены

Сильнаго сынъ, обладатель Царства Нишадскаго,
этотъ

Налъ былъ славенъ дѣлами, во младости мудръ, и
прекрасенъ

Такъ, что въ цѣломъ свѣтѣ Царя, подобнаго Налю,

Не было, нѣтъ и не будетъ; между другими Ца-
рями

Онъ сіялъ, какъ сіяетъ солнце между звѣздами.

Крѣпкій мышцею, свѣтлый разумомъ, чтиль сми-
ренный

Мудрыхъ духовныхъ мужей , глубоко проникнувшій
 въ тайный
 Смыслъ писаній священныхъ , жертвъ сожигатель
 усердный
 Въ храмахъ боговъ , вожделѣній своихъ обуздатель,
 нечистымъ
 Помысламъ чуждый , любовь и тайная дума
 Дѣвъ , гроза и ужасъ враговъ , друзей упованье ,
 Опытный въ трудной военной наукѣ , искусный и
 смѣлый
 Вождь , изъ лука дивный стрѣлокъ , наипаче же
 славный
 Чуднымъ искусствомъ править конями , на коихъ онъ
 въ сутки
 Могъ сто миль проскакать — таковъ былъ Наль; но
 и слабость
 Такъ же имѣлъ онъ великую: въ кости вграть былъ
 безмѣрно
 Страстенъ. — Въ это же время владѣлъ Видарбин-
 скимъ обширнымъ
 Царствомъ Бима , Царь благодушный ; онъ долго
 бездѣтенъ
 Былъ и тяжело скорбѣлъ отъ того , и обѣтъ предъ
 Богами
 Онъ произнесъ великій , чтобъ Боги его наградили

Сладкимъ родительскимъ счастьемъ; и Боги ему да-
 ровали
 Трехъ сыновей и дочь. Сыновья назывались: пер-
 вый
 Дамасъ, Дантасъ другой, и Даманасъ третій; а имя
 Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
 Живы и смѣлы; звѣздой красоты разцвѣла Дамаянти.
 Прелесть ея прошла по землѣ чудесной молвою.
 Въ домѣ отца, окруженная росомъ подружекъ, какъ
 будто
 Свѣжимъ вѣнкомъ, сіяла межъ нихъ Дамаянти,
 какъ роза
 Въ пышной зелени листьевъ сіяетъ, и въ этомъ
 собраньи
 Дѣвъ сверкала, какъ молнія въ тучѣ небесной. Ни
 въ здѣшнемъ
 Свѣтѣ, ни въ мірѣ безплотныхъ духовъ, ни въ
 странѣ, гдѣ святыя
 Боги живутъ, никогда подобной красы не видали;
 Очи ея могли привлечь и безсмертныхъ на землю
 Съ неба. Но какъ ни была Дамаянти прекрасна
 не менѣ

Былъ прекрасенъ и Наль, подобный пламенно-
нѣжной

Думѣ любви, облекшейся въ образъ тѣлесный. И
каждый

Часть о великомъ Царѣ Нишадской земли Дама-
янти

Слышала, каждый часть о звѣздѣ красоты благо-
родный

Царь Нишадской слышалъ; и цвѣтъ любви изъ
живаго

Сѣмени словъ межъ ними, другъ друга незрѣвшими,
скоро

Выросъ. Однажды Наль, безимьянной болѣзнію
сердца

Мучимый, въ рощѣ задумчивъ гулялъ; и вдругъ
онъ увидѣлъ

Въ воздухѣ бѣлыхъ гусей; разпустивъ златоперыя
крылья,

Стаей летѣли они, и громко кричали, и въ рощу

Шумно спустились. Проворной рукой за крыло
золотое

Наль схватилъ одного. Но ему сказалъ человѣчьимъ

Голосомъ Гусь: отпусти ты меня, Государь, я за
это

Службу тебѣ сослужу: о тебѣ Дамаянти прекра-
сной

Слово такое при случаѣ молвлю, что только и будетъ

Думать она о Налѣ одномъ. То услыша, поспѣш-
но

Наль отпустилъ золотого Гуся. Вся стая помчалась

Прямо въ Видарбу, и тамъ опустилася съ крикомъ
на царской

Лугъ, на которомъ въ тотъ часъ Дамаянти гуляла.

Увидѣвъ

Чудныхъ птицъ, начала Дамаянти съ подружками
бѣгать

Въ слѣдъ за ними; а Гуси съ мѣста на мѣсто
порхая,

Всѣ разсыпались по Лугу; съ ними разсыпались
такъ же

Скоро и всѣ подружки Царевнины; вотъ Дамаянти

Съ Гусемъ однимъ, осталась одна; и Гусь, при-
осанясь,

Вдругъ сказалъ человѣческимъ голосомъ ей: Дамаян-
анти

Въ царствѣ Нишадскомъ царствуетъ Наль; и нѣтъ
и не будетъ

Между людьми красавца такого. Когда бы ты его
женою

Стала, то счастье твое вполнѣ бы совершилось;
какой бы

Плодъ родился отъ союза съ его красотою могу-
чей

Нѣжной твоей красоты. Васъ другъ для друга по-
слали

Боги на землю. Повѣрь тому, что тебѣ говорю я,

О тихонравная, сладкопривѣтная, чистая Дѣва!

Много мы въ странствіяхъ нашихъ луговъ человѣ-
ческихъ, много

Райскихъ обителей неба видали; въ страны велика-
новъ

Такъ же проникнули мы, но до нынѣ еще, Дама-
янти,

Встрѣтить подобнаго Налю Царя вамъ нигдѣ не
случалось;

Ты жемчужина дѣвъ, а Наль мужей драгоцѣнный

Камень. О если бы вы сочетались! тогда бы
узрѣли

Мы на землѣ не земное. Такъ Гусь говорилъ. Да-
маянти,

Слушая, радостно рдѣла; потомъ въ отвѣтъ про-
шептала,

Вся поблѣднѣвъ отъ любви: скажи ты то же и
Налю.

Быстро, быстро поднялся онъ, дважды рожденный,
сначала

Въ видѣ яйца , потомъ изъ яйца , и въ Нияшадское
царство

Прямо помчался , и тамъ разсказалъ о случившемся
Налю.

II.

Послѣ того , что сказалъ ей Гусь золотой , Дамаян-
янти

Словно какъ будто съ собою разставшись , была без-
престанно

Съ Налемъ прекраснымъ. Объятая тайною думой,
скитаясь

Шаткой , невѣрной стопою , какъ будто въ какомъ
разслабленьи ,

То полымая къ небу грустныя очи , то въ землю

Ихъ потупляя , то съ полною тяжкими вздохами
грудью —

Временемъ щеки какъ жаръ , временемъ блѣдныя,
очи

Полныя слезъ , засохшія губы и все въ безпо-
рядкѣ

Мысли, какъ волосы — день и ночь Дамаян-
ти хала ,

Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,

Ниже покоя на мѣстѣ иномъ; и тая въ болѣзни,

Пищи она ни питья принимать не хотѣла. Подруж-
камъ

Скоро стало замѣтно, что съ ихъ Царевной прекра-
сной

Что-то случилось недоброе: скоро достигнулъ пе-
чальный

Слухъ и до Бимы Царя, что дочь его Дамаянти

Свой покой потеряла. Какъ скоро объ этомъ про-
вѣдалъ

Царь, то онъ весьма опечалился. Видно настало

Время любви для тебя, моя Дамаянти, сказалъ
онъ.

Вотъ и задумалъ Бима дать пиръ, чтобъ отъ всюду
на выборъ

Сѣхались къ ней женихи. Говцевъ разослалъ онъ
по разнымъ

Царствамъ Индѣйскимъ Царей приглашать на празд-
никъ въ Видарбу.

Только къ Царямъ и Царевичамъ вѣсть объ этомъ
достигла,

Всѣ снарядилися въ путь; съ востока и запада
быстрый,

Шумный потокъ пути наводнилъ, наполняя всю
 землю
 Смутнымъ гуломъ слоновъ, коней, колесницъ и до
 неба
 Пыль густую подъямля. Сіяя богатствомъ уборовъ,
 Множествомъ ратниковъ, блескомъ оружіи, пыш-
 ностью брѣней,
 Съѣхались гости въ Видарбу; торжественно встрѣ-
 тилъ ихъ Бима. —
 Въ это время странствовать вышелъ глава и свѣ-
 тило
 Всѣхъ отшельниковъ праведный старецъ Нерада;
 избранный
 Спутникъ его былъ Первата блаженный. Изъ пыль-
 наго міра
 Темныхъ гробовъ проникнулъ онъ въ Царство
 небеснаго свѣта,
 Въ оный предѣлъ, гдѣ садъ веселій цвѣтетъ, гдѣ
 великій
 Властвуетъ Индра. Въ свѣтло-воздушныя сѣни
 вступили
 Оба странника; ихъ привѣтствовалъ радостно Ин-
 дра;
 Имъ поклонясь и воздавъ имъ обоимъ приличную
 почестъ,
 Царь небесныя тверди спросилъ гостей о здоровьи

Ихъ и цѣлаго свѣта Владыка, съ поклономъ
Нерада

Индръ отвѣтствовалъ: милостью твоей, мы оба
здоровы ;

Такъ же и свѣтъ нашъ здоровъ: благоденствуютъ
люди и звѣри ;

Въ каждой пылинкѣ, въ каждой былинкѣ жизнь
и веселье.

Слыша такой отвѣтъ Нерады, могучій правитель
—

Міра спросилъ: но гдѣ же мои любимцы, крова-
выхъ

Споровъ рѣшители, крови своей проливатели въ
битвахъ ,

Смерти презрители, храбрые міра защитники? Имъ
отвѣтъ

Свѣтлую область мою населять я люблю; но напра-
во

Жду я на пирѣ мой желанныхъ гостей, не прихо-
дятъ

Гости мои ужъ давно. Скажи мнѣ, Святой, что
случилось

Съ племенемъ храбрыхъ? — на это отвѣтствовалъ
Индръ Нерада:

Я объясню, всемогущій, тебѣ, отъ чего такъ давно
ты

Здѣсь никого не видишь изъ храбрыхъ вождей:
Дамаянти,

Дочь Царя Видарбинскаго Бимы, которой на свѣ-

нѣтъ ничего подобнаго, хочетъ по сердцу супруга

Выбрать и всѣ Цари и Царевичи ѣдутъ въ Видарбу;

Всякая ссора забыта и вотъ почему такъ спо-

стала земля, почему и въ твою свѣтозарную область

Гости давно не приходятъ. — Покуда ихъ далась

Прибыли къ Индрѣ его соучастники въ міродер-

Агнисъ, властитель огня, Варуна, воды повелитель,

Яма, богъ-земледержецъ. Услышавъ сказанье Не-

Боги воскликнули съ свѣтлымъ лицомъ: на выборѣ

Будемъ и мы. И на быстрыхъ коняхъ, предводи-

Боги пустились въ Видарбу, куда всѣ Цари соби-

Тою порою и Наль, любовью сгарая, лишь только

Свѣдалъ о сѣздѣ великомъ въ Видарбѣ, на бы-

Крыльяхъ желанья помчался; нужды въ коняхъ
не имѣлъ онъ.

Боги, спустясь съ высоты, на дорогѣ увидѣли
Наля;

Былъ красотою онъ свѣтелъ, какъ день; и Боги,
плѣняясь

Той красотой, на него съ изумленьемъ смотрѣли;
четыре

Стихій властителя, въ воздухѣ свой полетъ удержавши,

Вотъ что сказали: здравствуй, Нишадецъ, войскъ
истребитель,

Наль Пуньялока. Хочешь ли намъ оказать ты услугу?

Нашимъ посломъ полномочнымъ иди отсюда въ
Видарбу.

III.

Все исполню, отвѣтствовалъ Наль; и руки сложивши

Въ страхѣ невольномъ, съ видомъ покорнымъ спросилъ онъ ихъ: кто вы,

Солнечнымъ блескомъ одѣтые? Съ вѣстью какой повелите

Мнѣ въ Видарбу итти? — Ему отвѣтствовалъ Индра:

Знай, что мы Боги безсмертныя, спешшіе въ міръ
для прекрасной

Дочери Бима Царя Дамаянти, къ которой отсюду

Сходятся нынѣ земные Цари; Я Индра властитель

Воздуха; это Агнисъ огня повелитель могучій,

Это Варуна, двигатель водъ, а это великій

Тверди земной основатель — Яма. Знай же, что
нынѣ

Нашъ ты посолъ, и вотъ что ты долженъ сказать
Дамаянти:

«Вѣдай, Царевна, что Боги стихій: воздуха Индра,

«Агнисъ огня, Варуна воды и Яма земли къ намъ

«Съ неба сошли, чтобъ изъ нихъ одного избрала
ты въ супруги!» —

Руки сжавъ съ умиленіемъ, Наль отвѣтствовалъ
Индръ:

Самъ я за тѣмъ же въ Видарбу иду; отъ другихъ
невозможно

Быть мнѣ посломъ къ Дамаянти; молю, отъ такого
посольства,

Боги, избавьте меня. — На то отвѣтствовалъ Ин-
дра.

Развѣ не ты, благородный Нишадецъ, сказалъ
намъ: *исполню?*

Можешь ли слово нарушить? Иди жъ и не смѣй от-
рицаться. —

Наль отвѣчалъ съ замѣшательствомъ: какъ же
дойду я къ Царевнѣ?

Входы все заперты крѣпкою стражей. — О томъ
не заботься,

Боги сказали, пройдешь свободно, иди безъ боя-
зни.

Наль пошелъ покоряся безъ ропота волѣ безсмерт-
ныхъ.

Онъ во дворецъ свободно проникнулъ и тамъ Да-
маянти

Скоро увидѣлъ въ кругу подружекъ; какъ съ неба
слетѣвшій

Ангель, она прекрасна была, и прелесть любви
окружала

Нѣжные члены ея, жажду любви пробуждая
—

Въ каждомъ сердцѣ; и мѣсяцъ и солнце не утѣ-
шали

Свѣтомъ своимъ, какъ ея плѣнительно-дѣвствен-
ный образъ.

Муку любви почувствовалъ Наль при видѣ волшеб-
номъ

Стройнаго стана ея; но онъ пересилилъ стремленье

Силы мучительной. Всѣ подружки Царевны вско-
чили

Съ мѣсть, изумленные входомъ нечаяннымъ Наля;
прекрасный

Образъ его поразилъ ихъ такъ, что имъ показа-
лось

Небо отверстымъ. Не смѣя его спросить, межъ
собою

Тихо шептались онъ, повторяя: откуда пришелъ
онъ?

Кто онъ? какой онъ породы? райской? земной?
исполинской?

Такъ вопрошали другъ друга онъ, ослѣпленные
блескомъ

Наля, очей на него поднять не смѣя (столь Боги
и

Прелесть его, ужъ и такъ не земную, блескомъ не-
беснымъ

Вдругъ возвеличили). Въ это мгновенье предъ нимъ
Дамаянти

Съ сердцевластительнымъ взоромъ, съ улыбкой,
чарующей душу,

Молча стояла, молча глядѣла, и таяла тайнымъ

Пламенемъ. Кто ты? она напоследокъ спросила:

Кто ты, все озаряющий, прелестью дышущий, душу

Радостной мукой объемлющий? Какъ ты проник-
нулъ въ обитель

Царской дочери, всѣмъ затворенную, мимо Царе-
вой

Стражи, никѣмъ незамѣченный? Кто ты? какое
ты носишь

Имя? — На этотъ вопросъ Видарбинской прекра-
сной Царевны

Наль отвѣтствовалъ: Знай, Дамаянти, я Наль;
я въ Видарбу

Присланъ, Царевна, тебя извѣстить, что великіе
Боги

Индра, Агнисъ, Варуна и Яма спустились на зем-
лю

Съ неба за тѣмъ, чтобъ изъ нихъ одного избрала
ты въ супруги.

Ими хранимый могъ я сюда непримѣтно проник-
нуть.

Зная теперь, зачѣмъ я здѣсь, Видарбинская дѣва,
и

Здѣлай сама, что найдешь для себя и благимъ и
приличнымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вѣсть такую услышавъ , сначала Богомъ Дамаян-
ти

Сердцемъ смиреннымъ свою принесла благодарность;
на всѣ улыбкой

Налю, сказала потомъ : не Боги , а ты , мой из-
бранный

Свѣтлый женихъ ; я твоя , и все , чѣмъ я обла-
даю ,

Все , что люблю я , каждое явное , тайное чув-
ство

Сердца , всѣ мысли , желанья , и жизнь и все ,
мой прекрасный

Царь , владыка души , твое безъ изъятя. Что
бѣлый

Гусь мнѣ сказалъ , что сердце мое сокрушило ; и
были

Всѣ Цари и Царевичи , созваны мною на выборъ

Только за тѣмъ , чтобъ привлечь и тебя ; но ты
ужъ за ранѣ

Избранъ ; отдаться тебѣ поклялась я ; и былъ
ты

Здѣсь ужъ давно ожидаемъ ; но только совсѣмъ
для инаго .

Сватайся жъ самъ за меня ; тебѣ неприлично
являться

Здѣсь посломъ отъ другихъ ; и знай , что , если
тобою

Буду отвергнута я , отъ которой приемишь ты
нынѣ

Почестъ такую , то все мнѣ смертію будетъ : во-
да ли ,

Ядъ ли , огонь ли , веревка ли , все мнѣ равно , не-
стерпимо

Женскому сердцу въ любви безотвѣтно признаться .
На это

Налъ Впдарбинской Царевнѣ отвѣтствовалъ : Какъ
же ты можешь

Вѣчнымъ Богамъ предпочестъ обреченнаго смерти ?
Какъ можешь

Съ тѣми , отъ коихъ жизнь истекаетъ , кѣмъ дер-
жится зданье

Міра , поставить меня на ряду , недостойнаго съ
прахомъ

Ногъ живыхъ сравниться ? Идущій прѣтивъ воли без-
смертныхъ

Смерти на встрѣчу идетъ. О плѣнительно-стройная
дѣва,

Будь мнѣ спасеньемъ, избравши небесное вмѣсто
земнаго.

Легкость чистыхъ, безпыльно-эфирныхъ одеждъ,
неземные

Перлы, вѣнки и повязки Боговъ предпочти, и
блаженствуй.

Что желаннѣй тебѣ? Благовонный ли воздухъ?
Огня ли

Жертвенный пылъ? Живая ли влага воды? Иль
твердыня

Вѣчной земли? — Одинъ, лазурно-воздушнымъ про-
странствомъ

Миръ объемля, движеньемъ и свѣтомъ его напол-
няетъ ;

Искрою въ каждой пылинкѣ таяся, другой про-
никаетъ

Все, разрушая тѣла, и духу даруя свободу ;

Третій, кристальною цѣпью землю обвивъ и на
зыбкомъ

Пухъ воды отдыхая, жемчужныя нити вплетаетъ

Въ кудри свои ; четвертый даетъ живущему мѣсто,

Мертвому првстанъ и все созданье на судъ со-
бираетъ —

Вотъ твой женихъ, Дамаянти; Богамъ ли безсмерт-
нымъ

Ты откажешь? Не дѣлай того, послушайся друга. —

Съ трепетомъ сердца и влагой печали затмивши
сіянье

Свѣтлыхъ очей, отвѣчала ему Дамаянти: всецѣль-
ны

Вѣчные Боги; я чту ихъ всѣмъ сердцемъ и имъ
поклоняюсь

Съ вѣрой; но ты мой женихъ; ты избранъ любо-
вью; этой

Правды скрывать не хочу я. Такъ говоря, Да-
маянти

Очи стыдливо склонила и руки прижала къ дрожа-
щимъ

Дѣвственно чистымъ грудямъ съ умоляющимъ ви-
домъ. Вздохнувши,

Наль отвѣчалъ: забудь, Дамаянти, что я предъ
тобою

Въ санѣ посла; нарушу ль святую довѣренность?
Буду ль

Нынѣ просить для себя того, что строго велить
мнѣ

Должность просить для другихъ? Наступить мой
часъ, и безъ страха

Стану за право свое. Ты сама объ этомъ размы-
сли,

Радость очей, Видарбинская роза. Вздохъ утаивши,

Тихо въ отвѣтъ Дамаянти шепнула: о другъ, мы
согласны

Въ мысляхъ; ты путь прямой избери, чтобъ упрёка
и тѣни

Пастъ на тебя не могло. Приходи же, о ты, укра-
шенье

Смертныхъ людей, съ Богами ко мнѣ на торже-
ственный выборъ;

Тамъ въ присутствіи сильныхъ властителей міра,
тебя я

Выберу, Царь благородный; тогда и ты предъ Бо-
гами

Правымъ и чистымъ останешься. Этотъ отвѣтъ
Видарбинской

Дѣвы принявши, Налъ возвратился въ то мѣсто,
гдѣ были

Собраны Боги. Посла своего издалека увидя,
Нибъ

Міродержавцы спросили его съ живымъ любопыт-
ствомъ:

Что ты скажешь? Какой отвѣтъ намъ принеси отъ
Царевны?

Налъ указалъ: посланникомъ Вашимъ проникъ я
въ жилище

Царской дочери, мимо стражей, невидимый стра-
жамъ,

Видимый только Царевнѣ одной ; конечно то было

Такъ устроено Вашею властью ; съ Царевной на-
шелъ я

Много подругъ ; онѣ вскочили , меня испугавшись ,

Но Дамаянти , прекрасный свѣтло смѣющийся мѣ-
сяцъ ,

Въ то мгновенье , какъ Вашу Волю , бессмертные
Боги ,

Я объявлялъ ей ; меня самого въ затмѣнии разсуд-
ка .

Выбрала . Вотъ что сказала въ отвѣтъ мнѣ Царев-
на : « пусть придутъ

« Боги вмѣстѣ съ тобою ко мнѣ на торжественный
выборъ ;

« Тамъ въ присутствіи сильныхъ властителей міра ,
тебя я

« Выберу , Царь благородный ; тогда и ты предъ Бо-
гами

« Правымъ и чистымъ останешься » . Ваша воля
святая

Мною исполнена , вѣчные Боги ; теперь , умоляю ,

Должность посла снимите съ меня и свободу мнѣ
дайте .

II.

Вотъ съ наступленіемъ дня пригласилъ Царь Бя-
 ма на выборъ
 Всѣхъ своихъ знаменитыхъ гостей. Собралися въ
 обширной
 Царской палатѣ Цари и Царевичи ; взоры ихъ
 жаркой
 Жаждой любви пламенѣли ; они прошли сквозь зла-
 тые
 Своды высокихъ дверей , какъ львы сквозь раз-
 сѣлину. Въ блескѣ
 Свѣжихъ душистыхъ вѣнковъ, въ сергахъ драго-
 цѣнныхъ сидѣли
 Тамъ величавые гости на пышныхъ , упругихъ
 подушкахъ ;
 Тѣсно ихъ сонмище было , какъ львиная грива
 густая ;
 Полная жъ ими палата казалась разинутымъ зѣ-
 вомъ
 Тигра, полнымъ зубовъ. И было тутъ чѣмъ лю-
 боваться :
 Крѣпкія бедра , какъ будто столбы, литые изъ
 мѣди ,
 Сильныя мышцы и плечи , какъ будто могучіе
 дубы ,
 Съ гибкими пальцами руки , какъ змѣи съ пятью
 головами ;

Гордыя шеи, свѣтлымъ гранитнымъ зубцамъ на
 вершинахъ
 Горныхъ подобныя, въ блескъ прекрасныхъ, ве-
 селѣмъ горящихъ
 Лицъ и пышныхъ волосъ и высокихъ бровей и
 огнистыхъ
 Глазъ. И въ собранье гостей вошла Дамаянти,
 чтобъ умъ ихъ
 Взглядомъ однимъ помутить, чтобъ глаза и сердца
 ихъ опутать
 Сѣтью любви. И всѣ къ ней очами прильнули,
 какъ птицы
 Къ клейкой охотничей жерди. Долго кругомъ Да-
 маянти
 Взоръ свой, водила; но тотъ, кто одинъ былъ и
 въ сердцѣ и мысляхъ,
 Ей не являлся. Вдругъ видитъ Царевна пять оди-
 накихъ
 Образовъ; были они передъ нею; то къ ней
 приближались,
 То отъ нея отходили; и каждый ей представлял-
 ся
 Налемъ, какъ скоро глаза на него она обращала.
 Мысли ея помутились. Она подумала: что мнѣ
 дѣлать? Какъ четырехъ Боговъ отличу я отъ
 Наля?

Взоры всея напрасно божественныхъ знаковъ ис-
кали.

Знаковъ, о коихъ дошли къ намъ издревле ска-
занья, не носятъ

Здѣсь на себѣ ни одинъ изъ видимыхъ мною,
Царевна

Думала. Вотъ наконецъ, по долгомъ съ собой
размышленьи,

Такъ рѣшилась она: къ Богамъ подойду я съ
молитвой;

Боги молитвы моей не отринуть. И съ вѣрой
смиреной,

Руки сложивъ и къ грудямъ богомольно прижавъ
ихъ, Царевна

Такъ сказала: «Боги безсмертные, Боги святые,
глаголюще

«Мною избраннаго, сердцемъ желаннаго мнѣ по-
кажите;

«Если предъ вами я, дѣломъ и мыслію правду
хранила,

«Если молюся вамъ съ теплою вѣрою, если вы
сами

«Мнѣ, ужъ избраннаго мною самою, въ супруги
избрали,

«Если его я любить поклялася и если должны
быть

«Клятвы священны, то мнѣ вы его покажите, бла-
говѣстно

«Боги, и знаки свои мнѣ откройте, чтобъ васъ
я почтила.»

Столь сердечную жалобу слыша изъ устъ Дамаян-
ти,

Видя ея чистоту и любовь и покорность ихъ волѣ,

Видя правдивость ея и кроткое сердце и свѣт-
лый

Умъ, восхотѣли немедля ея желанье исполнить

Боги, и приняли знаки свои. Тогда Дамаянти

Ихъ въ мгновенье узнала по зорко-спокойному
оку,

Лицамъ безпотнымъ, свѣтло-нетлѣннымъ вѣнкамъ,
недоступнымъ

Пыли бѣлымъ одеждамъ, безтѣнному тѣлу и див-
ной

Легкости быстрыхъ движеній, съ какою они пе-
редъ нею

Вѣяли съ мѣста на мѣсто, земли не касаясь но-
гами.

Рядомъ съ ними, полуотѣненный, въ вѣнкѣ ужъ
завядшемъ,

Пылью и потомъ покрытый, стоялъ на землѣ съ
помраченнымъ

Грустно-потупленнымъ взоромъ задумчивый Налъ.

Дамаянти

Вызвала тотчасъ его изъ средины безсмертныхъ и
выборъ

Своей изъявила обычнымъ обрядомъ, смиренно кос-
нувшись

Края одежды его и на кудри ему наложивши

Свѣжій душисто-блестящій вѣнокъ. Совершился ве-
ликій

Выборъ: со всѣхъ сторонъ раздались торжественно
клики;

Всѣ — Цари и Царевичи, мужи святыя и Боги

Выборъ одобривъ, воскликнули: *Слава!* счастливому
Налю.

Онъ же полный блаженства любви, своей наре-
ченной,

Робко краснѣющей, очи склонившей, дрожащей не-
вѣстѣ

Такъ сказалъ съ трепетаніемъ сердца, но голосомъ
твердымъ:

Если могла при безсмертныхъ Богахъ ты смерт-
наго мужа

Такъ почтить Дамаянти, то слушай: тебя я

Самъ предъ людьми и Богами своей женой именую,

Весь на цѣлую жизнь отдаюся тебѣ и доколѣ

Будетъ духъ жизни въ тѣлѣ моемъ, дотолѣ
 дѣва,
 Роза Видарбы, я буду твоимъ; мое обѣщанье
 Съ вѣрой прими, на меня положишь, отнынѣ те-
 бя я
 Буду питать, защищать и чтить и хранить и оста-
 нусь
 Вѣренъ тебѣ, всегда, во всемъ и словомъ и дѣ-
 ломъ,
 Радость и горе, богатство и бѣдность, и все не-
 измѣнно
 Въ жизни съ тобой раздѣляя. Обѣтъ такой произ-
 неши,
 Свѣтлый женихъ передъ всѣми своей лучезарной
 невѣстѣ
 Далъ цѣломудренно первый любви поцѣлуй; и
 другъ другомъ
 Долго въ блаженствѣ нѣмомъ любовались они; на-
 послѣдокъ
 Вспомнивъ, что Боги близко, и Царь и Царевна
 предъ ними
 Пали съ молитвой; и Боги скрѣпили своей благо-
 датью
 Бракъ ихъ; податели всякаго блага, они даро-
 вали
 Наю четыре великія силы. Могучій Властитель

Воздуха далъ ему зоркость очей съ способностью

въ каждомъ
Мѣстѣ просторъ, находить и вездѣ освѣжаться

прохладой;

Богъ огня даровалъ обладанье огнемъ и возмож-
ность

Видѣть безъ ужаса блескъ мірозданья; Правитель
земныя

Тверди далъ твердую поступь, чтобъ былъ для
него безопасенъ

Всякій путь по землѣ, и тонкій вкусъ для раз-
бора

Пищи; Владыка воды наградилъ могуществомъ
воду

Всюду творить и цвѣты раждать единымъ же-
ланьемъ.

Такъ одаривши Царя, и Царевнѣ всѣ четверо вмѣ-
стѣ

Дали одно обѣщанье: что брака ихъ радостью бу-
дутъ

Сынъ, какъ отецъ, и дочь, какъ мать, прекра-
сныя. Милость

Имъ изъяснивши такую, Боги сокрылись; за ни-
ми

Вслѣдъ и Цари и Царевичи, выборъ невѣсты одо-
бривъ,

Въ путь обратный пустились. Царь Бима, увидя,
что схлынулъ

Этотъ приливъ гостей, устроилъ свадебный празд-
никъ.

Налъ сочетавшись съ своею Царевной, пробылъ
въ Видарбѣ

Первые дни въ весельи и въ радости сладкой;
потомъ онъ

Въ Царство свое, блаженный, прославленный, съ
милой женою,

Честію женъ, звѣздой красоты и любви, возвра-
тился.

Тамъ въ благовонныхъ рощахъ, въ роскошныхъ
Царскихъ палатахъ

Онъ благоденствовалъ, тихо и сладостно каплю за
каплей

Жизни изъ чаши одной выпивая съ ней вмѣстѣ,
вкушая

Миръ и свободу, въ молитвѣ, въ забавахъ, въ
трудѣ и покоѣ,

Правду творя и на счастья народномъ свое утверждая.

III.

Боги, покинувъ Видарбу и въ небо свое возвра-
щаясь,

Встрѣтили адскаго бога Кали. Провожаемъ Двепа-
рой,

Странствовалъ онъ по землѣ. — Куда направляешь
ты путь свой?

Индра спросилъ. — Въ Видарбу, Кали отвѣчалъ;

Дамаянти

Будеть моею женою; мнѣ въ мысли пришло, что

я долженъ

Ею быть избранъ. — Съ улыбкой отвѣтствовалъ

Индра: ужъ выборъ

Сдѣланъ; ты опоздалъ; при насъ она покля-

лася

Въ вѣрности Наю. — Кали, услышавъ отъ Индры

такую

Вѣсть, воскликнулъ въ кипѣніи гнѣва: когда Да-

маянти

Смертнаго мужа посмѣла Богамъ предпочесть, то

надъ нею

Страшно должна отмщена быть такая обида. На

это

Боги свѣта мрачнымъ Богамъ отвѣчали: По волѣ

Нашей выборъ свершился въ Видарбѣ; и младъ и

прекрасенъ

Наль: лишь одною, лишенною смысла, онъ могъ

быть не избранъ,

Онъ, непорочный, уставовъ святыхъ постоянный

блюститель,

Книгъ духовныхъ внимательный чтецъ, своимъ

правосудно

Правящій Царствомъ; онъ, у котораго въ домѣ

усердно

Приняты съ почестью, съ сладко-душистыми жерт-
вами Боги,

Онъ, правдивый, твердый и кроткій, людьми и
Богамъ

Чтимый, онъ строгій обѣтовъ-хранитель, онъ ода-
ренный

Набожнымъ сердцемъ, великой душою, смиреньемъ
и силой,

Онъ, въ которомъ терпѣнье, умѣренность, бла-
гость въ единый

Образъ божественной прелести слиты Ка-
ли, кто враждуетъ

Съ праведнымъ Наемъ, тотъ врагъ себѣ самому,
кто враждуетъ

Съ праведнымъ Наемъ, тотъ скройся въ пропа-
сти ада, на муку

Вѣчную. Такъ отвѣчавъ, удалился Боги на не-
бо;

Видя Боговъ удалившихся, съ злобной усмѣшкой
Двепаръ

Молвилъ Кали: не прощу никогда я обиды; те-
перь же

Въ Наю вселюсь, чтобъ его ненавистнаго вверг-
нуть въ погибель;

Ты же Двепара (вѣдь знаемъ давно мы, съ ка-
кою горячкой

Въ кости играетъ онъ) спрячься въ костяхъ и будь
мнѣ помощникъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Съ замысломъ злобнымъ своимъ притаился въ
обители царской

Наля коварный Кали. Онъ все выжидалъ, чтобъ
удобный

Случай открылся ему совершить предпріятное; шесть
лѣтъ

Ждалъ онъ напрасно; въ седьмой наконецъ пред-
ставился жданный

Случай: ко сну отходя, позабылъ совершить очи-
щение

Царь, и въ тѣло нечистое духъ нечистый все-
лился.

Въ сердце Наля проникнулъ Кали, и святое жи-
лище

Мирной невинности сдѣлалось мутно отъ злыхъ
помышленій.

Былъ у Наля сводный братъ Пушкѣра. Далеко

Жилъ онъ въ своемъ городкѣ, небогатымъ участ-
комъ довольный ;

Хитрый Кали, овладѣвши сердцемъ смиреннаго
Наля,

Вотъ что сказалъ въ сновидѣньи Пушкаръ; возми
ты скорѣе

Кости, и къ Налю иди, и игру о Царствѣ Ни-
шадскомъ

Съ нимъ заведи, и будетъ твоимъ Нишадское
Царство ;

Весь проиграется Наль. Пушкаръ, прельщенный
вечпстымъ

Духомъ, взялъ кости, въ которыхъ уже скрывался
Двепара,

Къ Налю явился и вызвалъ его на игру ; заго-
рѣлся

Бѣшеной страстію Наль, запрыгали кости и смерт-
ный

Бой начался; и Царь, какъ безумный ставилъ на
кости

Все : драгоценные камни, золото, утварь, одеж-
ды,

Замки и земли, и все, одно за другимъ, ослѣплен-
ный

Хитрымъ врагомъ, онъ проигрывалъ. Тщетно его
Дамаанти

Бросить игру умоляла; ея онъ не слушалъ. Сму-
тились

Всѣ приближенные, всѣ вельможи, весь дворъ, всѣ
 граждане;
 Вотъ Дамаянти слышитъ, что всѣ они собра-
 лися
 Въ Царскомъ дворцѣ, чтобъ Царю объявить, какъ
 сильно тревожить
 Ихъ его злключенье; и въ горькихъ слезахъ
 Дамаянти
 Такъ сказала Царю: въ твоей обители весь твой
 Вѣрный Нишадской народъ собрался и ждетъ и
 желаетъ
 Свѣтлыя очи увидѣть твои; покажися, отвѣтствуй
 Имъ на любовь ихъ вниманіемъ Царскимъ. И сле-
 зы бѣжали
 Быстро изъ глазъ Дамаянти; но Царь не внималъ
 ей, враждебной
 Силою мрачнаго духа объятый. И дворъ и граж-
 дане,
 Видя, что Наль ихъ моленья отвергъ, разошлись,
 помышляя
 Съ горемъ глубокимъ и тяжкимъ стыдомъ: Онъ боль-
 не Царь намъ!
 Кости же тою порой, какъ живыя, летали; все
 жарче
 Бой разгарался и Царь проигрывалъ съ каждымъ
 ударомъ.

II.

Видя что мужъ отъ игры былъ совсѣмъ безъ
ума, Дамаянти

Стала думать о томъ, какимъ бы средствомъ отъ
близкой,

Имъ обоимъ грозящей бѣды защититься; но труд-
нымъ

Ей показалось спасенье; безумный Наль поми-
нотно

Область за областью брату проигрывалъ. Вотъ Да-
маянти

Съ горемъ сказала кормилицѣ старой своей Ври-
хазенѣ,

Чтимою всеми въ домѣ Царевомъ, совѣтницѣ ум-
ной :

Другъ мой, кормилица, слушай, ко мнѣ собери
поскорѣе

Всѣхъ совѣтниковъ Царскихъ; мнѣ должно съ
ними изчислить,

Сколько богатства проиграно, что еще намъ оста-
лось.

Вотъ собрались совѣтники; ихъ повела Дамаянти

Къ Налю, который игралъ безпробудно. Къ нему
приступила

Съ ними Царица, и плача, выслушать ихъ умо-
ляла.

Но очарованный Налъ былъ глухъ и слѣпъ и
 безчувственъ
 Онъ не взглянулъ на нее, не сказалъ ей ни
 слова,
 Все продолжалъ по прежнему съ братомъ играть,
 и стоявшихъ
 Въ горѣ и страхѣ предъ нимъ вельможъ не
 примѣтилъ. Утративъ
 Всю надежду, они съ содроганьемъ оставили Цар-
 скій
 Домъ. Царица же долго въ лице безумному Налю
 съ страхомъ смертельнымъ смотрѣла; а между
 тѣмъ роковыя,
 Налю враждебныя, брату его благосклонныя ко-
 сти
 Стукомъ своимъ безпрестаннымъ и пуще ее ужа-
 сали.
 Слушай кормилица, такъ наконецъ Дамаянти ска-
 зала
 Вѣрной своей Врихазенѣ; бѣда наступила; ско-
 рѣе
 Кликни Варшнею, правителя коней Царевыхъ. Ко-
 гда же
 Къ ней явился Варшнея, устами, сладчайшими
 меда,
 Вотъ что ему Дамаянти сказала: Варшнея, соут-
 никъ

Вѣрный Царя, послужи ему и теперь въ насту-
пившемъ

Бѣдствіи : видишь , что каждый проигрышъ съ но-
вой

Силою въ немъ страсть къ игрѣ разжигаетъ, что
кости какъ будто

Противъ него за одно съ Пушкарѣй ; мой Царь
обезумленъ

Духомъ враждебнымъ , забылъ о народѣ , о ближ-
нихъ , не внемлетъ

Даже и мнѣ ; всему причиною кости ; въ нихъ
скрыта

Адская сила , а самъ онъ невиненъ . Послушай,
мой добрый ,

Вѣрный Варшней , исполни мое повелѣнье : все-
часно

Жду со страхомъ и трепетомъ я , что Царь мой
погибнетъ ,

Все проигравъ ; но еще не проиграны Царскіе
кони

Быстролетучіе ; сядь въ колесницу его и не мед-
ля ,

Прежде нежели наша гибель свершилась , въ Ви-
дарбу

Къ Бимѣ отцу моему , дѣтей отвези ; поклонися

Сродникамъ всѣмъ и знакомымъ моимъ ; когда же
отдашь ты

Все, и сиротокъ моихъ, и Царскихъ коней съ
колесницей

Бимъ, тогда ты будешь воленъ иль остаться въ
Видарбъ,

Или итти въ иную какую землю, куда ты

Самъ пожелаешь. Варшнея, вѣрный правитель Ца-
ревыхъ

Коней, выслушавъ то, что ему Дамаянти ска-
зала,

Созвалъ совѣтниковъ Царскихъ; когда же и тѣ
согласились

Съ умнымъ желаньемъ Царицы, то, взявъ дѣтей,
онъ поѣхалъ

Съ ними въ Видарбу. Тамъ, снявши дѣтей съ
колесницы,

Отдалъ ихъ Бимъ, потомъ роднымъ и знакомымъ
Царицы

Всѣмъ отъ нея поклонился, потомъ печальный
тяжкой

Участью Наля, пошелъ въ свой путь, и, въ
Айоду пришедши,

Въ службу вступилъ къ Царю Ритуперну прави-
телемъ коней.

III.

Быль ужъ далеко Варшней, когда у несчастнаго
Наля

Выигралъ злой, Пушкѣра все Царство. Съ нас-
мѣшкою колкой

Брату сказалъ онъ; ты весь проигрался; посмо-
тримъ

Что ты теперь поставишь на кости; одна Дама-
янти

Только и есть у тебя; твое же добро остальное

Все мое; отвѣдаемъ счастья. Чьею женою

Быть должна Дамаянти, твоею или моею? —

Это услышавъ, Наль содрогнулся, вздохнулъ и ни
слова

Не былъ въ силахъ промолвить, но, мрачно
взглянувши на брата,

Снялъ съ себя всѣ уборы и только одно со-
хранивши

Бѣдное платье, нищій, ограбленный, Царь бла-
городный

Вышелъ смиренно изъ Царскаго дома, несмѣт-
ныхъ сокровищъ

Полнаго; слѣдомъ за нимъ, безъ роптанья судьбѣ
покоряся,

Такъ же одно лишь платье сберегши, пошла Да-
маянти.

Ночью они провели безъ почлега; подъ смерт-
ною казною

Ихъ принимать запретилъ Пушкаръ гражданамъ
Нишады;

Новый Царь былъ страшенъ, и такъ ни единый
изъ прежнихъ

Подданныхъ не далъ пріюта Царю безпріютному.
Близко

Города, голодъ и жажду терпя, однимъ безотрад-
нымъ

Горемъ богатый, три дня и три ночи сряду ски-
тался

Надь; потомъ онъ далъ пошелъ, печальный, го-
лодный;

Слѣдомъ затъ нимъ пошла Дамаянти; для скудныхъ
пищи

Ягоды рвали они и рыли коренья. Прошло ужъ
несколько

Нѣскольکو дней печальнаго странствія; голодъ же-
стоко

Мучилъ однажды обонхъ. Вдругъ двѣ златокры-
лыя птички

Сѣли на травкѣ близъ самаго Наля. Намъ бу-
детъ сегодня

Пища, сказалъ онъ, тихонько подкрался къ птич-
камъ, и, снявши

Съ плечъ послѣднее платье свое, имъ поспѣшно
накрылъ ихъ.

Что же? Съ нимъ вмѣстѣ птички взвились на
воздухъ, и видя,

Какъ изумленъ былъ Наль, совсѣмъ обнаженный,
запѣли:

«Знаешь ли кто мы, безумный? Мы кости, мы
кости! нарочно

«Мы сюда прилетали, чтобъ взять у тебя оста-
нное

«Платье; намъ было досадно, что ты, совсѣмъ
проигравшись,

«Съ платьемъ еще оставался. Прости, безразсуд-
ный; счастливый

«Путь!» — И птички исчезли. Наль сказалъ: Да-
маянти,

Тѣ, отъ которыхъ такую бѣду я терплю, кто
лишили

Царства, покоя и счастья меня, отъ которыхъ
не смѣть

Нынѣ меня принимать ни одинъ изъ Нишад-
цевъ — подъ видомъ

Птицъ златокрылыхъ они сюда прилетали, дабы
остальное

Платье похитить мое. И теперь я, сильн раз-
судка

Горемъ лишенный, тебѣ самой, Дамаянти, на
выборъ

Все отдаю. Та дорога ведетъ по горамъ Риша-
новскимъ.

Прямо въ Авантскую землю; здѣсь по склоненію
Виндійскихъ

Горь, вдоль излучистой свѣтло шумящей Пайошни
проникнешь

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отшельники въ кельяхъ свя-
тотѣхъныхъ обитають ;

Здѣсь же дорога въ Видарбу. Такъ Наль гово-
рилъ; но рыданье

Грудь Дамаянты спирало и слезы лились по пре-
витому краснымъ,

Блѣднымъ щекамъ. Она ему отвѣчала чуть слышнымъ

Голосомъ: сердце мое замираетъ и я отъпеча-

Вся цѣпенъю при мысли одной по томъ, что такъ
— сильно

Въ этотъ мигъ тебя, о возлюбленный другъ мой,
тревожить.

Царства лишенный, счастье утратившій, голодомъ,
и ономъ изъ жаждой,

Всякой оу нуждою тоимый, Царей красота, мой
единый

Другъ, какъ могъ пожелать ты, какъ могъ ты
подумать, чтобъ было

Мнѣ возможно покинуть тебя, отъ тебя отка-
заться!

Нѣтъ, мой прекрасный, тебя, изнуреннаго голо-
домъ, жаждой,

Горемъ о счастья погибшемъ томимаго, буду и
въ дикомъ

Лѣсѣ и въ знойной степи утѣшать я и словомъ
и взглядомъ.

Знай, что нѣтъ для души и для тѣла вѣрнѣе
лѣкарства

Вѣрной жены. — О! правда твоя, Дамаянти, съ
улыбкой

Налъ отвѣтствовалъ, нѣтъ для несчастнаго лучше
лѣкарства

Вѣрной, любящей жены. Я съ тобой не расста-
нусь; могло ли

Въ умъ твой войти подозрѣнье такое? Скорѣе съ
своею

Жизнью разстануся я, чѣмъ съ тобою, сокровище
жизни. —

Другъ, для чего же ты мнѣ говоришь о дорогѣ
въ Видарбу?

О мнѣ страшно! о свѣтъ мой прекрасный, оста-
нься со мною!

Будешь себя самага ненавидѣть, меня потеряв-
ши.

Нѣтъ, мой другъ, не указывай мнѣ на эти до-
роги;

Вся душа во мнѣ замираетъ отъ горя и стра-
ха.

Если же хочешь, чтобъ къ сродникамъ я возвра-
тилась въ Видарбу,

Вмѣстѣ пойдѣмъ; Видарбинскій Царь, родитель
мой, Бима

Радостно приметъ тебя и твоимъ утѣшителемъ
будетъ;

Съ честію будешь со мною ты жить подъ оте-
ческой кровлей. —

Наль отвѣчалъ: Дамаянти сомнѣнія нѣтъ, что
отецъ твой

Радостно приметъ меня, и пристанище дастъ мнѣ
въ Видарбѣ;

Но безпріютный и нищій, туда не пойду я. Мо-
гучимъ,

Славнымъ, богатымъ, подателемъ счастья тебѣ я
оттуда

Вышелъ, могу ли туда возвратиться безсильнымъ,
безславнымъ,

Нищимъ, счастья жизни твоей разрушителемъ?
Лучше

Вмѣстѣ съ тобою, о свѣтлый мой ангелъ, пойду
въ одинокій

Путь по горамъ, по долинамъ, питаюсь воздухомъ,
жажду

Свѣжей росой утоляя, чтобъ только солнце и
мѣсяцъ,

Нынѣ насъ страждущихъ видѣли, прежде насъ
видѣвъ блаженныхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Такъ утѣшалъ сокрушенную спутницу Налъ; Да-
 маянти
 Нѣжно къ нему прижимаясь, одѣла его полови-
 нной
 Скудной одежды своей и такъ подъ однимъ по-
 крываломъ,
 Голодь и жажду теряя, дорогою трудной дости-
 гая
 Оба къ низенькой хижинѣ, лѣсомъ густымъ осѣ-
 ненной;
 Тамъ, утомленные, пылью покрытые, Царь и Ца-
 рьрица
 Другъ подле друга легли на голой землѣ безъ
 подушки.
 Налъ заснулъ, и скоро глубокимъ сномъ Да-
 маянти

Такъ же заснула. Но сонъ Царя злополучнаго

изъатиско дмлся

Мало; тяжесть лежала на сердцѣ его; пробудив-

шавшись,

Сталъ онъ думать о Царствѣ своемъ, о потеряв-

шомъ счастья;

Странствіе въ дикихъ лѣсахъ и степяхъ его ужа-

сало;

Умъ его помутился. Что за судьба! о про себя

онъ

Такъ говорилъ: не лучше ль мнѣ смерть, чѣмъ

изгнанье и бѣдность?

Эта жъ несчастная мнѣ себя посвятившая.

должно ль

Ей безъ вины раздѣлять мое заслуженное горе?

она

Розно со мною она къ роднымъ возвратится; со

мною жъ

Вмѣстѣ, удѣломъ ей будетъ страданье одно; такъ

не лучше ль

Намъ разстаться? — Такъ онъ все думалъ, ду-

малъ, и скоро

Въ немъ утвердилася мысль, что ему Дамаянти

покинуть

Должно. Гдѣ бы она ни была, онъ сказалъ,

никакая

Вражья рука ей, небесно-прекрасной, божественно-

чистой,

Зла приключить не дерзнетъ ; опасность можетъ
грозить ей

Только тамъ, гдѣ буду съ ней я, на бѣду обре-
ченный.

Такъ онъ врагомъ обуянный, знакомился съ мыслью
разлуки,

Какъ же мнѣ быть? потомъ онъ сказалъ: Я нагъ;
ужъ не взять ли

Мнѣ половину платья ея? Но могу ли то сдѣ-
лать

Такъ, чтобъ она не проснулась? — И онъ бро-
дилъ въ нерѣшимыхъ

Мысляхъ около хижины; вдругъ на землѣ онъ
увидѣлъ

Ржавый кинжалъ безъ ноженъ; поспѣшно, съ
радостью дикой

Этотъ кинжалъ онъ схватилъ и имъ половину
отрѣзалъ

Платья у спящей жены, и той половиной по-
крылся.

Послѣ, какъ будто въ испугѣ, зажавши глаза,
побѣжалъ онъ

Прочь, но скоро назадъ возвратился и горько
заплакалъ,

Глядя на спящую. «Та, на которую вѣтеръ хо-
лодный

«Дунуть не смѣлъ, которую знойное солнце не
смѣло

«Жаркимъ лучемъ потревожить, краса молодая,
улада

«Жизни моей, подобно безумной, въ обрѣзанномъ
платѣ

«Здѣсь на жесткомъ камнѣ лежитъ. О Ангелъ
небесный,

«Свѣтъ души, Дамаянти, что будетъ съ тобою,
когда ты

«Болѣ меня не найдешь? О дочь прекрасная Би-
мы,

«Какъ же ты будешь бродить, не имѣя защи-
ты, въ ужасномъ

«Лѣсѣ, гдѣ львы и тигры живутъ, гдѣ змѣи
гнѣздятся.

«О! вы, Боги земные, Боги воздушные, Духи

«Горъ и пещеръ, охраняйте ея прекрасную мла-
дость!

«Самый же вѣрной ей щить ея непорочность
святая!»

Такъ сказавъ, опять удаляется Наль отъ без-
печно

Спящей спутницы, снова приходитъ, снова ухо-
дить,

Плача, терзаясь, то сильнымъ врагомъ, то лю-
бовью влекомый.

Но наконецъ Кали одолѣлъ: трепещущій, блѣд-
ный,

Тяжко стелая, чуть движа ногами, пошелъ онъ
и скоро
Скрылся, и въ дикомъ лѣсу одна Дамаянти
осталась.

II.

Только что Наль удалился, очи свои Дамаянти
съ ясной улыбкой открыла; ищетъ его, ози-
раясь
Робко по всѣмъ сторонамъ когда же
нигдѣ не нашелся
Другъ желанный, то страхъ предвѣщательный
душу пронзилъ ей;
Вдругъ она закричала отчаянно-жалобнымъ кри-
комъ:
Наль! но отвѣта ей не было. Царь мой, она
возопила,
Мой повелитель, защитникъ, мой спутникъ, уже
ли
Могъ ты покинуть меня въ такой безпріютной
пустынѣ?
Я умру отъ страха въ этомъ лѣсу; возвра-
тятся,

Налъ, мой другъ, мой желанный! Уже ли меня
обмануль ты?

Могъ ли ты слово нарушить свое и меня, без-
заботно

Спящую, кинуть? О гдѣ ты? куда ты, въ ка-
кую

Сторону, милый, пошелъ? Подожди, возвратися;
какъ могъ ты

Бросить жену, полжизни твоей? Иль надъ нею,
невинной

Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни же,
что ты

Ей обѣщаль въ присутствіи вѣчныхъ Боговъ?
О! теперь я постигла

Въ горѣ моемъ, что намъ умереть въ неуказан-
ный свыше

Чась нельзя, иначе могла ли бь прожить я еди-
ный

Мигъ, потерявши тебя. О нѣтъ, ты только пу-
гаешь

Шуткой меня; перестань же, мой другъ; отъ
шутокъ подобныхъ

Стынетъ кровь и мертвѣетъ душа; я робка; во-
ротися;

О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься;
дай же

Свѣтлыя очи твои мнѣ увидѣть! О гдѣ ты?
въ какую

Чашу лѣсную ты скрылся , чтобъ душу мою
разтревожить ?

Ахъ! но если ты вправду со мною разстался,
и если

Болѣ ко мнѣ не придешь и мнѣ не подашь въ
утѣшенье

Руку, то я не себя оплакивать буду; я буду,

Милый, скорбѣть о тебѣ; ты одинъ; что будетъ
съ тобою

Всѣми на свѣтѣ оставленнымъ, грустнымъ. уста-
лымъ, голоднымъ,

Жаждающимъ? о мой милый, что будетъ, что бу-
детъ съ тобою

Въ тѣ минуты, когда ты, меня ужъ не видя
очами,

Будешь видѣть душею, и будешь звать, и не
льзя ужъ

Будетъ дозваться меня, и ужъ болѣ меня ты
не встрѣтишь?

Такъ говорила въ печали своей Дамаянти, то
плача

Горько, то падая съ тяжкимъ рыданьемъ на зем-
лю, то съ громкимъ

Крикомъ съ земли подымаясь и лѣсъ наполняя
стенаньемъ.

Вотъ послѣ долгаго плача, рыданья, крика и
стона,

Съ чувствомъ живаго къ нему сожалѣнья, она
возопила :

Кто бы ни былъ тотъ врагъ, чья зависть и зло-
ба такое

Зло приключили Царю моему, пускай испы-
таетъ

Онъ, ненавистный, сугубое зло; пускай искуси-
тель,

Чистую душу Царя моего увлекшій въ такое

Дѣло, всѣ муки мои въ свою нечистую душу

Приметь. Такъ проклявши врага, по дикому лѣ-
су,

Полному злыхъ людей и чудовищъ, пошла Да-
маянти

Медленнымъ шагомъ, куда глядѣли глаза, и твер-
дила

Грустною горлицей: милый, возлюбленный, гдѣ
ты? и слезы

Градомъ катились изъ глазъ, и грудь разрыва-
лась отъ вздоховъ.

Вдругъ на нее съ высокаго дерева кинулась съ
страшнымъ

Свистомъ змѣя, голодная, длинная, жадно до-
бычу,

Въ вѣтвяхъ древесныхъ склубившись, стерегшая.
Сжатая въ крѣпкихъ

Кольцахъ чудовища, только о миломъ своемъ Да-

мааянти

Въ часъ гибели думала. Гдѣ ты? она воскли-

цала,

Другъ, поспѣши на помощь ко мнѣ погибающей;

горько,

Горько будетъ подумать тебѣ, когда возвра-

тишься

Снова на Царство, избѣгнувъ отъ бѣдъ, что

меня ты покинулъ

Такъ беззащитно въ лѣсу на гибель. Отъ

нынѣ кто будетъ,

О мой Царь, тебя, одинокаго странника, въ тем-

номъ

Лѣсѣ, въ знойной степи, утомленнаго, горемъ,

болѣзнию,

Голодомъ, жаждой томимаго, въ зной полуден-

ный, въ жестокой

Холодъ ночной утѣшать, ободрять и поконить?

Меня ужъ

Въ свѣтѣ не будетъ Но жалобный стонъ

Дамаянти услышалъ

Шедшій вблизи звѣроловецъ. Онъ кивулся къ ней

и нацѣливъ

Меткимъ копьемъ, змѣю умертвилъ. Спасена Да-

мааянти.

Вышутавъ нѣжные члены ея изъ губительныхъ

колецъ,

Онъ съ удивленьемъ спросилъ : отъ куда , краса-
вица , кто ты ?

Дѣва съ глазами живой антелопы , какою судь-
бою ,

Въ эту пустыню зашла ты и вверглась въ такую
опасность ?

Съ грустно-привѣтной улыбкой повѣсть свою
Дамаянти

Всю простодушно ему рассказала : ее предъ со-
бою

Видя полуобнаженную , съ дѣвственно — полною
грудью ,

Съ стройно-воздушнымъ станомъ , съ устами цвѣ-
тущими , въ пышномъ

Шелковыхъ , черныхъ волосъ покрывалѣ , съ яр-
кимъ блистаньемъ

Черныхъ глазъ подъ бровями , прекрасною , тон-
кой дугою

Ихъ осѣнившими , онъ во мгновеніе звѣрской лю-
бовью

Вспыхнулъ ; и взоромъ безстыднымъ ее пожиралъ
онъ , и руки

Около гибкаго стана обвить онъ хотѣлъ , и рвалъ
ся онъ

Къ чистымъ устамъ , чтобъ ихъ осквернить по-
цѣлуемъ . Но гнѣвомъ

Очи ея , какъ небесная молнія вспыхнули ; гроз-
но

Душу пронзающей взоръ на него она устре-
мила.

Если то воля безсмертныхъ, чтобъ мною вла-
дѣлъ безъ раздѣла

Данный мнѣ ими супругъ, то теперь же пади
бездыханенъ,

Врагъ ненавистный, на землю! сказала она, и
лишь только

Гнѣвное слово языкъ произнесъ, какъ уже свя-
тотатецъ

Мертвъ предъ нею лежалъ, убитый ея закли-
наньемъ.

III.

Чудомъ спасенная, снова пошла Дамаянти пусты-
ннымъ

Лѣсомъ впередъ, и чѣмъ далѣе шла, тѣмъ мрач-
нѣй становился

Лѣсъ; деревья сплетались вѣтвями; мошки, гу-
стою

Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы и ужас-
ный

Въ хворостѣ шорохъ отъ тигровъ, буйволовъ, ры-
сей, медвѣдей

Слышался ей; нигдѣ дороги не было; всюду

Падшія гнили деревья; межъ трупами ихъ проби-
вались

Дикія травы, въ которыхъ шипя ворочались
змѣи;

Въ правѣ и въ лѣвѣ, въ кустахъ и въ верши-
нахъ деревъ раздавались

Крики орловъ плотоядныхъ и хлопали крыльями
совы.

Лѣсъ наконецъ уперся въ высокую гору, гдѣ
жили

Съ давнихъ лѣтъ великаны и карлы, которой
вершина

Въ небо вдвигалась, а темное чрево хранили
щесть рѣдкихъ

Камней было. Тамъ чудно скалы на скалы гро-
моздились,

Били живымъ серебромъ по бокамъ ихъ ключи;
водопады

Мчались, сверкали, кипѣли, ревѣли межъ скалъ;
неподвижно

Черная тѣнь лежала въ долинахъ и ярко бли-
стали

Голые камни вершинъ, въ бездонно-глубокихъ
пещерахъ

Грозно таились Драконы и Грифы. Такою до-
рогой

Шла Дамаянти, сама не зная куда; съ неизмѣн-
ной

Вѣрностью къ другу, ей измѣнившему, съ серд-
цемъ смиреннымъ,

Съ чистымъ въ душѣ цѣломудріемъ, съ вѣрой,
не знающей страха,

Шла она, шла и пришла въ пустынное мѣсто;
и въ грустныхъ

Мысляхъ о другѣ далекомъ младыя уста разтво-
рила

Къ жалобѣ нѣжной, и такъ, поминая его, гово-
рила:

«Гдѣ ты, Царь благородный, Нишадецъ прекрас-
ный, могучій?»

«Гдѣ ты? Куда ты пошелъ, мой владыка, поки-
нувъ въ безлюдномъ

«Мѣстѣ меня безъ защиты? скажи мнѣ, какъ
могъ ты усердный

«Жертвъ приноситель Богамъ, позабыть о нашемъ
союзѣ?»

«Ведды читатель, какъ могъ ты обѣтъ свой нару-
шить? Какъ можешь

«Добрымъ молиться Богамъ, повелѣвшимъ тебѣ
быть защитой

«Данной ими жены, какъ и мнѣ они повелѣ-
ли

«Слѣдовать въ самую смерть за владыкой моимъ?

О! за чѣмъ ты

«Слово нарушилъ? виной ли какою я то заслу-

жила?

«Или тебѣ не жена я? Скажи же, отвѣтствуй, за

чѣмъ ты

«Такъ жестоко отрекся меня, обѣщавъ мнѣ иное?

«Или открой мнѣ, гдѣ ты теперь веселишься,

оставивъ

«Въ горѣ меня безутѣшномъ? Отвѣтствуй, куда

ты, Нишадскій

«Царь, ушелъ? по тебѣ твоя Видарбинка тос-

куетъ;

«Сынъ Виразены могучаго, дочь благодушнаго

Бимы

«Кличетъ тебя; о, Наль мой, откликнись твоей

Дамаянти;

«Голосъ подай ей въ этой пустынѣ; ей здѣсь

угрожаетъ

«Лѣса властитель, кровавый, голодный тигръ; не

ужели

«Ты отвѣта не дашь мнѣ, грустящей, плачущей,

жаждущей,

«Брошенной, слабой, изсохшей отъ голода, пылью

покрытой,

«Ночью и днемъ безпріютной, одежды лишенной,

бродящей

«Въ страхѣ, какъ матки лишенная лань? Не уже

«Другъ, не придешь? Я зову, но дозваться те-

«Всюду съ тобой лишь однимъ говорю, а ты

«Ты изъ людей благороднѣйшій, блескомъ очей,
величавой

«Стройностью стана, лица красотою божествен-
ный, гдѣ ты?

«Гдѣ ты? Ахъ! гдѣ тотъ, кому бѣ мнѣ сказать:
не видалъ ли ты Наля?

«Кто бѣ мнѣ отрадное слово промолвилъ въ от-
вѣтъ: твой прекрасный,

«Твой желанный, о комъ ты такъ плачешь, такъ
сѣтуешь, близко! —

«Вотъ бѣжитъ владыка лѣсовъ, острозубый, мо-
гучій

«Тигръ; я безъ страха къ нему подойду и ска-
жу: благородный

«Тигръ, владыка лѣсовъ, я Царская дочь Дама-
янти,

«Свѣтлаго Наля жена, одинокая, сирая, въ го-
рѣ,

«Въ страхѣ, въ нуждѣ, за нимъ безотрадно
бродящая; гдѣ онъ?

«Если ты знаешь объ этомъ, зѣрей повелитель,
скажи мнѣ;

«Если же нѣтъ, то скорѣе меня разтерзай,
чтобъ отъ муки

«Душу мою изцѣлить. Но, мои молящіе вопли

«Слыша, звѣрей повелитель къ рѣкѣ, впадающей
въ море,

«Мимо, отвѣта не давъ мнѣ, изъ лѣса ухо-
дитъ. Я вижу,

«Тамъ подымается, въ небо упершись вершиной,
обвитый

«Пышнымъ вѣнцемъ изъ деревъ и кустовъ бла-
говонныхъ, цвѣтами

«Ярко пестряущій, солнечно-блещущій, слитый
изъ твердыхъ

«Скалъ, насквозь просіянный металлами, рѣкѣ
потоковъ

«Древній отецъ, лѣсовъ неприступная башня,
пустыни

«Сторожъ, владыка горъ — подойду и скажу: о
владыка

«Горъ первозданный, спокойно-блаженный, про-
хладно-росистый,

«Тучеподобный, земан-подпиратель, тебѣ по-
клоняюсь ;

«Слезно тебя, Великоіи, молю, скажи: не
видалъ ли

«Наля? Я жъ дочь благодушнаго Бимы Царя, Да-
маянти;

«Сынъ Виразены, Наль Пуньялока, супругъ мой,
Нишады

«Царь богомудрый, глубоко постигнувшій Ведду
святую,

«Чистый и мыслью и словомъ и дѣломъ, го-
нимыхъ защитникъ,

«Зла истребитель, сѣятель благъ, мнѣ данный
Богамъ

«Спутникъ, покинулъ меня и разставшись съ
нимъ, я разсталась

«Съ жизнью. Нынѣ къ тебѣ прихожу, много-
главый властитель

«Горь, съ высоты все объемлющій окомъ, ска-
жи: не видалъ ли

«Налъ? Отвѣтствуй, могучій созданія перве-
нецъ; словомъ

«Сладкой надежды утѣшь сироту, какъ отецъ
утѣшаетъ

«Дочь сокрушенную: — гдѣ мой возлюбленный?
Гдѣ мой желанный?

«Гдѣ мой прекрасный, мой болѣе жизни мнѣ
милый спутникъ?

«Гдѣ мой Царь, мой владыка, мой вождь, мой
ангелъ хранитель?

«Рвется сердце къ нему; по немъ душа уны-
ваетъ;

«Очи ищутъ его и голоса милаго жаждетъ

«Слухъ, и грудь сгараеть желаньемъ прижаться
ко груди

«Жаркой его. . . . О когда же, придется услы-
шать мнѣ снова

«Милое слово изъ сладостныхъ Нелевыхъ устъ:
Дамаянти!»

Такъ говорила въ своемъ сокрушенъи съ горою
пустынной

Бѣдная Царская дочь, но гора не дала ей
отвѣта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Къ сѣверу лѣсомъ пошла Дамаянти ; три дня
и три ночи

Шла она ; вдругъ передъ нею явилась чудесно-
густая

Роща изъ райскихъ дубовъ ; кругомъ живая
ограда

Вся въ цвѣту и исполнена тихимъ небеснымъ
сіяньемъ

Внутренность. Тамъ обитали отшельники , міра
отрекшись.

Строгіе постники, чувствъ обуздатели, помысловъ
свѣтлыхъ

Полные , чистой душой на землѣ небожители,
въ этой

Рощѣ жили они , съ собою розно , съ одними
Богами

Въ тѣсномъ союзѣ ; имъ пищей роса и воз-
духъ , одеждой

Листья древесныя были. Дивясь, смотрѣла, на
 этотъ
 Въ дикой пустынѣ сокрытый Эдемъ Дамаянти;
 тамъ было
 Все благовонно; цвѣты и плоды сіяли межъ
 темныхъ
 Листьевъ; сверкали ручьи; на ихъ берегахъ
 антилопы
 Съ легкими сернами прыгали; вѣтви обьявши
 хвостами,
 Съ крикомъ качались на нихъ обезьяны; по
 сучьямъ деревьевъ
 Ползали, перьями ярко блестя попугаи. Сво-
 бодно
 Царская дочь вздохнула, святую увидя оби-
 тель;
 Все чаруя небесно - смиренной прелестью жен-
 ской,
 Темнокудрявая, сладостно - стройная, тихо, какъ
 будто
 Въя по воздуху, къ старцамъ святымъ подо-
 шла Дамаянти;
 Ласково приняли старцы ее и она имъ ска-
 зала:
 Миръ вамъ, угодники; трудное дѣло спасенья
 успешно ль
 Вы совершаете? жарко ль пылаетъ огонь по-
 каянья?

Звѣри и птицы спокойны ль въ обители ва-
 шей? Самимъ вамъ
 Все ли во благо? — Они отвѣчали: все намъ
 во благо;
 Будь равномерно во благо все и тебѣ. Но
 скажи намъ,
 Кто ты, краса не земная? чего ты желаешь?
 Насъ свѣтлый
 Образъ твой всѣхъ изумилъ; успокойся у насъ
 и открой намъ
 Кто ты? Богиня лѣсовъ, иль полей, иль по-
 токовъ? — На то имъ,
 Тихо вздохнувъ, Дамаянти сказала въ отвѣтъ:
 не Богиня
 Я лѣсовъ, полей и потоковъ, но слабая, тяж-
 кимъ
 Горемъ гнѣтомая, смертная женщина; вамъ бла-
 годушнымъ
 Старцамъ я все расскажу. Владыка Видарбы,
 могучій,
 Славнодержавный Бима отецъ мой; властитель
 Нишады,
 Грозный могуществомъ, въ каждомъ бою по-
 бѣдитель, великій,
 Свѣтлый душою, неба достойный земли уро-
 женецъ,
 Правды защитникъ, правды вѣщатель, Боже-
 ственно — Царскимъ

Блескомъ сіяющій, градохранитель, градоруши-
 тель,
 Въ свѣтлыхъ очахъ и солнца и мѣсяца блескъ
 совмѣстившій,
 Налъ мой супругъ игрокомъ, коварно искус-
 нымъ, былъ вызванъ
 Въ кости играть; и ему все царство свое
 проигралъ онъ.
 Имя мое Дамаянти; одна по лѣсамъ и пусты-
 нямъ
 Вслѣдъ за Налемъ скитаюсь, крушима я горемъ,
 и нынѣ,
 Старцы смиренные, къ вамъ прихожу, чтобъ
 узнать, не встрѣчался ль
 Гдѣ нибудь вамъ мой утраченный Царь? не
 видали ль въ Эдемской
 Рощѣ своей вы его, за которымъ я слѣдую,
 этотъ
 Полный тиграми лѣсъ перешла? Скажите мнѣ,
 Старцы,
 Встрѣчу ль его? А ежели нѣтъ, то не луч-
 ше ль покинуть
 Жизнь? О! на что мнѣ она! одно нестерпи-
 мое бремя
 Жизнь безъ него, усладителя жизни. — На жа-
 лобы Царской
 Дочери, съ нѣжнымъ объ ней сожалѣніемъ,
 такъ отвѣчали

Старцы, читая пророчески въ будущемъ: «Праведны Боги!

«Вѣруя имъ, не смущайся душою, прекрасная; свѣтлы,

«Тихи и чисты, какъ очи твои, невинности ясной

«Полные, будутъ грядущіе дни для тебя; то являетъ

«Намъ откровеніе свыше: ты снова увидишь супруга;

«Снова онъ будетъ Царемъ, отъ вины невольныя чистый,

«Царски вѣщавый, грозный врагамъ, утѣшеніе ближнимъ,

«Скорби твоей изцѣлитель, жизни твоей украшенье,

«Прежній твой другъ, твой спутникъ, совѣтникъ, защитникъ — и все то

«Сбудется, если въ тебѣ не ослабнутъ терпѣнье и вѣрность»

То сказавши, тихо исчезли пустынники; съ ними

Вмѣстѣ и утвари ихъ, и жертвенный огонь, и молитвы

Мѣсто, и свѣжесть адемски-сіяющей рощи исчезли

Въ темномъ лѣсѣ одна Дамаянти осталась, и было

Все пустынно кругомъ. Дамаянти сказала: не
 сонъ ли
 Мнѣ привидѣлся? Гдѣ святыя отшельники? Гдѣ
 ихъ
 Роща? Гдѣ ихъ живые ключи, ихъ птицы,
 ихъ звѣри?
 Гдѣ ихъ цвѣты благовонные? Такъ въ изум-
 леньи подумавъ,
 Снова печали своей предалась Дамаянти; но чуд-
 ный
 Призракъ ее ободрилъ и пошла съ упованіемъ
 далѣ.

II.

По лѣсу долго скиталася въ горѣ своемъ Да-
 маянти;
 Вдругъ попадаетъ ей деревцо, оларенное чуд-
 ной
 Силой душу цѣлить; у людей его назы-
 ваютъ:
 Дерево *Гореусладъ*, у Боговъ *азока*. Царевна
 Къ этому дереву, лѣсъ оживлявшему запахомъ
 сладкимъ,
 Цвѣтомъ покрытому, съ сѣнью густою, проник-
 нутой звонкимъ

Пѣніемъ птицъ голосистыхъ, тотчасъ подошла
и заводитъ

Рѣчь съ нимъ такую: блаженное дерево, чуд-
ный, прекрасный

Гореусладъ, благовонный *Гореусладъ*, улади ты

Горе мое; цвѣтуцій *Азока*, скажи, не видалъ
ли

Ты моего супруга, Царя Нишадскаго, На-
ля?

Гдѣ онъ скитается? Помнитъ ли онъ обо мнѣ?
О порадуи

Сердце мое доброю вѣстью о немъ, цвѣто-
носный *Азока*;

Дай мнѣ уйти отъ тебя съ утѣшеніемъ; самъ
же въ пріютъ

Лѣса цвѣти, никѣмъ не обиженный, чистый,
душистый,

Сладостный *Гореусладъ*, усладитель всякаго го-
ря.

Такъ говоря, сорвала Дамаянти съ чуднаго
древа

Вѣтку; потомъ, съ нимъ прощаясь, примол-
вила: съ этою вѣткой

Скорбь и печаль, и нужду, и заботу беру я
съ собою;

Ты же, свободный отъ скорби, печали, нуж-
ды и заботы,

Здѣсь оставайся и если Царя моего ты уви-
дишь,

Молви ему, что отсюда печальное все уне-
сла я,

Дай ему тѣнь и покой, чтобъ подъ кровлей
твоей безпечальной,

Гореусладъ, онъ могъ, отдохнувъ, усладиться
отъ горя.

Съ сими словами прекрасная Царская дочь уда-
лилась;

Снова пустыннымъ лѣсомъ пошла, и снова
предъ нею

Стали являться деревья съ широкою сѣнью,
крутыя

Горы, скалы разнovidныя, темныя дебри, по-
токи;

Въ вѣтвяхъ деревьевъ гнѣздились, шумѣли, пор-
хали и пѣли

Птицы лѣсныя, и всюду ей въ дикой глуши
попадались

То кабанъ, то шакалъ, то буйволъ, то рысь,
то пантера.

Такъ Дамаянти скиталася долго. Вдругъ на
широкой,

Чистой полянѣ представился ей караванъ мно-
голюдный;

Лѣсъ оглашался крикомъ людей, скрипѣньемъ
повозокъ,

Ржаніемъ конскимъ, топотомъ тяжкимъ слоновъ
и верблюдовъ.

Вдоль широкой рѣки, густымъ тростникомъ опу-
щенной,

(Гдѣ укрывались цапли и бѣлые лебеди звуч-
но

Голосъ свой подавали, гдѣ свѣтлая влага ки-
пѣла

Множествомъ рыбъ, черепахъ и змѣй) кара-
ванъ тотъ тянулся.

Кинулась къ людямъ на встрѣчу Царевна; ея
появление

Всѣхъ поразило; полу-нагая, однимъ покрыва-
ломъ

Шелковыхъ, длинныхъ волосъ, по плечамъ и
грудямъ въ безпорядкѣ

Вьющихся, чудно-одѣтая, блѣдной подобная тѣ-
ни,

Съ горя изсохшая, вся въ пыли, но все какъ
небесный

Ангель прекрасная — такъ имъ явилась въ лѣ-
су Дамаянти.

Въ страхъ одни отъ нея убѣжали, другіе
безмолвно

Ей смотрѣли въ лице, иные смѣялись, иные,

Болѣ имѣя разсудка, приблизились къ ней съ
состраданьемъ.

Кто ты, образъ небесный? спросили они. Для
 чего ты
 Въ этомъ лѣсу? Земной ли ты человѣкъ, или
 созданье
 Высшее, горный, могучій духъ, или дѣва по-
 тока,
 Или иная безсмертная. Будь намъ встрѣча съ
 тобою
 Знаменьемъ добрымъ. Тебѣ мы себя предаемъ,
 чтобъ дорогу
 Нашъ караванъ совершилъ безопасно. На это,
 вздохнувши,
 Царская дочь отвѣчала: не съ неба сошла я;
 земная,
 Бѣдная, жалкая странница я; мой отецъ Ви-
 дарбинскій
 Царь; мой супругъ обладатель Нишады Наля
 знаменитый;
 Съ нимъ въ разлукѣ, его я ищу, и не вѣ-
 даю, гдѣ онъ.
 Если что слышали о владыкѣ моемъ, то ска-
 жите,
 Гдѣ мнѣ съ нимъ встрѣтиться, гдѣ я найду
 прекраснаго Наля,
 Наля, Царя львино-серднаго, грозно-отважнаго
 въ битвахъ?
 Вождь каравана, богатый купецъ, по имени
 Зуччи,

Ей отвѣчалъ: нигдѣ по дорогамъ, по коимъ
давно ужъ

Странствуемъ мы, намъ до нынѣ никто не
встрѣчался, ктобъ имя
Наля имѣлъ; оленей, медвѣдей, буйволовъ, тиг-
ровъ

Много въ этомъ лѣсу; но до сихъ поръ еще
человѣка,

Кромѣ тебя, мы здѣсь не видали. — Куда жъ
вы идете?

Снова спросила его Дамаянти. — Идемъ въ зна-
менитый

Городъ Шедди, отвѣтствовалъ Зуччи; имъ нынѣ
владѣетъ

Царь Сувегу, и въ Царскомъ дворцѣ его оби-
таютъ

Вмѣстѣ съ нимъ его благодущная Мать, дра-
гоцѣнный

Перлъ добродѣтели женской. Услышавъ о томъ,
Дамаянти

Въ городъ Шедди рѣшилась итти; пристать къ
каравану

Зуччи ее пригласилъ. Съ караваномъ пошла Да-
маянти.

III.

Долго съ печалью одна бродивъ по лѣсамъ,
Дамаянти

Спутниковъ много имѣла теперь, но была и
межъ ними

Все, какъ и прежде, съ печалью одна. По
горамъ, по долинамъ

Шумнымъ потокомъ валилъ караванъ. Вотъ од-
нажды съ закатомъ

Солица, они очутились у тихаго озера; въ
темномъ

Лѣсѣ скрывалось оно; берега облекались зеле-
нымъ

Бархатомъ свѣжей травы; какъ стекло непод-
вижно-прозрачны

Были воды; въ чистомъ зеркалѣ ихъ водя-
ныя

Розы и лиліи ярко сіяли и бисеромъ пѣны

Легкія струйки, ласкаясь къ нимъ, осыпали ихъ
листьями.

Берегъ кругомъ былъ излучистъ и воды въ
него то глубокой

Бухтой входили, то онъ въ ихъ широкое ло-
но зеленымъ

Мысомъ вдавался. Усталые путники, въ этомъ
 пріютномъ
 Мѣстѣ ночлегъ учредивъ и снявши съ слоновъ
 и верблюдовъ
 Лишнее бремя, спокойно легли на травѣ подъ
 открытымъ
 Небомъ и скоро заснули. Вдругъ въ полночь
 (когда въ караванѣ
 Всѣ какъ мертвые были отъ сна) съ горы
 прибѣжала
 Съ страшнымъ храпѣньемъ стая дикихъ слоновъ,
 чтобъ въ потокѣ
 Жажду свою утолить, пылая томительнымъ жа-
 ромъ.
 Но, почуявши близость слоновъ каравана, съ
 свирѣпымъ
 Бѣшенствомъ, пѣнясь и фыркая, кинулись всѣ
 на заснувшихъ
 Смиренныхъ враговъ; никакою силою грозныхъ
 чудовищъ
 Было нельзя удержать; какъ въ долину, сорвав-
 шись съ высокой
 Горной вершины, катятся скалы, такъ, ломая
 деревья,
 Вдругъ слоны ворвались въ караванъ и топ-
 тали лежащихъ
 Сонныхъ людей. Со стономъ и крикомъ всѣ
 поднялись,

Всѣ смѣшались , слуга , господинъ , старикъ и
младенецъ ;

Ночью , страхомъ и сномъ обезумлены , сами
не зная ,

Что за бѣда и отъ куда , кто въ лѣсъ , кто
къ водѣ побѣжали .

Слыша храпѣнье и топотъ , видя во мракѣ
мельканье

Черныхъ огромныхъ тѣней , давимые тяжелой
ногою ,

Острымъ клыкомъ пронзенные , сжатые хобо-
бомъ сильнымъ ,

Въ дикомъ безпамятствѣ , люди , кони и вер-
блюды бросались

Другъ на друга , и сами въ смятеніи другъ
друга губили ,

Спясь спастися : тѣ кучей на дерево лѣзли ,
цѣпляясь .

Низшіе за ноги высшихъ и падали вмѣстѣ ,
другіе

Въ яму свергались или набѣгали на камень ,
или въ воду

Слѣпо кидались : разомъ исчезъ караванъ мно-
голюдный .

Многихъ въ минуту всеобщей бѣды корысть
обуяла ;

Голосъ лукавый шепнулъ имъ : куда вы бѣ-
жите ? погибель

Общая, общимъ и всякое стало богатство; берите

Все, что достанется въ руки; вотъ куча разсыпанныхъ перловъ

Вотъ драгоценные камни, вотъ золото, смѣло хватайте;

Нищій нынѣе завтра будетъ богачъ и погибли

Всѣ, кто предавшись корысти, замедлили бѣгствомъ спастися.

Въ это мгновенье, когда, какъ потокъ разливалась повсюду

Гибель, проснулась хранимая силой Боговъ Дамаянти.

Видя очами такой дотолѣ невиданный ужасъ,

Видя и слыша, какъ мчалася смерть надъ ея головою,

Вся трепетала она и, готовясь погибнуть, грустила

Только о миломъ, далекомъ, на вѣкъ покидаемомъ другѣ.

Но когда миновалася буря и снова все стало

Тихо въ лѣсу, собрались по немногу спасенные. Чѣмъ мы,

Гнѣвъ несказанный такой на себя отъ Боговъ обратили?

Такъ разсуждали они. Позабыли ль почитать
 мы дарами
 Бога, сокровищъ хранителя? Иль караваномъ
 былъ встрѣченъ
 Кто нибудь, дерзкій хулитель Бога торговли?
 Иль птицы,
 Намъ враждебныя, въ эту ночь пролетѣли
 надъ нами?
 Или то было вліянье зловредныхъ планетъ?...
 Напослѣдокъ
 Вотъ что сказали они: вся бѣда намъ отъ
 встрѣчи
 Съ этой безумной, нагой, изчахлой и бѣдной
 бродягой.
 Кто она? Чародѣйка, жена или дочь вели-
 кана,
 Небомъ проклятая? Если опять на глаза по-
 падется
 Эта волшебница намъ, то ее мы не добрымъ
 привѣтомъ,
 Камнями встрѣтимъ. Она своимъ колдовствомъ
 погубила
 Нашъ караванъ. Такія слова въ темнотѣ Да-
 маянти
 Слыша, съ печалью, стыдомъ и страхомъ въ
 чащу лѣсную
 Скрылась. «О горькая участь моя! она гово-
 рила,

Тяжко рыдая. О счастье, меня обманувшее!
 снова
 Цѣлымъ свѣтомъ покинута я. Какою виною
 Я на себя навлекла гоненье такое? кому я
 Дѣломъ иль словомъ иль мыслию зло приклю-
 чила? Знать въ прежней
 Жизни была я преступна; за то и въ тепе-
 решней должно
 Мнѣ до гроба страдать, за то и гоненье
 такое
 Мнѣ отъ людей, за то и разлука съ супру-
 гомъ, утрата
 Царства, отъ милыхъ дѣтей и отъ милыхъ
 родныхъ отлученье,
 Странствіе по лѣсу, полному тигровъ и змѣй,
 безпріютность
 Въ холодъ и зной, нищета, сиротство и ужасъ
 и горе.» —
 Утро межъ тѣмъ занялось; въ небольшую тол-
 пу собралися
 Всѣ непогибшіе въ страшную прошлую ночь,
 и въ дорогу
 Снова отправились, плача о горькой утратѣ бо-
 гатства,
 Плача о мертвыхъ друзьяхъ. Вотъ снова по-
 кинута ими

Въ дикомъ лѣсу Дамаянти и горе ея превы-
шало

Всѣ ихъ страданія вмѣстѣ. О! чѣмъ же, чѣмъ
(говорила

Плача она) такую бѣду на себя навлекла я?

Злая участь моя и словъ приманила на ги-
бель

Этихъ несчастныхъ, мнѣ давшихъ защиту; за
то и должна я

Долгимъ страданьемъ свой выплатить долгъ; я
чувствую въ тяжкомъ

Горѣ моемъ всю истину древняго слова: безъ
воли

Неба никто не умретъ, и моею истерзанной
груди

Хоботъ слона не коснулся; такъ! безъ судь-
бы совершиться

Съ нами ничто не можетъ на свѣтѣ; я за
собою

Съ самыхъ младенческихъ лѣтъ никакого не
вѣдаю злаго

Дѣла, не помню ни мысли худой, ни виновна-
го слова. —

Въ томъ ли мое преступленіе, что я для пре-
краснаго Наля

Свѣтлыхъ отвергла Боговъ и не мстятъ ли
разгнѣванны Боги

Мнѣ за земную любовь безотрадной земною
печалью? —

Такъ говоря, Дамаянти пошла по слѣдамъ
каравана

Издали, въ чащѣ таяся лѣсной, какъ въ
облакъ мѣсяцъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Вотъ наконецъ Дамаянти дошла до города Шед-
ди.

Грустно стояла она у воротъ , не входя въ
нихъ , стыдяся

Бѣдной одежды своей , обрѣзанной Налемъ , и
смятыхъ

Долгихъ волосъ , въ безпорядкѣ ей грудь по-
крывавшихъ.

Жители города Шедди , встрѣчаясь съ ней ,
удивлялись

Странному виду ея , а дѣти за нею бѣжали

Съ крикомъ ; ихъ шумной толпою слѣдимая ,
скоро къ палатамъ

Царскимъ пришла Дамаянти. Тамъ , на пло-
щадкѣ высокой

Кровли Мать Царева стояла. Увидя идущую ,
старой

Мамкѣ своей сказала она : поди , пригласи къ
намъ

Эту жалкую странницу , чистый , дымомъ зат-
менный

Огнь красоты , народомъ тѣснимую. Вѣрно прию-
та

Ищетъ она. Я вижу въ ней нѣчто высокое ;
домъ нашъ

Свѣтомъ наполнить она благодатнымъ. — Пред-
ставилась старой

Матери Царской младая Царская дочь. И Ца-
рица

Ласковымъ взоромъ встрѣтя ее , сказала при-
вѣтно :

Въ самомъ затмевьи печали твой образъ сіяетъ ,
какъ въ темной

Тучѣ яркая молнія. Кто ты ? куда и откуда

Путь твой ? Лице твое неземное , хотя и по-
крыто

Нищенскимъ рубищемъ тѣло твое ; одна безъ
защиты

Странствуешь ты по землѣ и людей не стра-
шишься , какъ чистый

Ангель. Скажи жъ мнѣ , какое званье твое ? —

Дружелюбной

Рѣчью такой ободренная , такъ Дамаянти ска-
зала :

Я не Ангелъ , Царица , я смертный простой
 человекъ ; но породы
 Я не простой. Огорченная тяжелой разлукой съ
 супругомъ ,
 Въ слѣдъ за нимъ , чтобъ его отыскать , по
 землѣ я скитаюсь ,
 Женскимъ себя рукодѣльемъ питаю ; плоды и ко-
 ренья
 Пища моя , а пристанище тамъ , гдѣ укажутъ
 мнѣ Боги .
 Доблестный , мудрый , прекрасный , богатый , серд-
 цемъ избранный ,
 Милый супругъ мой разстался со мною ; Ца-
 рица , несчастливъ
 Былъ онъ ; въ игрѣ роковой свои всѣ богат-
 ства утративъ ,
 Нищимъ онъ домъ свой покинулъ , и въ лѣсъ
 съ одною одеждой
 Скрылся ; за нимъ я пошла , чтобъ имѣлъ
 онъ въ печали отраду.
 Тамъ , изнуряемый голодомъ , онъ , на несчастье
 рожденный ,
 Платье послѣднее съ плечъ потерялъ : кто Бо-
 гами назначенъ
 Въ жертву бѣдѣ , у того похищаетъ и вѣтеръ
 и птица
 Платье ; и днемъ и ночью я шла за нимъ ,
 безпокровнымъ .

Разъ случилось, я, утомленная, въ лѣсѣ за-
снула

Ахъ! онъ скрылся, онъ бросилъ меня, онъ
унесъ половину

Бѣдной одежды моей: съ той поры и дивно
и nocturno

Въ слѣдъ за нимъ, весельемъ и свѣтомъ ду-
ши, я по темнымъ

Дикимъ лѣсамъ, по широкимъ степямъ, по до-
линамъ

Странствую; мнѣ половину одежды моей воз-
вратить онъ

Долженъ, иль взять у меня мою половинную,
сердцу

Тяжкую жизнь; какъ одной половинѣ одежды
другая

Надобна, такъ и мнѣ другую себя половину

Должно найти, иль жить перестать. — Съ со-
страданьемъ Царица

Выслушавъ жалкую повѣсть ея, отвѣчала: ос-
танься

Съ нами, блаженно-скорбящая; радовать будетъ
мнѣ сердце

Свѣтлая близость твоя. Не медля ни мало,
по всюду

Мы разошлемъ гонцевъ за супругомъ твоимъ;
и случится

Можетъ , что и самъ ненарокомъ зайдетъ онъ
 сюда , гдѣ его ты
 Будешь ждать въ безопасно-спокойномъ пріютѣ.

— На то ей ,
 Горе свое обуздавъ , сказала въ отвѣтъ Да-
 маянти :

Здѣсь я охотно останусь , если ты мнѣ обѣ-
 щанье

Дашь , Царица , условье исполнить такое ; чтобъ
 низкой

Должности я не имѣла , служа лишь тебѣ ,
 чтобъ обѣдковъ

Въ пищу мнѣ не давали , чтобъ доступъ ко
 мнѣ запрещенъ былъ

Всѣмъ мужчинамъ , чтобъ каждый , мной овла-
 дѣть пожелавшій ,

Смертью наказанъ немедленно былъ — такую
 дала я

Клятву Богамъ , чтобъ найти помогли мнѣ су-
 пруга ; видаться жъ

Только съ одними Браминами буду. Когда ты ,
 Царица ,

Примешь такое условье мое , то здѣсь съ бла-
 годарнымъ

Сердцемъ останусь. — На то отвѣчала Царица :
 исполню

Все и святъ для меня твой обѣтъ. Потомъ
 приказала

Вызвать изъ внутреннихъ Царскихъ покоевъ
 Царевну Сунанду
 Дочь свою. Скоро Царевна явилась, вѣнкомъ
 многоцвѣтнымъ
 Рѣзво-прелестныхъ подругъ окруженная. Видишь,
 Сунанда,
 (Мать ей сказала) эту пришлицу въ бѣдной
 одждѣ?
 Лѣтами ты ровесница ей; но опыты жизни
 Дали ей раннюю зрѣлость. Люби ты ее какъ
 подругу;
 Ласково съ ней обходись и ее уважай, чтобъ
 съ тобою
 Сердце ея отдохнуло, чтобъ ты въ сообще-
 ствѣ съ нею
 Пользу нашла для души. Сунанда, съ весе-
 лостью дѣтской
 За руку взявъ Дамаянти, ее увела. И оста-
 лась
 Съ той поры Дамаянти подругой Царевны Су-
 нанды.

II.

Налъ столь жестоко покинувъ свою Дамаянти,
 прискорбенъ,

Сумраченъ, шелъ по пустынь и, самъ пусты-
 ня, съ собою
 Въ горѣ разстаться желалъ. Когда раскаленное
 солнце
 Зноемъ пронзало его, онъ ему говорилъ: не
 за то ли
 Солнце такъ жжешь ты жестоко меня, что я
 Дамаянти
 Бросилъ? Онъ горько плакалъ, когда на по-
 хищенный лоскутъ
 Платя ея глаза обращалъ. Изнуряемый жаж-
 дой,
 Разъ подошелъ онъ къ ручью; но въ водахъ
 увидя свой образъ,
 Съ ужасомъ кинулся прочь. О еслибъ я могъ
 разлучиться
 Съ этимъ лицомъ, чтобъ быть и себѣ и
 другимъ незнакомымъ!
 Онъ воскликнулъ и въ лѣсъ побѣжалъ; и
 вдругъ тамъ увидѣлъ
 Пламя — не пламя въ лѣсу, а въ пламени
 лѣсъ — и отъ туда
 Жалобный голосъ къ нему вопіялъ: «Придешь
 ли, придешь ли
 «Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Наль бла-
 годатный?
 «Будь мой спаситель и будешь мною спасенъ.»
 — Изумленный

Наль спросилъ : отъ куда твой голосъ ? чего
ты желаешь ?

Гдѣ ты и кто ты ? — « Я здѣсь , въ огнѣ , бла-
городный , могучій

« Наль . Ты будешь ли столько безстрашенъ ,
чтобъ твердой ногою

« Въ пламя вступить и дойти до меня ? » — Ни-
чего не страшусь я ,

Кромѣ себя самого съ той минуты , когда я
невѣренъ

Сталъ моею Дамаянти . Съ этими словами онъ
прямо

Въ пламя пошелъ : оно подымалось , лилось изъ
глубокихъ

Трещинъ земли , выростая въ видѣ вѣтвистыхъ
деревьевъ ,

Коиныхъ огнистые сучья сплетались , и черно-ба-
гровый

Дымъ вѣнчалъ ихъ вершины . Въ семь огнен-
номъ лѣсѣ

Наль очутился одинъ , — со всѣхъ сторонъ
устремлялись

Жаркія вѣтви на встрѣчу ему и всюду , гдѣ
шелъ онъ ,

Частой травой изъ земли пробивалось острое
пламя .

Вдругъ онъ увидѣлъ въ самомъ пылу , на
огромно горячемъ

Камнѣ змѣю: склубяся, дымяся, разинутой пастью

Знойно дышала она подъ своею чешуей раз-
каленной.

Голову, свѣтлой короной вѣнчанную, тяжело под-
нявши,

Такъ простонало чудовище: «Я Керкота, змѣнный

«Царь; мнѣ подвластны всѣ змѣи земныя; сми-
ренный пустынный»

«Старецъ Нерада проклялъ меня и обрекъ на
такую

«Муку за то, что его я хотѣлъ обмануть. Ты,
разсказъ мой

«Слушая, стой здѣсь покойно: стой покойно
подъ страшнымъ

«Пламенемъ, жарко объявившимъ тебя, чтобъ оно
затушило

«Бурю души, чтобъ душой овладѣвшій Кали
былъ наказанъ,

«Чтобъ наконецъ ты, очищенный, снова нашелъ
что утратилъ.»

III.

Слушай же повѣсть мою, продолжалъ, зады-
хаясь отъ жару,

Царь змѣиный; и Наль терпѣливо сносилъ не-
стерпимый

Пламень, внимательно слушалъ. Нерѣда, смирен-
ный пустынный,

Чудный садъ насадилъ вокругъ кельи своей;
и въ саду томъ

Были всѣ земныя деревья и травы; и было

Много тамъ свѣтлыхъ ручьевъ и сѣней, про-
хладно-тѣнистыхъ.

Въ этотъ садъ пригласилъ онъ всѣхъ незло-
вредныхъ животныхъ;

Всѣхъ ходящихъ, летающихъ, скачущихъ, пла-
вать или ползать

Созданныхъ; всѣхъ же зловредныхъ, терзающихъ
зубомъ, когтями

Рвущихъ, или жаломъ пронзающихъ проклялъ
и входъ запретилъ имъ

Въ садъ свой. Изъ змѣй мнѣ подвластныхъ, въ не-
го проникать онъ дозволилъ

Только однимъ неимѣющимъ жала, безвредно по-
травкѣ

Вьющимся, росу собирая съ цвѣтовъ или изъ
ягодъ сосущимъ

Сокъ благовонный. Изъ этихъ красивыхъ, не-
злобно-веселыхъ

Змѣекъ одна, любопытно-отважная, рѣзвая змѣй-
ка

Разъ, безъ всякаго умысла злаго, въ саду по
 деревьямъ
 Ползала, ярко блестя чешуею на солнцѣ; вдругъ
 видитъ
 Домикъ воздушный, сплетенный изъ тонкихъ
 былинъ и моха:
 Онъ на вѣткѣ висѣлъ и качался, какъ люль-
 ка; то было
 Гнѣздышко маленькой птички; самой же кры-
 латой хозяйки
 Не было въ немъ; она улетѣла за пищей;
 яички,
 Легкимъ прикрытыя пухомъ, лежали въ гнѣз-
 дѣ. Перегнувши
 Тонкую шейку свою черезъ вѣтку, въ гнѣздо
 опустила
 Голову змѣйка и видитъ яйцо лазурнаго цвѣ-
 та;
 Каплей росы оно показалось, и змѣйкѣ на-
 питься
 Вдругъ захотѣлось; лизнула яйцо; яйцо разко-
 лось;
 Въ эту минуту птичка въ гнѣздо прилетѣла;
 увидя
 Что тамъ надѣлала змѣйка, бросилась съ жа-
 лобнымъ крикомъ
 Прямо къ Нерадѣ она. Нерада во гнѣзѣ ужа-
 сенъ.

Тутъ же погибла бы змѣйка, когда бъ не
 успѣла проворно
 Изъ саду скрыться. Она спаслася ко мнѣ. Но
 смиренный
 Старецъ потребовалъ строго, чтобъ я преступ-
 ницу выдалъ.
 Я не посмѣлъ отказать; я спросилъ: чего ты
 желаешь?
 Какъ повелишь ее мнѣ казнить? Я Царь; са-
 мому мнѣ
 Должно виновныхъ наказывать подданныхъ. —
 Видѣть хочу я
 Завтра жъ ее на заборѣ сада висящую, стро-
 го
 Мнѣ отвѣчалъ Нерада; потомъ, по прошествіи
 трехъ дней,
 Самъ я ее передъ всѣми сожгу, чтобъ впе-
 редъ опасался
 Кто бы то ни было садъ мой тревожить зло-
 мышленнымъ дѣломъ.
 Былъ мнѣ прискорбенъ такой приговоръ; какъ
 родную любилъ я
 Эту милую змѣйку; поспѣшнѣй другихъ и вѣр-
 нѣе
 Вѣсти она приносила ко мнѣ. Предо мной из-
 виваясь
 Въ страхъ, съ молитвой она ко мнѣ поды-
 мала головку.

Я ей сказалъ: проворнѣй, вылезъ изъ кожи.

Не нужно

Было того повторять; въ минуту въ новой
одеждѣ

Змѣйка явилась моя, на землѣ предо мною ос-
тавивъ

Старую. Тотчасъ, двухъ сильныхъ удавовъ при-
звавъ, я велѣлъ имъ
Кожу пустую съ приличнымъ обрядомъ повѣ-
сить на тынѣ

Сада. Когда черезъ три дня онъ сниметъ ее,
то конечно

Станетъ думать, что солнце ее изсушило, такъ
мыслилъ

Я, уповая, что мой удастся обманъ. И до-
воленъ

Былъ Нерада моимъ послушаньемъ, увидя на
тынѣ

Кожу висящую; вѣтеръ ее колыхалъ. Какъ
живая,

Молвилъ Нерада, она гибка и вертлява; но
краски

Кожи потускли: блѣдная смерть ее обхвати-
ла. —

Тѣмъ бы и кончилось всё, когда бъ на бѣ-
ду не пропѣла

Птичка. Она недовольна была законною казнью:

Собственнымъ мщенъемъ себя ей хотѣлось по-
 тѣшить; къ висящей
 Кожѣ она подлетѣла, чтобъ оба глаза у мерт-
 вой
 Выклевать — что же? Ихъ нѣтъ; сквозь пу-
 стыя скважины такъ же
 Видитъ она, что и внутренность кожи пуста.
 И къ Нерадѣ
 Тотчасъ она полетѣла. Тебя обманули; змѣи-
 ный
 Царь не змѣйку, а змѣйкину кожу повѣсилъ,
 пропѣла
 Птичка. Страшно Нерада разгнѣвался; вдругъ
 онъ явился
 Здѣсь, гдѣ тогда я на этомъ камнѣ лежалъ
 и на солнцѣ
 Грѣлся одинъ — при мнѣ ни ужъ, ни змѣи,
 ни дракона,
 Стражей моихъ, тогда не случилось; я спалъ.
 На громовый
 Голосъ Нерады проснувшись, хотѣлъ я вско-
 чить, но, могучимъ
 Взоромъ его обезсиленъ, не могъ шевельнуть-
 ся. Предатель,
 Старецъ сказалъ мнѣ, меня обмануть тебѣ уда-
 лось:
 Призракъ за сущность я принялъ; змѣиную
 кожу пустую

Вмѣсто змѣи я предаю огню, и виновную
спасу ты.

Самъ за нее наказанье прими. Не сойдешь ты
отнынѣ

Съ этаго камня; но будешь здѣсь на солнеч-
номъ свѣтѣ

Грѣться — я пламя иное зажгу вокругъ тебя;
не сгарая

Будешь горѣть въ немъ, шипя и свистя отъ
тоски и мѣня

Кожу за кожей въ напрасной надеждѣ, что
жаръ утолится.

Кончатся жъ муки твои лишь тогда, какъ къ
тебѣ издалѣка

Нѣкто придетъ, самому себѣ ненавистный и
образъ

Свой утратить желающій. Если его изъ сре-
дины

Пламени ты позовешь и онъ безстрашной сто-
пою

Въ пламень войдетъ, чтобъ избавить себя отъ
мученій, сильнѣе

Муки твоей его раздирающихъ; если доста-
нетъ

Твердости въ немъ, чтобъ среди нестерпимаго
жара спокойно

Выслушать повѣсть твою — тогда ты спасенъ,
прекратится

Въ ту же минуту твое наказанье, и самъ,
 по исходѣ
 Года со днемъ, онъ все возвратитъ, о чемъ
 сокрушается сердцемъ.
 Но чтобъ въ страданьи своемъ ты могъ къ
 себѣ издалѣка
 Звать своего искупителя, имя его я открою;
 Онъ называется Наемъ. Съ сими словами Не-
 рада
 Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой
 камень
 Голая степь; вдругъ услышалъ я шорохъ и
 трескъ; озираюсь —
 Всюду изъ трещинъ земли, какъ острия иглы,
 выходятъ
 Пламя, все гуще и гуще растетъ, все выше
 и выше
 Вьется, все ярче и ярче пылаетъ; прикован-
 ный къ камню,
 Чувствую я, какъ все подо мною, какъ все
 надо мною,
 Камень, на коемъ лежалъ я, и воздухъ, коимъ
 дышалъ я,
 Мало по малу въ пронзительный жаръ обра-
 щалось; съ начала
 Было то пламя какъ тонкая, гибкая травка;
 слилося

Скоро оно въ кустарникъ густой; напоследокъ
воздвиглось

Лѣсомъ широкимъ, въ которомъ каждое дерево
было

Все изъ огня; языками горящими листья шу-
мѣли;

Вѣтви со всѣхъ сторонъ вилися какъ молніи;
въ вихорь

Огненный слившись, качались вершины; и дымъ
громовою

Тучей надъ ними клубился. Теперь на себѣ
испыталъ ты,

Налъ безстрашный, муку мою. Напрасно я
жался,

Пламень вытягивалъ тѣло мое до тѣхъ поръ,
покуда

Кожа на немъ не лопалась; снова потомъ на
минуту

Я сжимался, чтобъ снова вытерпѣть то же
мученье.

Цѣлыхъ семь лѣтъ протекло съ той поры,
какъ лежу я на этомъ

Камнѣ въ огнѣ; а времени медленный ходъ
замѣчалъ я,

Каждый часъ повторяя однажды: *придешь ли,*
придешь ли

Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Налъ бла-
годатный?

Вотъ наконецъ и пришелъ ты. Но знай что
 здѣсь о тебѣ я
 Частые слухи имѣлъ; мнѣ подвластные змѣи,
 которымъ
 Всѣ на земли дороги извѣстны, ко мнѣ еже-
 дневно
 Змѣекъ-гонцевъ присылали и каждая, вѣрно
 исполнивъ
 Долгъ свой и вѣсть передавъ мнѣ, въ огнѣ
 предо мной умирала;
 Видишь, какъ много лежитъ здѣсь кожъ ихъ
 изтлѣвшихъ. Отъ нихъ-то
 Могъ я провѣдать о томъ, какъ ты полю-
 билъ Дамаянти;
 Какъ Цари и Царевичи созваны были въ Ви-
 дарбу;
 Какъ мой гонитель Нерада, пресытись земны-
 ми плодами,
 Садъ небесный Боговъ посѣтилъ, какъ тамъ
 онъ посѣялъ
 Сладостныхъ словъ сѣмена, отъ которыхъ мгно-
 венно желанье
 Выросло въ сердцахъ Боговъ на землю сойти;
 какъ Богами
 Былъ ты посланъ въ Видарбу. Я знаю, о
 Наль благородный,
 Такъ же и то, что тебѣ самому досель не-
 извѣстно:

Какъ закрался Кали въ твое непорочное сердце.

Свѣдавъ, что Царство свое ты утратилъ, что
вмѣстѣ съ супругой

Бродишь нагой по горамъ и степямъ, что ее
наконецъ ты

Самъ покинулъ, я былъ утѣшенъ надеждой,
что скоро

Сбудется то, что теперь и сбылося. Благо-
словляю,

Наль, и тебя и приходъ твой; уже мучитель-
ный пламень,

Жегшій до нынѣ меня, уступаетъ сходящей
отъ неба

Сладостной свѣжести. Наль, не страшись, при-
ступи и, на палецъ

Взявши меня, изъ пламени выдь. — Керкота
умолкнулъ,

Свился проворно легкимъ кольцомъ и повис-
нулъ на пальцѣ

Наля; и съ нимъ побѣжалъ изъ пламени Царь,
и при каждомъ

Шагъ его оно слабѣло и гасло, и скоро

Все исчезло, какъ будто его никогда не бы-
вало.

Свѣжій почувствовавъ воздухъ, трепетомъ слад-
кимъ спасенья

Весь проникнутый, быстро отвившись отъ На-
 лева пальца,
 Змѣй безконечный, чешуйчатой лентою вдругъ
 растянулся;
 Съ радостнымъ свистомъ поползъ къ тому онъ
 ручью, гдѣ увидѣвъ
 Образъ свой, Наль самого себя испугался, глу-
 боко
 Всунулъ голову въ воду и съ жадностью дол-
 гую жажду
 Послѣ толь долгаго жара сталъ утолять — из-
 тощились
 Воды ручья, а змѣй по прежнему сдѣлался
 полонъ.
 Силы свои возвративъ, онъ, блестя чешуею на
 солнцѣ,
 Налю сказалъ: подойди; передъ нашей разлу-
 кой ты долженъ
 Зубы мои перечестъ; въ такомъ долголѣтнемъ
 отъ муки
 Скрежетѣ, много зубовъ я могъ потерять иль
 испортить.
 Наль подошелъ; передъ нимъ оскалились зубы;
 щипать онъ
 Началъ: первой, второй, четвертый. Ошибся,
 ошибся,
 Съ гнѣвомъ Царь-Змѣй зашипѣлъ, ты не на-
 звалъ третьяго зуба.

Съ этимъ словомъ колынулъ онъ третьимъ не-
названнымъ зубомъ

Налъ въ палецъ и тутъ же почувствовалъ
Налъ, что съ собою

Онъ какъ будто разстался: сперва свой соб-
ственный образъ

Въ зеркально-свѣтломъ щитѣ, на Царевой шеѣ
висѣвшемъ,

Онъ увидѣлъ; потомъ тотъ образъ мало по
малу

Началъ блѣднѣть и скоро пропалъ; и мало по
малу

Мѣсто его заступилъ другой некрасивый, и
Налю

Стало ясно, что это былъ образъ его же и
болѣ

Не былъ онъ страшенъ себѣ самому въ та-
комъ превращеньи.

Видишь, Керкота сказалъ, что желанье твое
совершилось;

Ты превращень, ты разстался съ собой, и
отнынѣ никѣмъ ты,

Даже своею женою не можешь быть узнатьъ.
Простимся;

Въ путь свой съ Богами иди, и не мысли,
чтобъ могъ быть опасенъ

Ядъ мой тебѣ; не въ твое онъ чистое сер-
дце проникнулъ,

Нѣтъ! а въ того, кто сердцемъ твоимъ обла-
 даетъ: отнынѣ
 Будетъ онъ жить тамъ и мучиться. Ты жъ, пре-
 вращенный, съ надеждой
 Путь продолжай; ищи въ чужихъ странахъ про-
 питанья;
 Но не забудь о стихійныхъ дарахъ, отъ Бо-
 говъ полученныхъ
 Въ брачный день; они для тебя не потеря-
 ны, помни,
 Наль, объ этомъ; и такъ же твое искусство
 конями
 Править тебѣ сохранилось. Въ Царство Айод-
 ское прямо
 Путь свой теперь обрати; тамъ увидишь Царя
 Ритуперна;
 Нѣтъ на землѣ никого, кто съ нимъ бы
 сравнился въ искусствѣ
 Счета и такъ бы въ кости игралъ. Я Ва-
 гука, правитель
 Коней, скажи ты ему про себя, и если онъ
 спроситъ,
 Много ли можешь въ день проскакать? Сто миль,
 отвѣчай ты.
 Онъ твоему научиться искусству захочетъ; за
 это
 Самъ научитъ тебя искусству считать: безъ не-
 го ты

Въ кости все Царство свое проигралъ. И какъ
скоро искусство

Это получишь, страданья твои прекратятся, слѣ-
да не оставивъ;

Въ ту же минуту, когда и жену и дѣтей
отыскавши,

Прежній свой видъ возвратить ты захочешь,
лишь только объ этомъ

Часъ вспомни и въ этотъ щитокъ поглядишь:
кто владѣтъ

Этимъ щиткомъ, того на землѣ всѣ змѣи
боятся.

Такъ говоря, Керкота одну изъ зѣркально-свѣт-
лыхъ

Шею его украшавшихъ чешуекъ снялъ и, по-
давши

Налю, примолвилъ: носи ее на груди; въ ро-
ковое

Время эта чешуйка тебѣ пригодится. Потомъ
онъ

Скрылся; а Налъ остался въ лѣсу одинъ пре-
вращенный.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Наль, разлучившись съ змѣемъ, пошелъ въ
Айодское Царство

Службы искать у Царя Ритуперна, который
давно ужъ

Принялъ къ себѣ и Варшнею, прежде служив-
шаго Налю.

Мудрый Царь Ритупернъ, великій конскій охот-
никъ,

Лучшихъ искусниковъ править конями собиравъ
ото всюду.

Наль, черезъ десять дней пришедши въ Айоду,
къ Царю Ритуперну

Тотчасъ явился. Я конюхъ Вагука, сказалъ
онъ; въ искусствѣ

Править конями нѣтъ равнаго мнѣ; сто миль
проскакать ихъ

Въ день я заставить могу. И во многомъ
другомъ я искусенъ:

Пищу никто такъ вкусно, какъ я, не умѣетъ
готовить.

Всякое дѣло, для коего нужны и трудъ и
умѣнье,

Взять на себя я готовъ, и къ тебѣ Царю
Ритуперну

Въ службу желаю вступить. Ритупернъ отвѣчалъ
благосклонно:

Въ службу, Вагука, тебя я беру; ты будешь
отнынѣ

Главнымъ конюшимъ моимъ; надзираи за мо-
ими конями,

Къ скачкѣ проворной ихъ приучая; за службу
же будешь

Сто золотыхъ получать. Товарищъ твой будетъ
Варшнея,

Конюхъ искуснѣйшій въ дѣлѣ своемъ; съ нимъ
старый Джевала

Мой заслуженный конюшій и много другихъ;
ты безъ скуки

Будешь съ ними досугъ свой дѣлать; и сво-
боденъ ты дѣлать

Что пожелаешь. Будь главнымъ моимъ коню-
шимъ, Вагука.

Вотъ и служить конюшимъ Налъ у Царя Ри-
туперна,

Царь безъ Царства, мужъ безъ жены, изгнан-
никъ, лишенный

Даже лица своего; и Варшнея, ему такъ у-
сердно

Прежде служившій, теперь ужъ товарищъ ему;
подъ одною

Кровлей они, но чужды другъ другу, и вмѣ-
стѣ и розно,

Каждый своею печалью довольный, Варшнея,
о жалкой

Гибели Наля Царя сокрушаясь, а Наль по су-
пругѣ,

Брошенной имъ, ежечасно тоскуя. И было то
каждый

Вечеръ, что Наль, убравши коней, одинъ за-
творялся

Въ стойлѣ и пѣлъ тамъ все ту же и ту же
печальную пѣсню:

«Гдѣ, свѣтлоокая, ты одинокая странствуешь
нынѣ?

«Зноемъ и холодомъ, жаждой и голодомъ въ
дикой пустынѣ

«Ты изнуренная, ты обнаженная вдовствуя бро-
дишь.

«Ты утѣшеніе, въ чемъ утоленіе скорби на-
ходишь?»

Такъ онъ пѣлъ и однажды Джевала, подслу-
шавши эту

Пѣсню, спросилъ у него: по комъ ты, Ва-
гука, тоскуешь?

Кто же та, о которой такую грустную пѣс-
ню

Такъ заунывно поешь ты? — Пою про жену
сумасброда,

Ею избраннаго, ею любимаго, умъ и богатство

Вдругъ потерявшаго, ей измѣнившаго, клятву
святую,

Данную ей предъ Богами, забывшаго Съ ней
разлученный,

Онъ ужъ давно въ тоскѣ, въ раскаяньи, въ
страхѣ, не зная

Скорби своей утolenья ни днемъ, ни ночью,
бездомнымъ

Странникомъ бродить. Но каждую ночь, объ
ней помышляя

Эту пѣсню поетъ онъ. Скитаясь какъ нищій,
съ терпѣньемъ

Пьетъ онъ свою преступленьемъ налитую горь-
кую чашу,

Чашу разлуки, и горе свое съ однимъ лишь
собою

Дѣлитъ. Она же, которая съ нимъ въ бѣдѣ
не разсталась,

Имъ въ пустынь забытая Гдѣ она? Что
съ ней? Лишь чудо

Жизнь могло сохранить ей, со всѣхъ сторонъ
окруженной

Смертью въ лѣсахъ , гдѣ гнѣздится и дикій
звѣрь и разбойникъ.

Эту повѣсть онъ самъ разсказалъ мнѣ. Съ
тѣхъ поръ и пою я
Пѣсню его , какъ самъ онъ поетъ, объ немъ
сокрушаясь.

II.

Бима , Царь Видарбы , узнавъ о бѣдствіи На-
ля ,

Царство свое проигравшаго въ кости , немедлен-
но созвалъ

Всѣхъ Видарбинскихъ Брахмановъ и такъ имъ
сказалъ: отыщите

Дочь мою Дамаянти и Наля Царя : кто узна-
етъ

Гдѣ мои дѣти и ихъ ко мнѣ приведетъ, тотъ
получить

Тысячу самыхъ отборныхъ быковъ и деревню,
какъ людный

Городъ богатую ; тотъ же кто , ихъ не при-
ведши , хоть съ вѣрной

Вѣстью о нихъ ко мнѣ возвратится , такъ же
получить

Десять сотенъ быковъ. Брахманы поспѣшно на
 сѣверъ,
 Полдень, востокъ и западъ пошли отыскивать
 Наля;
 Всюду по всѣмъ областямъ, городамъ, дерев-
 нямъ, по безлюднымъ
 Дикимъ лѣсамъ, по горамъ, по равнинамъ, по
 разнымъ дорогамъ
 Долго ходили они; но напрасно; ни слуха,
 ни вѣсти
 Нѣтъ ни о Налѣ Царѣ, ни о вѣрной его
 Дамаянти.
 Вотъ наконецъ одинъ изъ Брахмановъ, Суде-
 ва, достигнулъ
 Города Шедди и тамъ во дворцѣ, на празд-
 никѣ Царскомъ
 Онъ Дамаянти увидѣлъ. Подлѣ Царевны Сунан-
 ды,
 Въ платьѣ печальной вдовы, на лицѣ покры-
 вало, близъ свѣтлой,
 Радостной дѣвы она тамъ стояла. Жена, по
 супругѣ
 Мрачно скорбящая, тѣнь близъ свѣта, алмазь
 безъ сіянья,
 День безъ солнца, краса, двойнымъ покровомъ
 отъ взоровъ
 Скрытая, чернымъ платьемъ и чернымъ горемъ.
 Увидя

Этотъ прекрасный , невидимо блещущій свѣтъ ,
догадался

Тотчасъ Судѣва , кто передъ нимъ. Про себя
онъ подумалъ :

Тотъ же образъ я вижу , который столь сла-
достно свѣтелъ

Былъ въ то утро , когда всѣ земные Цари и
Владыки ,

Съ ними и вѣчные Боги въ тревогѣ надежды ,
смирренно

Ждали , кому изъ нихъ благодатную руку по-
дастъ Дамаянти.

Это она , полногрудая , темно-кудрявая , райскимъ

Блескомъ очей веселящая душу , любовь и утѣ-
ха

Міра ; она , молодая лилея , лишенная корня ,

Лѣтось , слоновой стопой сокрушенный , высокое
въ низкомъ ;

Это она , по супругѣ скорбящая , вмѣстѣ съ
супругомъ

Всю потерявшая жизнь , какъ источникъ , нынѣ
безводный ,

Нѣкогда быстро бѣжавшій , какъ лунная ночь
по затмѣнн

Полномъ луны , поглощенной внезапно небеснымъ
дракономъ ;

Это она, достойная жить въ перломутровомъ
 Царскомъ
 Домѣ, живущая нынѣ въ чужомъ сиротою без-
 домной;
 Славная Царской порокою въ горькомъ безслав-
 номъ изгнаньи,
 Счастья достойная, жарко любящая, чуждая
 счастью,
 Чуждая сладкой любви; ея измучено сердце
 Страстнымъ стремленьемъ къ супругу, избранно-
 му сердцемъ. На свѣтѣ
 Мужъ украшенье жены; потерявъ сей небесно-
 прекрасный
 Перлъ, и блестящая тратитъ свой блескъ. Но
 Наль? Перенесъ ли разлуку съ такою женою,
 иль мертвый
 Палъ, утративъ ее? И мѣ въ всю душу прон-
 заетъ
 Горе при видѣ ея красоты сокрушенной, при
 встрѣчѣ
 Огненно-темныхъ ея, въ слезахъ угасающихъ
 взоровъ.
 Скоро ль, скоро ль, весь міръ изходивъ путемъ
 испытанья,
 Къ цѣли желанной достигнетъ она и съ желан-
 нымъ супругомъ,

Съ милымъ души , съ властителемъ жизни
 встрѣтится въ мірѣ ,
 Такъ какъ звѣзда встрѣчается съ мѣсяцемъ ?
 ; Навсегда Скоро ль
 Съ трона низверженный Наль возвратитъ Да-
 маянти и тронъ свой ?
 О ! какое блаженство тогда для обоихъ , другъ
 другу
 Равныхъ прелестью , доблестью , знатностью ро-
 да и славой
 Предковъ ! Миѣ должно теперь подойти съ утѣ-
 шительнымъ словомъ
 Къ ней , сокрушенной . Такъ говорилъ много-
 мудрый Судева
 Самъ съ собою ; потомъ онъ къ тому прибли-
 зился мѣсту ,
 Гдѣ одинокая стояла среди многолюдства съ пе-
 чальной
 Думой своей Дамаянти . Здравствуй , роза Ви-
 дарбы ,
 Ей онъ сказалъ ; я Судева , Брахманъ Видар-
 бинскій ; Царь Бима
 Твой родитель живъ и здоровъ и царствуетъ
 мирно ;
 Здравствуешь съ нимъ и твоя благодушная мать ,
 управляя
 Домомъ , здравствуютъ братья твои , здравству-
 ютъ дѣти ,

Мирно цвѣтя подъ защитою дѣда и бабки. Но
горе

Всѣхъ по тебѣ сокрушило. И нынѣ по цѣло-
му свѣту

Ищутъ Браминьы тебя ; отыскать же позволили
Боги

Мнѣ. Дамаянти , узнавши его , залилася слеза-
ми ;

Стала потомъ о родныхъ , о друзьяхъ , зна-
комыхъ и ближнихъ

Спрашивать. Выросли ль дѣти ? она напоследокъ
спросила ;

Съ этимъ словомъ рыданье стѣснило ей грудь ,
и съ прекрасныхъ

Длинныхъ рѣсницъ покатилися крупными капля-
ми слезы.

Видя , что плачетъ она въ разговорѣ съ Бра-
миномъ , Сунанда ,

Сильно встревожась , сказала немедленно матери:
наша

Гостья плачетъ ; какой то Браминъ говоритъ
съ ней и вѣрно

Съ нимъ знакома она , и его слова пробуди-
ли

Эту печаль. Тогда изъ покоевъ внутреннихъ
вышла

Мать Царица ; увидя Брамина , она повелѣла

Къ ней его привести; и его спрашивать
стала

Такъ: расскажи мнѣ объ ней, что знаешь, и
кто, и какого

Рода она? Чья дочь? чья жена? и съ род-
ными какою

Странной судьбою разсталась? И здѣсь ты ее
по какому

Тайному признаку могъ разпознать? Обо всемъ
откровенно

Мнѣ расскажи? — И сѣвъ на ему указанномъ
мѣстѣ

Такъ рассказывать началъ Судева, Браминъ мно-
гомудрый.

III.

Царствуетъ нынѣ въ Видарбѣ Царь Бима, до
старости поздней

Въ славѣ дожившій; а странница эта есть
Дамаянти

Дочь Видарбинскаго Бимы, жена Нишадскаго
Наля.

Наль же, сынъ Виразены, бывшій владыка Ни-
шады, безумно

Въ кости все Царство свое проигралъ недо-
стойному брату;

Съ той поры, покинувъ Нишаду съ женою,
пропалъ онъ

Безъ вѣсти. Бима послалъ насъ отыскивать
дочь. И случайно

Въ вашемъ Царскомъ дворцѣ въ печальной,
тайнственной гостьѣ

Вашей узналъ я ее И кто не узналъ
бы? На свѣтѣ

Нѣтъ Дамаянти другой, столь прекрасной ду-
шею и тѣломъ.

Есть притомъ и примѣта: на лбу подъ гу-
стыми

Кудрями свѣтлая скрыта звѣзда, какъ за обла-
комъ мѣсяцъ;

Съ нею она родилась; ее самъ Брама замѣ-
тилъ

Знакомъ святымъ благодати; но знакъ сей лишь
Браминамъ,

Видящимъ здѣсь красоту неземную, служите-
лямъ Брамь,

Можетъ быть видимъ; и я очами Брамина,
какъ злато

Въ темной рудѣ, какъ въ пеплѣ горячемъ
огонь сокровенный,

Тотчасъ узналъ Дамаянти, красы несказанной
свѣтило.

Кончивъ разсказъ свой, Судева умолкъ. Тутъ
 Царевна Сунанда,
 Тихо подкравшись къ подругѣ, съ ея головы
 покрывало
 Вдругъ сорвала и кудри волосъ, осѣнявшихъ
 прекрасный
 Лобъ Видарбинской Царевны, откинула: ярко,
 какъ мѣсяцъ
 Тузу пронзившій, блеснула отъ туда звѣзда
 благодати.
 То увидя, Сунанда въ слезахъ умиленья при-
 пала
 Къ сердцу ея; Царица заплакала такъ же; и
 всѣ три,
 Крѣпко обнявшись, сліявныя сердцемъ, стояли
 безмолвно,
 Слезы сливая съ слезами. Вотъ напоследокъ
 сказала
 Мать Царица: ты дочь моей сестры, Да-
 маянти.
 Нашъ знаменитый отецъ былъ владыка Да-
 фернскій Судеманъ;
 Бима выбралъ сестру, меня избралъ Вира-
 вагу.
 Я и тебя младенцемъ видала въ то время,
 когда мы
 Вмѣстѣ съ сестрой навѣстили въ Дафернъ от-
 ца. И тогда ужъ

Эта звѣзда сіяла на лбу у тебя. Догадалась

Тотчасъ я, кто ты, какъ скоро ты странни-
цей грустной явилась

Здѣсь, и дочерью сердце тебя нарекло. Оста-
вайся жъ

Съ нами; мой домъ есть твой; и все под-
властное сыну

Царство, такъ же твое. Живи въ любви и
согласьи

Съ нами; будь дочерью мнѣ, будь нѣжной се-
строю Сунандѣ —

«Долго я здѣсь незнакомкой въ довольствѣ жи-
ла, отвѣчала

Теткѣ своей Дамаянти; не знала нужды, подъ
защитой

Вѣрной была и въ горѣ встрѣчала веселье;
но будетъ

Мнѣ веселѣе въ Видарбѣ съ роднымъ отцемъ
и съ родною

Матерью. Съ миромъ меня отпусти, я давно
ужъ съ своими

Ближними розно; отсюда слышится мнѣ, какъ
сиротки

Дѣти мои, по матери плача, ее изъ далека
и

Кличутъ и ей говорятъ: безъ отца мы; на
что жъ намъ

Быть и безъ матери? Если свое благотворное
дѣло

Ты довершить надо мною желаешь, то дай
мнѣ скорѣе

Средство въ Видарбу къ своимъ возвратить-
ся.» — Исполнена будетъ

Воля твоя, красота звѣздоносная, такъ отвѣ-
чала

Мать Царица; потомъ съ позволенія сына, вла-
дыки

Царства Шеддійскаго, въ путь снарядила ми-
лую гостью;

Пищу съ питьемъ на дорогу сама Царевна
Сунанда

Ей приготовила; дали коней съ колесницею;
дали

Такъ же и стражей, дабы ее на пути охра-
няли;

Съ плачемъ разстались потомъ. И вотъ на-
онецъ возвратилась

Къ ближнимъ своимъ Дамаянти. И много въ
Видарбѣ веселья

Было при встрѣчѣ ея. Когда жъ Дамаянти
со всѣми

Свидѣлась: съ милою матерью, съ добрымъ от-
цемъ и съ родными

Братьями, сродниковъ всѣхъ и знакомыхъ уви-
дѣла, къ сердцу

Въ сладкихъ слезахъ прижала дѣтей — то пер-
 вой заботой
 Было ей принести благодарность Богамъ и Бра-
 миновъ
 Всѣхъ одарить. И Бима исполнилъ свое обѣ-
 щанье:
 Тысячу жирныхъ быковъ съ селомъ, бога-
 тымъ какъ городъ,
 Далъ онъ Брамину Судевъ. Награду такую сна-
 чала,
 Онъ обѣщалъ лишь тому, кто найдетъ Да-
 маянти и Наля;
 Но, блаженный свиданіемъ съ дочерью онъ
 ужъ не думалъ
 Болѣ о Налѣ. За то не забыла о немъ Да-
 маянти.
 Ночь одну проведя въ жилищѣ отца, на дру-
 гой день
 Матери такъ Дамаянти сказала: если ты хо-
 чешь
 Жизнь мнѣ мою сохранить, возврати мнѣ пре-
 краснаго Наля.
 То услыша, Царица заплакала горько и слова
 Ей отвѣчать не могла отъ слезъ и рыданья,
 — и вмѣстѣ
 Съ нею домашніе всѣ сокрушались и гром-
 кимъ стenanьемъ

Все жилище ея наполнялось. И вот что Царица
 Бимѣ, властителю многихъ народовъ, сказала:
 Сердце свое мнѣ наша дочь Дамаянти: по миломъ
 Налѣ тоскуетъ она несказанно. А гдѣ онъ?
 Удастся ль
 Такъ же найти и его, какъ найти удалось
 Дамаянти?
 Бима при этихъ словахъ опять вызываетъ Бра-
 миновъ
 Новую службу ему сослужить. Святые Бра-
 мины,
 Имъ говорить онъ, идите по всѣмъ путямъ
 и дорогамъ
 Наля отыскивать; съ нимъ разлученная, гас-
 нетъ отъ горя
 Дочь Дамаянти. Брамины, немедленно въ путь
 изготовясь,
 Всѣ собрались къ Дамаянти услышать ея по-
 велѣнье:
 Ихъ приняла, улыбаясь сквозь слезы она и
 сказала
 Такъ: куда бѣ ни пришли вы и гдѣ бы его
 ни искали —
 Въ городѣ ль, въ Царскомъ дворцѣ ли, въ де-
 ревнѣ ль, въ хижинѣ ль бѣдной —

Всюду одно повторяйте, вытвердивъ то, что
скажу вамъ:

«Гдѣ ты игрокъ? куда убѣжалъ ты въ укра-
денномъ платьѣ,

«Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почернѣвши
отъ зноя,

«Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной, ждетъ
чтобъ обратно

«Къ ней ты пришелъ. По тебѣ лишь тос-
куетъ она, и ни разу

«Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ себѣ
на погибель заснула

«Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжалостно
брошена. То ли

«Ты обѣщаль ей супружеской клятвой? По-
кровъ и защита

«Мужъ для жены; а ты, что сдѣлалъ съ
своею женою,

«Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, благимъ,
благороднымъ?»

Помните эти слова и ихъ вездѣ повторяйте.

Если же кто вамъ на нихъ отзовется, то
знайте, что это

Намъ; и тогда не медля развѣдайте, кто онъ?

Когда же

Словомъ какимъ онъ вамъ возразитъ, то ско-
рѣе, скорѣе

Это слово мнѣ передайте, Брамины. Но будьте

Съ нимъ осторожны, чтобъ онъ догадаться не
могъ, что за нимъ вы
Посланы мной и чтобъ снова не скрылся.

Идите съ Богами
Въ путь свой Брамины, ищите Наля, вездѣ
повторяя

Грустную пѣснь мою, воздыханья любви со-
крушенной. —

Данныя имъ наставленья принявши, но раз-
нымъ дорогамъ

Всѣ разошлись Брамины отыскивать Наля и
всюду

Въ людныхъ, большихъ городахъ, въ богатыхъ
палатахъ, въ убогихъ

Хижинахъ, въ темныхъ лѣсахъ, по горамъ,
по полямъ, по долинамъ,

Гдѣ только былъ человѣческій слѣдъ, неусып-
но искали

Наля они, вездѣ повторя слова Дамаянти,

Грустную пѣсню ея, воздыханья любви сокру-
шенной.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

I.

Вотъ по странствіи долгомъ, одинъ изъ Бра-
миновъ, Парнада

Именемъ, съ вѣстью такою пришелъ къ Да-
маянти: повсюду

Наля искавъ безуспѣшно, пришелъ наконецъ я
въ Айоду.

Тамъ предъ Царемъ Ритуперномъ твои слова
произнесъ я;

Царь ничего не сказалъ мнѣ въ отвѣтъ и ни-
кто изъ придворныхъ

Такъ же мнѣ не далъ отвѣта. Когда жъ я,
простясь съ Ритуперномъ,

Вышелъ изъ Царскихъ покоевъ, со мной по-
встрѣчался служитель

Царскій съ руками короткими, малаго роста,
Вагука

Именемъ; дѣло его смотрѣть за Царевой ко-
нюшней.

Видомъ онъ не красивъ ; за то великій искус-
никъ готовить

Пищу ; такъ же чудесно править конями : онъ
можетъ

Въ сутки сто миль проскакать ихъ заставить. И
вотъ что съ глубокимъ

Вздохомъ , отъ слезъ задыхаясь , сказалъ мнѣ
этотъ Вагука :

«Въ бѣдности , въ горести терпятъ безропотно
съ вѣрой смиренной

«Неба достойныя , долгу супружества вѣрныя
жены ;

«Сердце ихъ кроткое нѣжнымъ прощеніемъ
мститъ за обиду.

«Если въ безуміи всѣ свои радости , свѣтъ и
уладу

«Жизни , разставшись съ вѣрной подругою , жал-
кій преступникъ

«Самъ уничтожить могъ , если отчаянный , платя
лишенный

«Хитрыми птицами , голодомъ мучимый , онъ
удалился

«Тайно отъ спутницы , если онъ съ той поры
денно и ночью

«Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ — доброй
женою

«Будетъ оплаканъ онъ ; чтобъ ей ни встрѣти-
лось , доброе , злое

«Нѣжному, вѣрному сердцу покажется горе не
горемъ,

«Радость не радостью; будетъ лишь памятно
бѣдствіе мужа,

«Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго вся-
кой отрады.»

Эти услышавъ слова, я рѣшился не медля
пуститься

Въ путь обратный. Царевна, сама теперь ты
разсудишь,

Есть ли что важное въ вѣсти моей. — Дамаян-
ти Парнаду

Выслушавъ, тотчасъ къ Царицѣ пошла и такъ
ей сказала:

Слушай, родная, о томъ что я сдѣлать хочу,
мой родитель

Бима вѣдать не долженъ; хочу я Брамина Су-
деву

Въ Царство Айоду послать; награды своей по-
ловину

Онъ заслужилъ, вотъ случай ему заслужить и
другую:

Вамъ возвратилъ онъ меня, пускай возвратить
вамъ и Наля.

Мать согласилась на просьбу плачущей дочери;
тайно

Все учредили онъ и Царь не узналъ ни о
чемъ. Одаривши

Щедро Парнаду, Царевна сказала: когда возвратится

Счастливо Царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый

Слѣдъ намъ къ нему указалъ. И доволенъ остался Парнада

Тою наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судеву,

Такъ сказала: Судева, иди къ Царю Ритуперну

Въ Царство Айоду; явися ему, но такъ, чтобъ подумалъ

Царь Ритупернъ, что зашелъ ты въ Айоду случайно, и вотъ что

Скажешь ему ты, какъ будто безъ всякаго умысла: «Бима

«Снова сзываетъ въ Видарбу Царей и Царевичей; снова

«Хочетъ супруга избрать Дамаянти; ужъ съѣхалось много

«Къ ней жениховъ.» И ежели знать пожелаетъ онъ скоро ль

Долженъ быть выборъ, назначенъ ли день? Отвѣчай ты: «я вижу,

«Царь, что тебѣ одному невѣдомо то, что известно

«Цѣлому свѣту; день назначенный: завтра; и если

«Самъ ты отвѣдать счастья намѣренъ, то можешь въ Видарбу
 «Нынѣ же къ ночи поспѣть; у тебя есть конюхъ, искусный
 «Править конями; онъ въ сутки сто миль проскакать ихъ заставить;
 «Только не медли; завтра, чѣмъ свѣтъ, Дамаянти объявить
 «Выборъ; о Налъ ни слуха, ни вѣсти; и вѣрно погибъ онъ.
 «Если же хочешь ты знать, отъ кого я о сказанномъ слышалъ,
 «Знай, Государь, что я слышалъ о томъ отъ самой Дамаянти.»

II.

Вотъ и явился Судева къ Царю Ритуперну.
 То было
 Рано по утру. И только что ложную повѣсть
 Брамина
 Выслушалъ Царь, какъ, съ мѣста вскочивши,
 воскликнулъ: скорѣ
 Кликнуть Вагуку сюда! Когда же Вагука явился,

Вѣрный конюшій, сказалъ Ритупернъ, мнѣ дол-
жно въ Видарбу

Нынѣче жъ поспѣть; Дамаянти опять выбираетъ
супруга;

Завтра утромъ она объявитъ свой выборъ. Ис-
кусство

Нынѣ свое покажи мнѣ, Вагука, на дѣлѣ;
посмотримъ,

Можешь ли въ сутки сто миль проскакать ко-
ней ты заставить?

Царская рѣчь наполнила ужасомъ Налеву ду-
шу.

Что замышляетъ — подумалъ онъ самъ про се-
бя — Дамаянти?

Или она отъ скорби лишилась ума? Иль ка-
кую

Хитрость задумала? Можетъ ли быть, чтобъ
она на такое

Дѣло рѣшилась, она, непорочная, вѣрная, свѣт-
лый

Ангель любви? Не уже ль оскорбленная мной
такъ жестоко,

Хочетъ отмстить мнѣ она, смиренно-незлобный
Эдемскій

Голубь? Но женское сердце измѣнчиво; я же
предъ нею

Слишкомъ виновенъ; прекрасную младость ея
погубилъ я;

Въ долгой разлукѣ со мной, разлучилась она
и съ любовью.

Но, позабывши меня, какъ могла позабыть Да-
маянти

Нашихъ дѣтей? Мнѣ должно развѣдать что
ложь и что правда

Въ этомъ слухѣ, и волю Царя для себя я
исполню.

Такъ онъ въ мысляхъ рѣшилъ и, покорно
ко груди прижавши

Руки, Царю отвѣчалъ: несомнѣнно исполнена
будетъ

Царская воля твоя; мы нынче жъ поспѣемъ
въ Видарбу

Къ вечеру. Вотъ на конюшню Вагука пошелъ,
чтобъ надежныхъ

Выбрать коней и выбралъ тощихъ, тяжелыхъ,
ноздристыхъ,

Тонконогихъ, толстоголовыхъ, съ щетинистой
шерстью,

Съ длинными шеями, съ гривой встопорщен-
ной, огненно-дикихъ.

Выборъ такой Царя изумилъ. Ты шутишь, Ва-
гука,

Съ гнѣвомъ, сказалъ онъ; какъ будто въ насмѣш-
ку изъ цѣлой конюшни

Выбралъ ты самыхъ негодныхъ коней. Въ
такую дорогу

Можно ль на клячахъ подобныхъ пускаться? —

То добрые кони,
Царь Государь, Вагука отвѣтствовалъ; вотъ и
примѣты:

Двѣ на лбу, одна на груди и три на ко-
пытахъ;

Духомъ домчимся на этихъ коняхъ до Видар-
бы; но если

Выбрать другихъ ты желаешь, то самъ ука-
жи ихъ; готовъ я

Волю исполнить твою. — Пускай по твоему
будетъ,

Царь отвѣчалъ; тебя не учить мнѣ; заклады-
вай; ѣдемъ.

Выбранныхъ имъ четырехъ коней заложилъ въ
колесницу

Наль, и сѣлъ въ нее съ Ритуперномъ; и съ
ними, по просьбѣ

Наля, сѣлъ Варшнея. Собравши въ могучую
руку

Возжи, и ими тряхнувъ, какъ браздами излу-
чистыхъ молній,

Наль закричалъ: изготовьтесь, вы добрые кони;
чтобъ нынче жъ

Быть намъ въ Видарбѣ! И дрогнувъ, предъ
нимъ на колѣни упали

Кони; легкимъ движеньемъ руки опять онъ
ихъ поднялъ

На ноги, голосъ смягчилъ и, ласковымъ словомъ придавъ имъ

Жару, крикнулъ: впередъ! Они понеслись какъ вихри.

Царь Ритупернъ на бѣгъ ихъ смотрѣлъ съ нѣмымъ изумленьемъ.

Въ то же время, разслушавъ, сколь былъ таинственно-звученъ

Громъ колесницы и видя, что возжи со свистомъ и трескомъ

Били коней по бокамъ и, какъ молніи, быстро сверкали,

Думу глубокую думалъ Варшнея: отъ куда Вагука

Могъ получить такое искусство и кто онъ? Не самъ ли

Коней державнаго Бога Боговъ повелитель Метались?

Или онъ Наль, сокрывшій себя подъ личиною урода?

Налева образа нѣтъ здѣсь, но есть здѣсь Налева сила.

Кто же мнѣ правду откроетъ? Давно изъ древнихъ преданій

Вѣдаемъ мы, что земные Цари, по волѣ судьбины,

Здѣсь на землѣ иногда, превращенные, странствуютъ тайно.

Этотъ уродливый конюхъ не можетъ быть На-
 лемъ великимъ;
 Тотъ же, подъ кѣмъ, какъ гроза въ небе-
 сахъ, гремитъ колесница,
 Кто онъ иной, какъ не Наль, мой великій
 владыка? Такъ думалъ
 Молча, Варшнея, и въ бѣдномъ Вагукѣ уга-
 дывалъ Наля.

III.

Кони, безъ крыльевъ крылатые, властію Наля,
 какъ буря,
 Мчались впередъ по горамъ, по доламъ, че-
 резъ рѣки, потоки.
 Вдругъ сорвалась съ головы Ритуперна повяз-
 ка. Вагука,
 Стой! онъ сказалъ, пускай Варшнея подастъ
 мнѣ повязку.
 Поздно! отвѣтствовалъ Наль-Вагука, ужъ мы
 отскакали
 Болѣе мили; оставимъ повязку. Царь изумил-
 ся;
 Вдругъ онъ увидѣлъ вдали Вибитаку, вѣтвисто-
 густою

Сѣнью покрытое дерево. Слушай, Вагука, ска-
 залъ онъ,
 Здѣсь на землѣ никто не имѣетъ всезнанья;
 въ искусствѣ
 Править конями ты первый; за то мнѣ да-
 лося искусство
 Счета и знаю я тайну играть навѣрное въ
 кости.
 Видишь ли тамъ въ далекѣ то вѣтвистое де-
 рево? много
 Листьевъ на немъ и много плодовъ; но много
 ихъ такъ же
 Съ вѣтвей упавшихъ, лежитъ на землѣ. Такъ
 знай же: упало
 Листьевъ четыреста три и съ ними свалились
 сто десять
 Спѣлыхъ плодовъ; всѣхъ сучьевъ семь сотъ со-
 рокъ девять; на сучьяхъ
 Листьевъ осталось пять милліоновъ и восемь;
 плодовъ же
 Тысяча триста пятнадцать созрѣвшихъ, восемь
 сотъ сорокъ
 Три созрѣвающихъ, семдесятъ восемь гнилыхъ.
 Хоть повѣрку
 Сдѣлай, мой счетъ безъ малѣйшей ошибки.
 Въ эту минуту
 Были они ужъ близъ дерева. Стойте, восклик-
 нуль Вагука,

Добрые кони ; такому чудному счету нельзя
мнѣ

Прежде повѣрить, пока плодовъ и сучьевъ и
листьевъ

Самъ не сочту я на деревѣ этомъ. Варшнея
подержить

Возжи покуда я буду считать. Ритупернъ ужас-
нулся.

Что ты задумалъ, Вагука? сказалъ онъ, не
время намъ медлить.

Но Вагука (былъ умыселъ свой у него) не-
премѣнно

Счетъ повѣрить хотѣлъ. Подожди, Царю отвѣ-
чалъ онъ ;

Или — если ужъ такъ ты поспѣшенъ — пря-
мо, все прямо

Этой дорогой ступай; Варшнея будетъ коня-
ми

Править. На то Ритупернъ возразилъ, стараясь
Вагуку

Лаской смягчить: не упрямяся, добрый Вагука;
въ искусствѣ

Править конями тебѣ подобнаго нѣтъ, и въ
Видарбу

Только съ тобою однимъ поспѣть намъ къ
вечеру можно.

Я (самъ видишь ты это) во власти твоей;
не держи же

Долѣ меня; я сдѣлаю все въ твоё убож-
деніе,

Если только въ Видарбу дойдёмъ прежде, чѣмъ
сядетъ

Солнце. Вагука, вмѣсто отвѣта, коней удержавши

Съ козелъ сошелъ и началъ спокойно считать
по порядку

Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями
листья.

Счетъ плодовъ безъ ошибки, сказалъ онъ Ца-
рю Ритуперну.

Вотъ поглядимъ, не ошибся ли ты въ счетъ
сучьевъ и листьевъ?

Царь кипѣлъ нетерпѣніемъ. Будь же доволенъ,
Вагука.

Развѣ мало тебѣ одного доказательства? — Ма-
ло,

Царь Государь, Вагука сказалъ, но если ты
хочешь

Разомъ все кончить, то самъ объясни мнѣ,
какъ могъ ты такъ много

Счесть въ такое короткое время? — Знай же
воскликнулъ

Царь (не отъ доброй души, а взбѣшенный
упорствомъ Вагуки)

Я одаренъ могуществомъ счета и тайнымъ ис-
кусствомъ

Въ кости играть навѣрное. — Ежели такъ, то
 теперь же
 То и другое мнѣ передай; въ замѣну искус-
 ство
 Править конями получишь, сказалъ Вагука. —
 Согласенъ,
 Съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ Царь; и могущество
 счета и тайну
 Въ кости играть я тебѣ отдаю; отъ тебя же,
 Вагука,
 Даръ твой приму, какъ скоро пріѣдемъ въ
 Видарбу. Лишь только
 Вымолвилъ слово свое Ритупернъ, какъ у На-
 ля открылись
 Очи и онъ всѣ вѣтви, плоды и листья Ви-
 битаки
 Разомъ могъ перечестъ и въ то же мгновенье,
 когда онъ
 Данную силу въ себѣ ощутилъ, сокрытый до-
 толъ
 Въ сердцѣ его искустель Кали оттуда изторг-
 ся
 Дымомъ, и мглою своей обхватилъ Вибитаку.
 При первомъ
 Чувствѣ свободы Наль обезпамятѣлъ; скоро од-
 нако
 Онъ очнулся, и, видя лицомъ къ лицу
 предъ собою

Злаго врага своего, хотѣлъ проклясть нечестив-
ца ;

Но Кали возопилъ, поднявши руки смиренно :

Наль, воздержися отъ клятвы ; уже довольно
наказанъ

Былъ я проклятемъ, въ минуту страданья тво-
ею женою

Противъ меня изрѣченнымъ (хотя и былъ ей
невѣдомъ

Общій вашъ врагъ). Съ тѣхъ поръ я, замкнутый
въ тебѣ, какъ въ темницѣ,

Столь же былъ горемъ богатъ, сколь ты былъ
радостью бѣденъ.

Мучимый ядомъ Царя Змѣинаго, денно и ноч-
но

Самъ я себя проклиналъ. Пощади же меня,
благодушный

Наль ; я отнынѣ безсиленъ ; отнынѣ каждый,
кто повѣсть

Бѣдственной жизни твоей прочитаетъ, тебя про-
славляя

Будетъ отъ козней моихъ огражденъ, и вла-
сти подобныхъ

Мнѣ зловредныхъ духовъ недоступенъ. Смягчен-
ный молящимъ

Словомъ врага побѣжденнаго, Наль воздержался
отъ клятвы.

Самъ же Кали въ Вибитаку вселился и полное
 жизни
 Дерево мигомъ засохло. При чудѣ такомъ изу-
 мился
 Царь Ритупернъ : (того же, что съ Налемъ въ
 эту минуту
 Дѣлалось, видѣть и слышать не могъ онъ).
 Едва искуситель
 Скрылся — отъ муки избавленный, радостно бле-
 щущій, новой
 Жизнью пламенный, вдвое могучій, сѣлъ въ
 колесницу
 Наль, и кони помчались; а онъ, упредивъ
 ихъ, душею
 Былъ ужъ въ Видарбѣ, тамъ, гдѣ была Да-
 маянти, куда онъ
 Съ сердцемъ, свободнымъ отъ зла, но все
 еще бѣдный, бездомный
 Царь, возвращался подъ видомъ чужимъ, ни-
 кому незнакомый.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1.

Солнце еще не угасло, когда до Видарбы до-
стигнулъ

Царь Ритупернъ. Немедля о гостѣ неожиданомъ
Царь Бима

Былъ извѣщенъ, и имъ приглашенный, въ
сіяньи вечернемъ

Въѣхалъ въ Видарбу, владыка Айоды. Какъ
громъ отзывался

Стукъ колесницы, его съ осьми сторонъ небо-
склона.

Налевъ стукъ и Налевъ скокъ почували тот-
часъ

Налевы кони (которыхъ еще до изгнанья Ца-
рева

Къ Бимѣ, съ дѣтьми сама Дамаянти присла-
ла);

Радостнымъ ржаньемъ, какъ будто при Налѣ,
они отвѣчали

Дружно на звукъ, имъ знакомый, и, вслушав-
шись въ звукъ сей, подобный
Гулу глубокому грома, сама Дамаянти смути-
лась;

Что то родное, бывалое, Налеву въ вѣщее серд-
це

Вдругъ проникло — такъ и жена и кони узна-
ли

Разомъ Наля по стуку его колесницы. И въ
стойлахъ

Царскихъ слоны и на кровлѣ дворцовой павли-
ны, разширивъ

Радугой пышной хвосты, при этомъ неслыхан-
номъ стукѣ

Вдругъ встрепенулись; подняли хоботъ слоны;
закричали,

Вытянувъ шею, въ радостномъ страхѣ павли-
ны, какъ будто

Чуя грозы, обѣщающей дождь, приближенъе.
И съ райскимъ

Трепетомъ, вся обращенная въ слухъ, про
себя Дамаянти

Такъ говорила: мнѣ этотъ стукъ колесницы и
этотъ

Топотъ, тревожащій неба и землю, насквозь
проникаютъ

Душу. Это Наль, мой владыка, Наль мой же-
ланый!

Если его я нынче жъ лицемъ къ лицу не
увижу ,

Если нынче же въ сладкихъ объятіяхъ Наля
не буду ,

Если это не онъ , столь чудно гремящій , не
свѣтлый

Наль , мой Царь , мой спаситель ; если меня
обмануло

Сердце , то болѣе жить мнѣ не должно ; и
въ жаркое лоно

Пламени брошусь , чтобъ кончить тоску одино-
кія жизни.

О ! теперь позабыто все прошлое ; жизнь обно-
вилась ;

Страхъ одиночества , стыдъ нищеты , безпріют-
ность , разлуки

Тяжкая боль — изъ сердца изглажено все ; я
не помню

Слова обиднаго , взгляда суроваго ; помню одно
лишь

Счастье святое любви , лишь его , избраннаго
сердцемъ ,

Радость души , благороднаго , кроткаго , сильна-
го волей ,

Тихаго нравомъ , разумомъ мудраго , сердцемъ
младенца ,

Наля , мою надежду , спасеніе , жизнь. Непре-
станно

Думать о немъ и о прошлыхъ дняхъ нераз-
 лучности сладкой,
 Думать о прелести взора его и улыбки, о
 сладкомъ
 Голосѣ, нѣжныхъ рѣчахъ, и, всею душой по-
 грузаясь
 Въ думу любви, быть розно съ нимъ, неска-
 занно любимымъ —
 Вотъ страданье, которому имени нѣтъ. Въ со-
 крушенныхъ
 Мысляхъ такихъ Дамаянти сидѣла тогда на
 дворцовой
 Верхней площадкѣ съ служанкой своей молодою
 Кезиной.
 Вотъ и видятъ онѣ, что на дворъ широкій
 влетѣли
 Кони гремя и дымясь, съ колесницей; и въ
 той колесницѣ
 Были трое: Царь Ритупернъ, Вагука, Варш-
 нея;
 Гдѣ же Наль? Съ томительнымъ страхомъ
 глядитъ Дамаянти;
 Видитъ Царя; Варшнею потомъ узнаетъ; напо-
 слѣдокъ
 Смотритъ на ихъ безобразнаго спутника — ей
 незнакомъ онъ.
 Тою порою Ритупернъ сошелъ съ колесницы;
 Варшнея

Такъ же ; Вагука началъ разнуздывать коней ;

и въ это жъ время вышелъ и Бима гостю на встрѣчу.

Другъ другу

Оба Царя поклонились учтиво , хотя оба не знали ,

Что другъ другу сказать. Ритупернъ , осмотрясь ,

не примѣтилъ

Въ Царскомъ дворцѣ ничего , , чтобъ канунъ

означало большого

Праздника ; онъ подумалъ : я былъ легковѣрно

обмануть

Ложною вѣстью ; и Бимъ сказалъ онъ : здравья

и долгихъ

Лѣтъ тебѣ я желаю. Бима такимъ же при-

вѣтнымъ

Словомъ отвѣтствовалъ. Что , потомъ онъ спро-

силъ , привело къ намъ

Въ нашу столицу Видарбу такого великаго Го-

стя ?

Слыша этотъ вопросъ и не видя нигдѣ ни-

какого

Знака , чтобъ были другіе Цари и Царевичи

въ Царскомъ

Домѣ , владыко Айоды отвѣтствовалъ : видѣть

хотѣлъ я ,

Царь благодушный , тебя и , съ тобой познако-

мьясь , провѣдать ,

Все ли въ твоёмъ благоденствуетъ Царствѣ?

Мудрому Бимѣ

Станнымъ отвѣтъ такой показался, и было

ему непонятно,

Какъ могло притти на умъ Царю Ритуперву

Путь такой предпринять лишь за тѣмъ, чтобъ

провѣдать, здоровъ ли

Царь Видарбы, ему незнакомый. Тутъ есть,

онъ подумалъ,

Вѣрно другая причина. Узнаемъ мы послѣ. И

руку

Ласково гостю подавши, сказалъ онъ: милости

просимъ,

Царь Ритупернъ; мы рады весьма твоему по-

сѣщенью.

Но ты усталъ; войди къ намъ въ палаты и

тамъ успокойся;

Что ни прикажешь, все будетъ исполнено.

Вмѣстѣ съ Варшнеей

Царь Ритупернъ вошелъ во дворецъ; а Вагу-

ка, отпрягши

Добрыхъ коней, отвелъ ихъ въ конюшню; по-

томъ, возвратясь,

Сѣлъ на прежнее мѣсто свое въ колесницѣ и

скоро

Въ грустную думу весь погрузился. Его Дама-

янти

Съверху увиди, вздохнула глубоко. Уже ль
обманулось

Сердце мое? сказала она; но стукъ колесницы

Былъ мнѣ знакомый, былъ подлинно Налевъ;...
а Наля не вижу.

Или Варшнея искусство его перенялъ? Или от-
крыли

Боги его Царю Ритуперну? Такъ Дамаянти

Мучилась тяжкимъ сомнѣньемъ; вотъ наконецъ,
обратясь

Къ вѣрной Кезинѣ, служанкѣ своей, она ей
сказала:

II.

Слушай, Кезина, поди и провѣдай, кто въ
колесницѣ

Такъ угрюмо сидитъ одинъ, лицомъ некра-
сивый,

Руки короткія? Съ нимъ заведя разговоръ, по-
старайся

Выспросить, кто онъ? Меня подозрѣнье тре-
вожитъ: не самъ ли

Нальзатается подъ этимъ уродливымъ видомъ.

Ты вотъ что

Здѣлай: съ нимъ говоря, повтори, какъ будто случайно

Тѣ слова, которыя всюду Браминамъ велѣла

Яго повторять; увидишь, не дастъ ли какого отвѣта

Онъ на нихъ, и ежели дастъ, то все, что ни скажетъ

Ты замѣть и мнѣ передай. Кезина къ Вагукъ

Тотчасъ пошла; Дамаянти жъ на прежнемъ мѣстѣ оставшись,

Сверху смотрѣла на нихъ; Кезина, приближась къ Вагукъ,

Такъ сказала ему: благородные гости, будь въ добрый часъ

Вамъ пріѣздъ вашъ въ Видарбу: Царская дочь Дамаянти

Мнѣ приказала узнать: за чѣмъ вы здѣсь и отъ кула? —

Мы изъ Айоды, Царю Ритуперну подвластного Царства,

Такъ Вагука сказалъ. Узнавъ отъ Брамина, что будетъ

Снова супруга себѣ выбирать Дамаянти, Айодскій

Царь на своихъ быстроногихъ коняхъ, кото-
рыми правлю

Я, сюда прискакалъ, чтобъ явиться съ дру-
гими на выборъ. —

Ты не одинъ при Царѣ; васъ двое; кто твой
товарищъ?

Кто ты самъ, и отъ куда, и какъ къ Ца-
рю Ритуперну

Въ службу вступилъ? — Мой товарищъ, Вар-
шнея, бывшій конюшій

Наля; меня называютъ Вагука; что я не кра-
савецъ

Это ты видишь; служу у Царя на конюшнѣ,
но могъ бы

Такъ же служить и на кухнѣ, ибо я столь
же искусенъ

Вкусную пищу готовить, какъ править конями.

— Скажи жъ мнѣ
Снова спросила Кезина его, не дошла ль до

Варшнеи
Вѣсть какая о Налѣ? И самъ ты объ немъ

не слыхалъ ли? —
Налевыхъ бѣдныхъ дѣтей, Вагука сказалъ, про-

водивши
Къ лѣду и Царскихъ коней оставивъ въ Ви-

дарбѣ, Варшнея
Въ службу вступилъ къ Царю Ритуперну. О

участи Наля

Онъ не знаетъ, и нѣтъ на землѣ никого,
кто о ней бы

Что нибудь зналъ; подъ видомъ чужимъ, въ
невѣдомомъ мѣстѣ

Царь укрывается. Наль одинъ на свѣтѣ о На-
лѣ

Знаетъ, да та лишь одна, кто съ Налемъ
одно; никому онъ,

Кромѣ ея, не открылъ своихъ таинственныхъ
знаковъ. —

Но (сказала Кезина) Браминъ посѣтившій Ай-
оду,

Встрѣтись съ тобою, тебѣ повторилъ слова Да-
маянти;

«Гдѣ ты игрокъ? куда убѣжалъ ты въ укра-
денномъ платьѣ,

«Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почернѣвши
отъ зноя,

«Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной, ждетъ,
чтобъ обратно

«Къ ней ты пришелъ: о тебѣ лишь тоскуетъ
она, и ни разу

«Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ, себѣ
на гибель, заснула

«Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжалостно
брошена. То ли

«Ты обѣщаль ей супружеской клятвой? Покровъ
и защита

«Мужъ для жены, а ты что сдѣлалъ съ
своею женою,

«Ты — величаемый мудрымъ, твердымъ, благимъ,
благороднымъ?»

Помнишь ли, что на эти слова отвѣчалъ ты
Брамину? —

Весь поблѣднѣвъ, неподвижно смотрѣлъ на Ке-
зину Вагука;

Долго, провзенный незапною болью любви, не
имѣлъ онъ

Силы вымолвить слово; рыдающимъ голосомъ,
очи,

Полныя слезъ, опустивъ, напоследокъ тихо ска-
залъ онъ:

«Въ бѣдности, въ горести терпятъ безропотно
съ вѣрой смиренной

«Неба достойныя, долгу супружества вѣрныя
жены;

«Сердце ихъ кроткое нѣжнымъ прощеніемъ
мститъ за обиду;

«Если въ безуміи всѣ свои радости, свѣтъ и
уладу

«Жизни, разставшись съ вѣрной подругою, жал-
кій преступникъ

«Самъ уничтожить могъ, если, отчаянный,
платья лишенный

«Хитрыми птицами, голодомъ мучимый, онъ
удалился

«Тайно отъ спутницы, если онъ съ той по-
ры дивно и ночью

«Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ — до-
брой женою

«Будетъ оплаканъ онъ; чтобъ ей ни встрѣти-
лось, доброе, злое,

«Нѣжному, вѣрному сердцу покажется горе не
горемъ,

«Радость не радостью — будетъ лишь памятно
бѣдствіе мужа,

«Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго вся-
кой отрады.»

Съ этимъ словомъ вся Налева скорбь пробу-
дилась въ Вагукѣ;

Онъ застоналъ и слезы изъ глазъ полилися.
Кезина

Тотчасъ ушла, спѣша обо всемъ извѣстить
Дамаянти.

III.

Это Наль! (Дамаянти сказала въ слезахъ, съ
замираньемъ

Сердца Кезину выслушавъ) это мой Царь, мой
владыка,

Въ видѣ чужомъ. Ты должна къ нему воз-
 вратиться, Кезина,
 Снова. Вблизи притапсь и внимательно слѣдуи
 за каждымъ
 Шагомъ и взглядомъ его, не откроется ль въ
 томъ, что замѣтишь,
 Признака тайной, особенной силы. Я думаю,
 скоро
 Ужинъ начветъ онъ готовить Царю Ритупер-
 ну — смотри же
 Такъ устрой, чтобъ онъ ни воды, ни огня
 для варенья
 Пищи не могъ получить и замѣть потомъ,
 что начветъ онъ
 Дѣлать; и все другое, что въ немъ пока-
 жется чуднымъ,
 Такъ же мнѣ опиши. — Кезина пошла и, ис-
 полнивъ
 Волю Царицы, явилася къ ней съ своимъ
 донесеньемъ:
 Нѣтъ! ни прежде видать не случилось, ни по-
 слѣ увидѣть
 Мнѣ не случится того, что теперь предо мною
 сбылося;
 Этотъ Вагука не просто земной человѣкъ; онъ
 съ Богами
 Въ явномъ союзѣ; ничто для него ни низко,
 ни тѣсно;

Къ низкимъ дверямъ подойдетъ; головы не на-
 клонить, а сами
 Двери надъ нимъ приподымутся; тѣсное мѣсто
 просторнымъ
 Вдругъ при его приближеньи становится. Вся-
 кихъ припасовъ
 Вмѣстѣ съ посудой Царь Бима велѣлъ приго-
 товить, чтобъ ужинъ
 Онъ для Царя Ритуперна сварилъ; но воды,
 какъ тобою
 Было приказано, не дали; онъ того не за-
 мѣтилъ,
 Только взглянулъ и водой всѣ сосуды напол-
 нились; такъ же
 Онъ и огня подъ дрова попросить не подумалъ, а только
 Взялъ соломы и мигомъ сама собою солома
 Всыхнула. Много другаго замѣтила я: безъ
 обжогв
 Голой рукой разгребалъ онъ огонь; вода за-
 кипала
 Только что къ ней онъ касался. Но чудо
 послѣднее болѣ
 Всѣхъ другихъ изумило меня: засохшую розу
 Онъ увидѣлъ; въ пыли она безъ листьевъ
 лежала;

Онъ ее поднялъ, взглянулъ на нее и яви-
лась живая

Роза въ рукъ у него на мѣстѣ прежней, по-
блекшей.

Послѣ такого неслыханно-чуднаго дѣла, Ца-
рица,

Я побѣжала не медля къ тебѣ. Но уже Да-
маянти

Болѣ сомнѣнья имѣть не могла, то явные
были

Признаки Наля, то были дары, полученные въ
самый день брака.

Имъ отъ Боговъ, и она ужъ, блаженствуя,
видѣла сердцемъ

Наля желаннаго тамъ, гдѣ еще въ очахъ
былъ Вагука.

Сбѣгай опять ты къ нему, сказала Кезинѣ
Царица;

Запахъ отъ пищи, имъ приготовленной, чудно
пріятенъ;

Хочется знать мнѣ вкусна ли она? Попроси
у Вагуки

Мяса жаркова кусокъ. Побѣжала Кезина къ
Вагукъ

Снова и скоро назадъ возвратилась съ дымя-
щимся мясомъ.

Налевъ, знакомый ей вкусъ Дамаянти узнала,
отвѣдавъ

Мясa. Онъ здѣсь ! онъ здѣсь ! въ восхищеніи
 она повторяла
 Мысленно ; болѣ сомнѣнія нѣтъ ; но долго ль
 онъ будетъ
 Свѣтлый свой образъ таить отъ жаждущихъ
 взоровъ и мучить
 Бѣдное сердце мое нестерпимымъ желаньемъ
 свиданья ?
 Такъ сокрушаясь, она наконецъ приказала Кезинѣ
 Взять дѣтей и вывести ихъ изъ дворца, чтобъ
 Вагукъ
 Ихъ показать мимоходомъ. Лишь только Вагукъ
 увидѣлъ
 Двухъ малютокъ, цвѣтущихъ дѣтей Дамаянти и
 Наля,
 Столь давно разлученныхъ съ отцемъ — въ
 немъ душа загорѣлась ;
 Кинулся къ нимъ онъ на встрѣчу, по имени
 назвалъ обоихъ,
 Къ сердцу прижалъ и заплакалъ и долго, долго,
 слезами
 Ихъ обливая отъ нихъ оторваться не могъ ;
 но, опомнясь,
 Вдругъ отскочилъ и Кезинъ сказалъ : я такъ
 же имѣю
 Двухъ дѣтей малолѣтнихъ, сына и дочь ; совершенно

Съ этими сходны они и давно я съ ними
въ разлукѣ.

Вотъ отъ чего и былъ я такъ сильно встре-
воженъ ихъ встрѣчей,

Но, послушай, люди замѣтятъ, что часто ко
мнѣ ты

Ходишь, и будетъ тебѣ отъ того безъ вины
нарѣканье;

Съ миромъ отъ сюда поди и болѣ ко мнѣ
не являйся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Все, что было ей нужно, узнавъ, Дамаянти
рѣшилась

Сдѣлать опытъ послѣдній и матери вотъ что
сказала:

Кликни Вагуку къ себѣ; я тайну эту от-
крою;

Наль отысканъ; онъ здѣсь, я знаю, я вѣрю.
Царица, согласно

Съ просьбою дочери, кликнуть велѣла Вагуку,
и сколько

Волей, столько неволей, Царь съ трепетаніемъ
тайнымъ

Сталъ наконецъ предъ лицомъ своей Дамаян-
ти. Безгласенъ

Сдѣлался онъ, увидя ее, прелестную въ скор-
би,

Чистаго Ангела радости въ платьѣ печальномъ
вдовицы.

Сердцу его несказанный упрекъ, передъ нимъ

Дамаянти

Молча стояла, пропитительный взоръ на него

устремивши.

Дай отвѣтъ мнѣ, Вагука — она напоследокъ

сказала —

Зналъ ли ты вѣрнаго мужа, который былъ

бы способенъ

Тайно покинуть жену и ее, заснувшую съ

твердой

Вѣрой въ защиту его, въ лѣсу беззащитную

бросить,

Бросить одну, безъ одежды, безъ крова, безъ

пищи, дотолѣ

Нѣжно любимую имъ и ничѣмъ, ни дѣломъ,

ни словомъ,

Ниже какимъ помышленьемъ предъ нимъ не-

виновную? Вотъ что

Сдѣлалъ со мною, Вагука, супругъ мой Налъ

Пуньялока.

Чѣмъ я его оскорбила? Чѣмъ могла побу-

дить я

Сердце его на такое предательство? Онъ предъ

Богами

Выбранъ былъ мной, предъ Богами я съ нимъ

сочеталась, и Боги

Слышали клятву, имъ данную мнѣ, въ любви

неизмѣнной.

Какъ же, Вагука, онъ могъ измѣнить своей
 Дамаянти,
 Радостнымъ сердцемъ и горе и бѣдность и
 стыдъ и изгнанье
 Съ нимъ раздѣлившей, той измѣнить, которой
 — сказалъ онъ,
 Руку ей давъ предъ святымъ алтаремъ: тебя
 я отнынѣ
 «Буду чтить и любить, защищать и питать,
 и съ тобою
 «Горе и радость, богатство и бѣдность и все
 неизмѣнно
 «Въ жизни дѣлить обѣщаю.» Вагука, скажи
 мнѣ, какъ могъ онъ
 Такъ измѣниться, такъ все позабыть? — Сокру-
 шенный и блѣдный
 Слушалъ въ безмолвіи Налъ укоризны своей
 Дамаянти.
 Очи ея, свѣтозарныя звѣзды, были покры-
 ты
 Облакомъ скорби и быстрымъ ручьемъ сквозь
 густыя рѣсницы
 Падали слезы. Своею виной уничтоженный, ти-
 химъ,
 Трепетнымъ голосомъ Налъ отвѣчалъ: что Ни-
 шадское Царство
 Было проиграно Налемъ, не онъ въ томъ не-
 счастный виновень;

Злобный Кали обезумилъ его и имъ же, ко-
варно

Вкравшимся въ сердце къ нему, очарованный
Наль, какъ безумный,
Спящую бросилъ тебя; когда же въ лѣсу
ты — не зная

Кто онъ — врага своего прокляла, твои по-
разили

Клятвы Кали, спокойно владѣвшаго Налевымъ
сердцемъ; и съ тѣхъ поръ
Адски страдалъ онъ, какъ въ пламени пла-
мень горя, заключенный
Въ страждущемъ Налѣ, какъ въ мрачной тюрь-
мѣ. Отъ нечистаго духа

Наль избавленъ, и будетъ отъ всякой онъ
клятвы свободенъ,

Если, увидясь съ женою, найдетъ, что ему
сохранила

Вѣрность она и любовь. Теперь отвѣчай, Да-
маянти,

Что онъ найдетъ? Сохранила ль любовь, со-
хранила ль ты вѣрность?

По свѣту ходятъ гонцы отъ тебя и отъ всю-
ду сзываютъ

Новыхъ къ тебѣ жениховъ въ замѣну погиб-
шаго Наля.

Вотъ что сюда привело и Царя Ритуперна,
и самъ я,

Бѣдный конюшій Вагука, его конями былъ
долженъ

Править, чтобъ могъ онъ поспѣть на счастливый
выборъ. Услышавъ
Жалобы Наля, смиренно руки сложила и съ
чистымъ

Взглядомъ небеснаго Ангела, Ангелъ земной, Да-
маянти

Такъ отвѣчала: тебѣ ль, мой избранный, те-
бѣ ль, предпочтенный
Мною Богамъ, меня оскорблять такимъ подо-
зрѣньемъ?

Я сама послала Брамина къ Царю Ритуперну

Съ ложною вѣстью о выборѣ новомъ въ Ви-
дарбѣ. Узнало

Сердце мое, что Вагука былъ ты, и невин-
ный обманъ мой

Былъ удаченъ — ты мнѣ возвращенъ. И съ
клятвою правды,

Здѣсь, Государь, прикасаясь къ колѣнамъ твоимъ,
предъ тобою

Сердцемъ спокойнымъ, какъ будто предъ не-
бомъ самимъ, говорю я:

Вѣрность къ тебѣ и любовь я во всей чи-
стотѣ сохранила.

Вѣтеръ свободно играетъ, носясь по всему
поднебесью;

Вѣдаетъ все онъ; пускай онъ моимъ обвини-
 телемъ будетъ,
 Если я что, недостойное вѣрной жены, со-
 творила;
 Солнце въ високомъ блаженствѣ сіяетъ, го-
 ритъ надъ водами,
 Окомъ всевидящимъ ходитъ оно по всему под-
 небесью,
 Пусть же, все видя, оно моимъ обвинителемъ
 будетъ,
 Если я что, недостойное вѣрной жены, со-
 творила;
 Мѣсяцъ, свѣтило покоя, во мракѣ ночномъ
 замѣчаетъ
 Тайное все въ небесахъ и тайное все въ
 поднебесьи,
 Пусть же онъ, тайны всѣ зная, моимъ об-
 винителемъ будетъ,
 Если я что, недостойное вѣрной жены, со-
 творила.
 Пусть и небесныя силы, хранящія небо и
 землю,
 Правду мою подтвердятъ иль смерть мнѣ по-
 шлютъ за неправду.
 Такъ вызывала и небо и землю въ свидѣ-
 тели чистой
 Жизни своей Дамаянти; и вотъ ей отклик-
 нулся съ неба

Вѣтеръ и такъ свой отвѣтъ изъ пространства
лазурнаго

Словомъ провѣялъ: «какъ небо мое чиста Да-
маянти;

«Долгу вѣрна, въ любви неизмѣнна, слова ея
правда;

«Вѣрь ей, и руку подай какъ женѣ безо-
рочной; и будутъ

«Снова межъ вами союзъ и покой и любовь
и согласье.»

Вѣтеръ умолкнулъ и свѣжестю райской от-
всюду повѣялъ

Воздухъ весны, и упали цвѣты дождемъ благо-
воннымъ

Съ неба при звукѣ воздушныхъ тимпановъ.
Такимъ, несказанно

Чуднымъ свидѣтельствомъ Налъ изцѣленный отъ
всѣхъ подозрѣній

Вспомнилъ о томъ, что ему сказалъ Царь-
Змѣй на прощаньи;

Въ данный имъ зеркальный щитъ поглядѣлъ
и въ минуту явился

Прежнимъ Налемъ, и руки простеръ къ своей
Дамаянти.

Съ крикомъ пронзительнымъ кинулась въ нихъ
Дамаянти, и этотъ

Мигъ единый стократъ заплатилъ имъ за дол-
гую муку.

Голову Наля прижавши къ своей цѣломудрен-
 ной груди,
 Въ сладкомъ забвеньи всего, въ упоеньи люб-
 ви Дамаянти
 Долго безгласна была; она, то сквозь слезъ
 улыбалась;
 То трепетала, пронзенная радостью; то отъ
 избытка
 Счастья глубоко вздыхала. И Боги любви опу-
 стили
 Тайную брака завѣсу на нихъ, сочетавшихся
 снова
 Дорого-купленнымъ бракомъ. Такъ наконецъ
 отдохнули
 Вмѣстѣ они, до блаженства достигнувъ доро-
 гой печали.
 Память минувшей разлуки, радость свиданья,
 живая
 Повѣсть о томъ, что розно другъ съ дру-
 гомъ они претерпѣли,
 Мыслей и чувствъ повѣренье, раздѣлъ и
 сліянье,
 Все въ одномъ заключалось чувствъ: мы вмѣ-
 сть; и память
 Прошлыхъ бѣдъ настоящею радостію, свѣтомъ
 отъ тѣни
 Болѣе яркимъ, печальныя были веселымъ раз-
 сказомъ

Сдѣлалась. Такъ по долгой въ изгнаньи тос-
 кѣ, возвратился
 Наъ къ Дамаянти, какъ солнце изъ зимняго,
 хладнаго знака
 Въ знакъ весны возвращается, такъ Дамаянти,
 приникнувъ
 Къ сердцу Наля, опять разцвѣла, какъ сіяю-
 щій вешнимъ
 Цвѣтомъ садъ живѣй разцвѣтаеть, дождемъ
 орошенный.
 Тутъ пропѣли два соловья имъ пѣсню та-
 кую:
 «Снова Дамаянти съ Наемъ неразлучна;
 «Сердце вновь покойно, горе позабыто,
 «Смолкнули желанья, такъ минуетъ въ небѣ
 «Ночь, когда ей свѣтитъ другъ желанный мѣ-
 сяцъ.»

II.

Рано лишь только что день занялся на во-
 стокѣ, Царица

Мать разбудила Царя неожиданно - радостной
вѣстью.

Наль возвратился, Бимѣ сказала она, Да-
маянти

Съ мужемъ опять и снова съ ними согласіе.
Бима

Поднялъ брови, незапною вѣстью такой изум-
ленный.

Тутъ Царица открыла ему, какой Дамааянти

Хитростью Наля Царя заманила въ Видарбу,
какою

Выдумкой Царь Ритупернѣ былъ обмануть. На
то, улыбаясь,

Бима отвѣтствовалъ кротко: я вашу женскую
хитрость

Вамъ прощаю за то, что она удалась. Тутъ
явился

Наль съ Дамааянти и съ ними ихъ дѣти.
Приблизился къ тестю

Наль, Дамааянти приблизилась къ матери. Зятя,
какъ сына,

Ласково принялъ Царь благодушный Бима и
нѣжнымъ

Взглядомъ поздравилъ дочь съ возвратившимся
счастьемъ.

Скоро потомъ пришли и братья и подали ру-
ку

Наю и братски съ сестрой обнялися; потомъ
 отовсюду
 Стали сходиться сродники, ближніе; вотъ на-
 послѣдокъ
 Вся Видарба наполнилась шумомъ торжествен-
 нымъ; дома
 Въ пышныя ткани одѣлись; на кровляхъ яви-
 лись знамена;
 Площади, улицы всѣ закипѣли народомъ, и въ
 храмахъ
 Жертвы зажглися. И вотъ наконецъ до Царя
 Ритуперна
 Слухъ дошелъ, что Вагука, конюхъ его, обра-
 тился
 Въ Наю, что мужа нашла Дамаянти, что но-
 ваго дѣлать
 Выбора ей не нужно. И Царь Ритупернъ дру-
 желюбно,
 Къ Наю пришедши, сказалъ: поздравляю те-
 бя, благородный
 Царь Нишадскій, съ благой переменой судьбы,
 съ возвращеньемъ
 Прежняго вида и болѣ всего съ обрѣтеніемъ
 милой,
 Вѣрной жены. И если я что неугодное сдѣ-
 лалъ,
 Наль знаменитый, тебѣ тогда, какъ не въ
 образъ Царскомъ

Жилъ ты слугой у меня, то я безвинно ви-
новенъ ;

Тайны твоей я не зналъ и прошу у тебя
извиненья.

Царь Ритупернъ, отвѣтствовалъ Налю, оскор-
бленья и тѣни

Я не видалъ отъ тебя; но когда бѣ и оби-
женъ тобою

Былъ я, то Налю Царю обидъ, нанесенныхъ
Вагукъ

Конюху, братья на себя неприлично. Тебя же
давно я,

Царь Ритупернъ, и чту и люблю, какъ Цар-
скаго брата.

Мнѣ благосклоннымъ ты былъ господиномъ,
когда подъ твоею

Кровлею жилъ я слугою Вагукой, теперь бла-
госклоннымъ

Другомъ будь мнѣ, Царю Нишадскому Налю.
Ты видишь

Самъ, что Вагукъ конюшимъ твоимъ ужъ не
быть; безъ сомнѣнья

Такъ же захочетъ въ прежнюю службу всту-
пить и Варшнея.

Но въ убыткѣ ты, Царь Ритупернъ, не оста-
нешься; даръ мой

Править конями тебѣ отдаю я рукою и сло-
вомъ,

Такъ же какъ самъ отъ тебя могущество сче-
 та съ искусствомъ
 Въ кости играть получилъ и нынѣ въ Айоду
 ты столь же
 Быстро прѣдешь одинъ, сколь быстро прѣхалъ
 отъ туда
 Вмѣстѣ съ Вагукой въ Видарбу. А я посмо-
 трю, что удастся
 Выиграть мнѣ съ искусствомъ, тобою мнѣ дан-
 нымъ. — Другъ другу
 Подали руку Цари на любовь и союзъ; и въ
 Айоду
 Царь Ритупернъ возвратился. Налъ, горя не-
 терпѣньемъ
 Выиграть тронъ свой, такъ же недолго остал-
 ся въ Видарбѣ.

III.

Мѣсяцъ проживши у тестя, съ избранной дру-
 жиною храбрыхъ
 Налъ пошелъ наконецъ на свое Нишадское
 Царство
 Самъ онъ сидѣлъ въ колесницѣ блестящей;
 могучіе кони

Бѣшено прыгали, твердой рукѣ его покоряясь,
 Слѣдомъ за нимъ, шестнадцать слоновъ бое-
 выхъ съ крѣпостными
 Башнями, полными ратниковъ, шли; за сло-
 нами скакали
 Конные, легкіи отрядъ, пятьдесятъ копьенос-
 цевъ; за ними
 Пѣшихъ дружина, пятьсотъ отборныхъ стрѣл-
 ковъ. Не сражаться
 Велъ ихъ Налъ, а украсить свое вступленье
 въ Нишаду.
 Такъ снарядившись, Царь на прощаньи сказалъ
 Дамаянти:
 Ты оставайся подъ кровлей отцовской покуда
 не ввелъ я
 Новаго счастья въ нашъ домъ, и его отъ
 врага не очистилъ,
 Счастіе прежнее въ немъ истребившаго; съ ми-
 ромъ тогда ты
 Въ нашу столицу съ дѣтьми возвратишься, какъ
 на небо свѣтлый
 День возвращается, темную ночь прогоняя; жи-
 ви же
 Въ радости здѣсь, ожидая блаженной минуты
 возврата
 Въ домъ семейный, на новое счастье, на но-
 вую славу.

Взоромъ однимъ Дамаянти Царю отвѣчала, но
въ этомъ

Взорѣ, полномъ небесной души, была ужъ по-
бѣда.

Быстрою бурею Налъ полетѣлъ, и скоро до-
стигъ онъ

Въ грозномъ величїи Царства, изъ коего нѣ-
когда вышелъ

Бѣднымъ изгнанникомъ. Брату Пушкарѣ, вла-
дѣвшему нынѣ

Бывшимъ престоломъ его, онъ сказалъ: я те-
бя вызываю

Къ новой игрѣ; я поставлю на кости жену;
ты поставишь

Все Нишадское Царство — довольно ль съ те-
бя? Но сначала

Сдѣлать мнѣ должно съ тобой уговоръ: когда
проиграешь

Ты — то все, чѣмъ владѣешь, будетъ моимъ
и надъ самой

Жизнью твоею буду я властенъ; когда жъ
проиграю

Я — то все, чѣмъ владѣю, возмешь ты, еже-
ли можешь:

Знай напередъ, что тогда мы съ тобою ме-
чемъ разочтемся.

Полно же медлить; тебѣ по законамъ игры
мнѣ на вызовъ

Къ новой игрѣ отказать невозможно; и вла-
стенъ теперь ты

Выбрать изъ двухъ любую игру: въ желѣзо
иль въ кости.

Хочешь отвѣдать меча — выходи; я радъ по-
единку;

Царство, наслѣдье отцовъ, должны сохранять
мы, покуда

Наше оно; когда же его мы утратили, си-
лой

Должно умѣть намъ его возвратить; такъ учи-
ли насъ предки.

Часъ наступилъ; принимайся Пушкара, за мечъ
иль за кости.

Или тебѣ живому не быть, или я — Дамаянти

Съ жизнью тебѣ уступлю. — На этотъ вызовъ
Пушкара

Такъ отвѣчалъ, усмѣхнувшись: готовъ я еще
разъ съ тобою

Въ кости счастья отвѣдать; то будетъ игра
роковая;

Горя съ тобой въ нищету Дамаянти довольно
терпѣла;

Власть и богатство со мною раздѣлитъ она и
забудетъ

Прошное скоро; а я и на тронѣ Нишадскомъ
всечасно

Думалъ объ ней; и ждалъ, что придешь ты;

Ты пришелъ и будетъ моею Дамаянти, и бо-
лѣ

Мнѣ ничего на землѣ желать не останется. —

Этимъ
Дерзкимъ отвѣтомъ разгнѣванный, мечъ свой
хулителю въ сердце

Чуть не вонзилъ въ запальчивости Наль, но,
собой овладѣвши,

Онъ сказалъ, трепеща и кипя и сверкая: Бе-
зумецъ

Полно хвастать, играй; проиграешь, заплатишь.
— И кости

Брошены — все рѣшено! Обратно Нишадское
Царство

Съ первымъ ударомъ выигралъ Наль у Пушка-
ры. Со смѣхомъ

Онъ, побѣдитель, взглянулъ на него, побѣжден-
наго. Что ты

Скажешь теперь? Мое законное Царство, кото-
рымъ

Думалъ владѣть ты, по прежнему стало мо-
имъ и отнынѣ

Будетъ въ крѣпкихъ рукахъ: теперь межъ
Царемъ и межъ Царствомъ

Третій никто не дерзнетъ протѣсниться. Мою жъ
Дамаянти

Ты и во снѣ недостойнѣ увидѣть; ты рабъ
мой отнынѣ.

Такъ рѣшила судьба; но слушай не властью
твоею

Нѣкогда былъ я низверженъ съ престола; Ка-
ли искунитель,

Врагъ мой, тебѣ помогалъ; ты объ этомъ не
зналъ, безразсудный;

Знай же теперь, что отмщать на тебѣ пре-
ступленья чужаго

Я не хочу. Живи, и будь милосердіе не-
ба

Вѣчно съ тобой и вражды да не будетъ межъ
нами, Пушкара,

Братъ мой; живи, благоденствуя многіе, мно-
гіе годы.

Весь уничтоженный благостью брата, предъ
нимъ на колѣна

Бросился, плача, Пушкара. О Наль Пуньяло-
ка, да будетъ

Милость Боговъ и всякое благо земное съ то-
бою.

Въ скромномъ удѣлѣ моемъ, я, твой поддан-
ный, буду спокойнѣй

Жить, чѣмъ на тронѣ твоємъ, гдѣ покой мой
основанъ

Былъ на ударѣ невѣрныхъ костей; и своими
отнынѣ

Буду я столь же любимъ , сколь былъ нена-
видимъ твоими.

Прежде однако очищу себя отъ вины омо-
вещемъ

Въ Гангесѣ грѣшпаго тѣла ; въ его благодат-
ныя волны

Брошу , проклявъ ихъ , враждебныя кости , ко-
торыми злые

Властвуютъ духи. А ты , сюда возвративъ Да-
маянти

Въ блескъ прекраснаго солнца , скажи ей ,
чтобъ гнѣва

Въ сердцѣ ко мнѣ не питала и , прежнее горе
забывши ,

Вдвое блаженна была очищеннымъ ; въ опытѣ
счастьемъ.

РАЗНЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въ 1844 году въ Москвѣ, изданъ въ Москвѣ

университетъ

Въ 1844 году въ Москвѣ, изданъ въ Москвѣ

университетъ

Въ 1844 году въ Москвѣ, изданъ въ Москвѣ

университетъ

Въ 1844 году въ Москвѣ, изданъ въ Москвѣ

РАЗНЫ

Въ 1844 году въ Москвѣ, изданъ въ Москвѣ

университетъ

Въ 1844 году въ Москвѣ, изданъ въ Москвѣ

университетъ

Въ 1844 году въ Москвѣ, изданъ въ Москвѣ

СТЕПАНОВИЧ

Въ 1844 году въ Москвѣ, изданъ въ Москвѣ

университетъ

КАМОЭНСЪ,

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Донъ Лудвигъ Камоэнсъ.

Донъ Іозѣ Квеведо Кастель Бранка.

Васко, его сынъ. *

Смотритель главнаго госпиталя въ Лиссабонѣ.

(1579.)

I.

Тѣсная горница въ большомъ лазаретѣ Лиссабонскомъ: стѣны голы; кое-гдѣ обвалилась штукатурка; съ одной стороны столъ съ бумагами и стулъ; съ другой большія кресла, и за ними, ближе къ стѣнѣ, полуизломанная кровать. На ней лежитъ Камоэнсъ и спитъ; къ кровати прислоненъ мечъ; надъ изголовьемъ виситъ на стѣнѣ лютня, покрытая пылью. Съ правой стороны дверь. — Входитъ донъ Іозѣ Квеведо вмѣстѣ съ смотрителемъ госпиталя. У послѣдняго за поясомъ связка ключей, подъ мышкой большая книга.

ІОЗѢ КВЕВЕДО, СМОТРИТЕЛЬ ГОСПИТАЛЯ,
КАМОЭНСЪ.

КВЕВЕДО.

Ой, ой, какъ высоко! Не ужь то выше

Еще намъ подыматься?

* Васко Мусинхо де-Квеведо Кастель Бранка, по свидѣтельству знатоковъ португальской литературы, болѣе всѣхъ

СМОТРИТЕЛЬ.

Нѣтъ, пришли.

КВЕВЕДО.

Ну, слава Богу! я почти задохся...

Такъ здѣсь онъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Здѣсь. Вотъ, сами посмотрите,

Что у меня записано въ реестрѣ:

Донъ Лудвигъ Камоэнсъ, десятый номеръ, —

И на двери десятый номеръ; это онъ.

КВЕВЕДО.

Ну, хорошо. Да развѣ болѣ ты

Объ немъ не знаешь?

СМОТРИТЕЛЬ.

Нѣтъ.

КВЕВЕДО.

И никогда

Объ немъ не слыхивалъ, и не имѣешь

Объ немъ понятія?

СМОТРИТЕЛЬ.

Какое тутъ

Понятіе! Лишь былъ бы только номеръ.

Что намъ до имени, что намъ до слуховъ?

Донъ Лудвигъ Камоэнсъ, десятый номеръ —

И все тутъ; такъ записано въ реестрѣ.

другихъ поэтовъ Португаліи приблизился къ Камоэнсу. Его эпическая поэма «Альфонсъ Африканскій,» въ которой особенно замѣчательны изображеніе мученій Фердинанда и описаніе сраженія Алькассарскаго, издана въ 1611 году. Прим. Соч.

КВЕВЕДО.

Ты человекъ, я вижу, аккуратный,
И книги у тебя въ порядкѣ . . .

(Осматривается)

Боже!

Въ какой тюрьмѣ онъ запертъ; какъ темно,
Тѣсно, нечисто! Стѣны голы; окна
Съ рѣшетками и потолокъ такъ низокъ,
Что душно.

СМОТРИТЕЛЬ.

Здѣсь до-сихъ-поръ сумасшедшихъ
Держали; но ему такъ захотѣлось
Быть одному, а этотъ номеръ былъ
Никѣмъ не занятъ — такъ его сюда я
И перевелъ.

КВЕВЕДО.

Къ безумнымъ? по дѣломъ!

Ты поступилъ догадливо; я вижу,
Ты расторопный человекъ. Я всѣхъ бы
Проклятыхъ этихъ стихотворцевъ заперъ
Въ домъ сумасшедшихъ. Тише! Кто лежитъ
Тамъ на кровати? ужь не онъ ли?

СМОТРИТЕЛЬ.

Онъ,

Синьйоръ; онъ спитъ . . . Я разбужу.

КВЕВЕДО.

Не трогай;

Я подожду, пока онъ самъ проснется.

СМОТРИТЕЛЬ.

Такъ оставайтесь съ Богомъ здѣсь; а я
Пойду: есть дѣло . . .

КВЕВЕДО.

Хорошо, поди, —

И вотъ тебѣ за трудъ.

СМОТРИТЕЛЬ.

Благодарю,

Синьйоръ.

(Уходитъ).

II.

ІОЗЕ КВЕВЕДО и КАМОЭНСЪ.

КВЕВЕДО.

Итакъ, я наконецъ его

Нашелъ. Трудненько было мнѣ сюда
Карабкаться, и радъ я, что могу
Немного отдохнуть. Когда бъ не сынъ,
Моя нога сюда не забрела бы;
Да мой пострѣлъ совсѣмъ рехнулся; горе
Мнѣ съ нимъ великое; не знаю самъ,
Что дѣлать; съ отвращеньемъ смотреть онъ
На наше ремесло, и не проценты
Считаетъ — стопы, да стихи плететь,
Да о вѣнкахъ лавровыхъ безпрестанно
И сонный и несонный бредить. Денегъ
Ему ненадобно; все для него
Равно, богачъ ли онъ или нищій; мнѣ,

Отцу, не хочеть подражать, а въ-слѣдъ
 За Камоэнсомъ рвется. . . Вотъ тебѣ
 Твой Камоэнсъ, твой образецъ: изволь
 Имъ любоваться! Здѣсь, въ госпиталѣ
 Въ отрепьи нищенскомъ лежитъ съ своими
 Онъ лаврами, — сѣдой, больной, изсохшій, дряхлый,
 Безглазый, всѣми брошенный, великій
 Твой человѣкъ, твой славный Лузіады
 Пѣвецъ, сражавшійся передъ Ораномъ
 И передъ Цейтою. Вотъ, полюбуйся:
 Онъ въ домѣ сумасшедшихъ, позабытъ
 Людми, и все имущество его —
 Покрытый ржавчиною мечъ, да лютия
 Безъ струнъ... За-чѣмъ онъ жилъ? и что онъ нажилъ?
Донъ Лудвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ,
 И все тутъ, — такъ записано въ реестрѣ...
 А я, надъ кѣмъ такъ часто онъ, бывало,
 Смѣялся, — я, котораго осломъ,
 Телячьей головой онъ называлъ,
 Который на вѣсѣ продаю изюмъ,
 Да виноградъ, да въ добрые крузады
 Мараведисы превращаю, я —
 Я человѣкъ богатый, свѣжъ, румянъ,
 И пользуюсь всеобщимъ уваженьемъ;
 Три дома у меня, и въ море пять
 Галеръ отправлено съ моимъ товаромъ:
 За славой онъ пошелъ, я за прибыткомъ,
 И вотъ, мы оба здѣсь. Пускай его

Мой сынъ увидить, и потомъ свой выборъ
 Пускай самъ сдѣлаетъ. За тѣмъ-то я
 Сюда и взлѣзъ; пускай расскажетъ сыну
 Самъ этотъ сумасбродъ, какому взору
 Пожертвовалъ онъ жизнью своею. . .
 Онъ шевелится, охаетъ, открылъ
 Глаза. . .

Камоэнсъ.

Мой сонъ опять былъ на минуту;
 То былъ не вѣчный сонъ, конецъ всему,
 Не смерть, а только призракъ смерти. . . Кто здѣсь?
 Не ужъ-то человѣкъ? Здѣсь? Человѣкъ?
 У Камоэнса? . . . Кто ты, другъ? Чего
 Здѣсь ищешь? Ты ошибся. . .

Квеведе.

Нѣтъ, синьйоръ,
 Я васъ искалъ, и дѣло мнѣ до васъ.

Камоэнсъ.
 Ахъ да, я и забылъ, что я пишу
 Стихи! Вы, можетъ быть, синьйоръ, хотите
 Стиховъ на свадьбу или на погребенье?
 Иль словъ для серенады? Потрудитесь
 Порыться тамъ въ бумагахъ на столѣ —
 Тамъ всякой всячины довольно. Я
 Беру недорого. Реала два
 Не болѣе за піесу.

Квеведе.

Нѣтъ, синьйоръ,
 Не то. . .

Камоэнсъ.

Такъ, можетъ быть, хотите вы,
Чтобъ я для васъ особенные сдѣлалъ
Стихи? Нѣтъ, государь мой, я не въ-силахъ:
Вы видите, я болѣнъ; я едва
Таскаю ноги.

(Встаетъ и, опираясь на мечъ, переходитъ къ кресламъ, въ которыхъ садится.)

Нѣтъ ни чувствъ, ни мыслей,
Что у меня найдется, тѣмъ и радъ;
Извольте взять любое изъ запаса.

Квеведо.

Не за стихами я сюда пришелъ.
Всмотрись въ мое лицо, донъ Лудвигъ; развѣ
Не узнаёшь меня?

Камоэнсъ.

Синьйоръ, простите,
Не узнаю.

Квеведо.

Не можетъ быть; ты долженъ
Меня узнать.

Камоэнсъ.

Не узнаю, синьйоръ.

Квеведо.

Въ Калвасѣ мы ходили вмѣстѣ въ школу.

Камоэнсъ.

Мы?

Квеведо.

Да, въ Калвасѣ. Мы частенько тамъ
Другъ съ другомъ и дирались, и порядкомъ

Ты иногда отдѣлывалъ меня.

Подумай — вспомнишь: мы знакомцы съ дѣтства.

Камоэнсъ.

Сивыйоръ, прошу васъ не взыскать; я старъ,

И голова моя слаба; никакъ

Не вспомню, кто вы.

Квеведо.

Боже мой, но вѣрно

Меня узнаешь ты, когда скажу,

Что я Іозѣ Квеведо Кастель Бранка,

Сынъ крестной матери твоей, Маркитты?

Камоэнсъ.

Іозѣ Квеведо ты?

Квеведо,

Да, я Іозѣ

Квеведо — тотъ, котораго, бывало,

Ты называлъ телячьей головою,

Котораго такъ часто ты...

Камоэнсъ.

Чего жъ

Ты ищешь здѣсь, Іозѣ Квеведо?

Квеведо.

Какъ

Чего? Хотѣлось мнѣ тебя провѣдать,

Узнать, какъ поживаешь. Правду молвить,

Мнѣ на тебя невесело смотрѣть.

Ты худъ, какъ мертвый трупъ. А я — гляди,

Какъ раздобрѣлъ. Такъ все идетъ на свѣтъ!

Кто на ногахъ — держись, чтобъ не упасть.
Идти за счастьемъ скользко. . .

Камоэнсъ.

Правда, скользко!

Квеведо.

Вотъ ты теперь въ нечистомъ лазаретѣ,
Больной полумертвецъ, безглазый, нищій,
Оставленный. . .

Камоэнсъ.

Зачѣмъ, Іозе Квеведо,
Считаешь ты на лбу моемъ морщины
И сѣдины на головѣ моей,
Дрожащей отъ болѣзни?

Квеведо.

Не сердися,
Другъ, я хотѣлъ сказать, что времена
Перемѣняются, что вмѣстѣ съ ними
Перемѣняемся и мы. Теперь
Ты ужъ не тотъ красавчикъ, за которымъ
Такъ въ-старину всѣ женщины гонялись,
Съ которымъ знать водила дружбу, — ты
Не прежній Камоэнсъ.

Камоэнсъ.

Не прежній, правда!

Но пусть судьбой разрушена моя
Душа, пускай все было то обманъ,
Чему я жизнь на жертву добровольно
Принесъ — поймешь ли это ты? Моимъ

Судьей быть можетъ ли какой-нибудь
Квеведо?

Квеведо (*про себя*).

Вотъ еще! Какъ гордъ! Когда бъ
Не сынъ, тебѣ я крылья бы ошибъ. (*Вслухъ*)
Твои слова ужъ черезъ-чуръ суровы;
Другаго я пріема ожидалъ
Отъ стараго товарища. Но, правда,
Ты болѣнъ, иначе меня бы встрѣтилъ
Ты дружелюбнѣй. Намъ о многомъ прошломъ
Другъ съ другомъ можно поболтать. Вѣдь дѣтство
Мы вмѣстѣ провели; то было время
Веселое. . . Ты помнишь лугъ за школой,
Гдѣ мы, бывало, въ мячъ играли? Помнишь
Высокій вязъ. . . кто выше взлѣзетъ? Ты
Всегда другихъ опережалъ. А наша
Игра въ охоту — кто олень, кто псарь,
А кто собаки. . . то то-было любо:
Впередъ! крикъ, лай, визжанье, бѣготня. . .
Что? помнишь?

Камоэнсъ.

Помню.

Квеведо.

А походы наши
Въ сосѣдній садъ, и тамъ осада яблонь,
И возвращеніе домой съ добычей?
А иногда съ садовникомъ война
И отступленье?

Камоэнсъ.
Да; то было время
Веселое! Мы были всѣ народъ
Неугомонный.

Квеведо.
Да, лихое племя!
А нашъ крутой пригорокъ, на которомъ
Лежала груда камней? Онъ для насъ
Былъ крѣпостью; ее мы брали штурмомъ,
И было много тутъ подбитыхъ глазъ
И желваковъ. . .

Камоэнсъ.
Вотъ этотъ мой рубецъ
Остался мнѣ на память объ одномъ
Изъ нашихъ подвиговъ тогдашнихъ. . .

Квеведо.
Правду

Сказать, не разъ могла потѣха стоять
Намъ дорого. Вотъ, напримѣръ, морской
Походъ нашъ по рѣкѣ. Мы всѣ устали
И воротились; ты жь одинъ. . .

Камоэнсъ.
Да, мнѣ

Казалось, что вдали передо мной
Былъ новый, никогда еще никѣмъ
Не посѣщенный свѣтъ; во что бь ни стало
Къ нему достигнуть я рѣшился; сила
Теченья мнѣ препятствовала долго
Мой замыселъ исполнить; наконецъ

Ее я одолѣлъ и вышелъ гордо
 На завоеванный, желанный берегъ . . .
 О, молодость! о годы золотые! . . .

(помолчавъ)

Дай руку мнѣ! Ты знаешь, мы съ тобою
 Въ то время не были друзьями: ты
 Казался — но быть можетъ не таковъ ты,
 Какимъ тогда казался намъ . . . Ну, дай же
 Мнѣ руку; въ дѣтствѣ ты со мной игралъ,
 Со мной дѣлилъ веселье; а теперь
 Туманный вечеръ мой ты освѣтилъ
 Воспоминаніемъ прекрасной нашей
 Зари . . . Я такъ одинъ — хотя бъ ты былъ
 И злѣйшій врагъ мой, мнѣ тебя теперь
 Обнять отъ сердца должно . . .

(обнимаетъ его.)

КВЕВЕДО (помолчавъ)

Ну, скажи же,
 Какъ жилъ ты, что съ тобой происходило
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались. Мнѣ отецъ
 Велѣлъ науки кончить и покинуть
 Калвасъ и въ Фигуэру ѣхать. Тамъ
 Иная сказка началась: пришлось
 Не объ игрѣ ужь думать — о работѣ.

КАМОЭНСЪ.

Меня судьба перевела въ Коимбру,
 Святилище науки; тамъ впервые

Услышалъ я Гомера; Мантуанскій
 Пѣвецъ меня гармоніей своею
 Плѣнилъ, и прелесть красоты
 Проникла душу мнѣ; что въ ней дотолѣ
 Невидимо, невѣдомо хранилось,
 То вдругъ въ чудесный образъ облеклось;
 Что было тьма, то стало свѣтъ, и жизнью
 Затрепетало все, что было мертвымъ;
 И мнѣ во грудь предчувствіе чего-то
 Невыразимаго впилося...

К в е в е д о .

Я, . . .
 Признаться, до наукъ охотникъ былъ
 Плохой. Отецъ меня въ сидѣльцы отдалъ
 Знакомому купцу; и должно правду
 Сказать, ужъ было у него чему
 Понаучиться: онъ считать былъ мастеръ.
 А ты?

К а м о э н с ѣ .

Промчались годы, въ школѣ стало
 Мнѣ тѣсно; я послѣдовалъ влеченью
 Души — увидѣлъ Лиссабонъ, увидѣлъ
 Блестящій дворъ и короля во славѣ
 Державнаго могущества, и пышность
 Его вельможъ. . . Но я на это робко
 Смотрѣлъ издалека и, ослѣпленный
 Блистательной картиною, за призракъ
 Ее считалъ.

КВЕВЕДО.

Со мной случилось то же,
Точь-въ-точь, когда на биржу въ первый разъ
Я заглянулъ и тамъ увидѣлъ горы
Товаровъ. . .

КАМОЭНСЪ.

Въ это время встрѣтилъ я
Ее. . . О, Боже! какъ могу теперь,
Разрушенный полумертвецъ, снести
Воспоминаніе о томъ внезапномъ,
Неизглаголанномъ преображеніи
Моей души! . . . Она была прекрасна
Какъ богъ въ своей веснѣ, животворящей
И небеса и землю!

КВЕВЕДО.

И со мной

Случилось точно то жь. У моего
Хозяина была одна лишь дочь,
Наслѣдница всему его имѣнью;
Имѣнье жь накопилъ себѣ старикъ
Большое; мудрено ли, что мое
Заговорило сердце?

КАМОЭНСЪ (не слушая его).

О, святая

Пора любви! Твое воспоминанье
И здѣсь, въ моей темницѣ, на краю
Могилы, какъ дыханіе весны,
Мнѣ освѣжило душу. Какъ тогда

Все было въ мірѣ отголоскомъ звучнымъ
 Моей любви! какимъ сіяньемъ райскимъ
 Блистала предо мной вся жизнь съ своимъ
 Страданіемъ, блаженствомъ, съ настоящимъ,
 Прошедшимъ, будущимъ! . . . О, Боже, Боже! . . .

К в е в е д о .

Отцу я полюбился; онъ доволенъ
 Былъ ловкостью моей въ дѣлахъ торговыхъ,
 И дочери сказалъ, что за меня
 Ее отдать намѣренъ; дочь на то
 Сказала: «воля ваша», и тогда же
 Насъ обручили. . .

К а м о з н с ъ .

О, блаженъ, блаженъ,
 Кому любви досталася награда! . . .
 Мнѣ не была назначена она.
 Насъ разлучили; въ монастырской кельѣ
 Младые дни ея угасли; я
 Былъ увлеченъ потокомъ жизни; въ бурѣ
 Войны хотѣлъ я рыцарски погибнуть,
 Сѣлъ на коня и бился подъ стѣнами
 Марокко, былъ на штурмѣ Цейты;
 Изъ битвы вышелъ я полуслѣпымъ,
 А смерть мнѣ не далась.

К в е в е д о .

Со мною было
 Не лучше. Я съ женой недолго пожилъ:
 Бѣдняжка умерла родами. . . Сильно

По ней я горевалъ... Но мнѣ наследство
 Богатое оставила она,
 И это наконецъ кое-какъ стало
 Моей отрадой.

К а м о э н с ь.

Все переживешь
 На свѣтѣ... Но забыть?... Блаженъ, кто носить
 Въ своей душѣ святую память, вѣрность
 Прекрасному минувшему! Моя
 Душа ее во глубинѣ своей
 Какъ чистую лампаду засвѣтила,
 И въ ней она поэзіей горѣла.
 И мнѣ была поэзія отрадой.
 Я помню часъ, великій часъ, меня
 Всего пересоздавшій. Я лежалъ
 Съ повязкой на глазахъ въ госпиталѣ;
 Тьма вокругъ меня и тьма во мнѣ...
 И вдругъ — сказать не знаю — подошло,
 Иль нѣтъ, не подошло, а подлетѣло,
 Иль нѣтъ, какъ будто Божіе съ небесъ
 Дыханье свѣяло, — свѣжо, какъ утро,
 И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
 Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
 И увлекательно, какъ звуки арфы —
 И было то, какъ-будто и во мнѣ
 И внѣ меня, и въ глубь моей души
 Оно вливалось, и волшебный кругъ
 Меня тѣснѣй, тѣснѣе обнималъ;

И унесенъ я былъ неодолимымъ
 Могуществомъ далеко въ высоту. . .
 Я обезпамятѣлъ; когда жъ пришелъ
 Въ себя — то было первая моя
 Живая пѣсня. Съ той минуты чудной
 Изчезла ночь во мнѣ и вокругъ меня;
 Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ;
 Страданій чаша предо мной стояла,
 Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
 Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
 Взлетѣла къ Богу и нашла у Бога
 Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

К в е в е д о .

Мнѣ посчастливилось; свое богатство
 Удвоилъ я; потомъ ушестерилъ. . .
 А ты какъ? Что потомъ съ тобой случилось?

К а м о э н с ъ .

Я въ той землѣ, гдѣ схоронилъ ее,
 Не могъ остаться. Вслѣдъ за Гамой славный
 Путь по морямъ я совершилъ, и тамъ,
 Подъ небомъ Индіи, раздался звучно
 Въ честь Португаліи мой голосъ; онъ
 Былъ повторенъ волнами Тайо; вдругъ
 Услышала Европа имя Гамы
 И изумилась; до предѣловъ Туле
 Достигнулъ громъ побѣдный Лузіады.

К в е в е д о .

А много ль принесла тебѣ она?
 У насъ носился слухъ. . .

Камоэнсъ.

Мнѣ принесла

Гоненіе и ненависть она.

Великихъ предковъ я ничтожнымъ внукамъ

Осмѣлился поставить въ образецъ,

Я карламъ указалъ на великановъ, —

И правда мнѣ въ погибель обратилась;

И то, что я любилъ, меня отвергло,

И что моею я пѣснью прославилъ,

Тѣмъ былъ я посрамленъ — и былъ какъ врагъ

Я Португаліей моею отринуть...

(помолчавъ)

Я мужъ и жалобы я ненавижу;

Но всю насквозь мнѣ душу эта рана

Прогрызла; никогда не заживетъ

Она, и вѣчно, вѣчно будетъ рвать

Меня, какъ въ оный мигъ разорвала,

Когда отечество такъ безпощадно

Отъ своего поэта отреклося.

Квеведо.

Ну, не крушись; забудь о прошломъ! Кто

Не ошибается въ своихъ расчетахъ!

Теперь не удалось — удастся послѣ.

Камоэнсъ.

И для меня однажды солнце счастья

Блеснуло свѣтлою зарей. Когда

Король нашъ Себастьянъ взошелъ на тронъ,

Его орлиный взоръ проникъ въ мою

Тюрьму; съ меня упала цѣпь, и свѣтъ
 И жизнь возвращены мнѣ были снова;
 Опять весна въ груди моей увядшей
 Воскресла. . . но то было на минуту!
 Все погубилъ день битвы Алкассарской.
 Король нашъ палъ великой мысли жертвой —
 И Португалія добычей стала
 Филиппа. . . Страшный день! о, для чего
 Я дожилъ до тебя!

К в е в е д о

Да, страшный день!
 Ужь нечего сказать! И съ той поры
 Все хуже намъ да хуже. Богъ на насъ
 Прогнѣвался. По крайней мѣрѣ ты
 Похвастать счастьемъ не можешь.

К а м о э н с ъ.

С о л н ц е

Мое навѣкъ затмилось и печально
 Туманенъ вечеръ мой. Забытъ, покинутъ,
 Въ болѣзни, въ бѣдности я жду конца
 На нищенской постели лазарета.
 Одинъ мнѣ оставался другъ — онъ былъ
 Невольникъ; иногда я называлъ
 Его въ досадѣ черною собакой.
 Но только-что со мной простилось счастье,
 Онъ сдѣлался хранителемъ моимъ;
 Онъ мнѣ служилъ и для меня работалъ,
 И отдавалъ свою дневную плату

На пищу мнѣ. Когда жь болѣзнь меня
 Къ постели приковала, день и ночь
 Сидѣлъ онъ надо мной и утѣшалъ
 Меня отрадными словами ласки,
 И, самъ больной, по улицамъ таскался
 За подаянiемъ для Камоэнса,
 И наконецъ, свои изтративъ силы,
 Безъ жалобы, безъ горя за меня
 Онъ умеръ — черная собака! . . . Богъ
 То видѣлъ съ небеси. . . Покойся, другъ,
 Послѣдній другъ мой на землѣ, въ твоей
 Святой могилѣ! тамъ тебѣ пріютно,
 А на землѣ пріюта не бываетъ.

К в е в е д о (про себя).

Теперь пора мнѣ къ дѣлу приступить. (Ему)
 Сердечный другъ, тебѣ удѣлъ нелегкій
 Достался, нечего сказать! Ты славилъ
 Отечество, и чѣмъ же заплатило
 Оно тебѣ за славу? Нищетой.
 Съ надеждами пошелъ ты въ путь, а съ чѣмъ
 Пришелъ назадъ? Ровнѣхонько ни съ чѣмъ.
 И вотъ теперь, при нашей поздней встрѣчѣ,
 Когда твою судьбу сравню съ моею,
 То, право, кажется, — не осердися —
 Что выборъ мой сто разъ благоразумнѣй
 Былъ твоего. Вотъ видишь, я богатъ;
 По всѣмъ морямъ товаръ мой корабли
 Развозятъ; а, бывало, на меня

Смотрѣлъ ты свысока. Сказать же правду,
 Хоть лаврами я лба и не украсилъ,
 Но, кажется, что на вѣсь мой барышъ
 Тяжелъ твоего. . .

Камоэнсъ.

Ты въ барышахъ —
 Не спорю. Но на свѣтѣ много есть
 Вещей возвышенныхъ, не подлежащихъ
 Ни мѣрѣ, ни расчетамъ торгаша.
 Лишь выгодой опредѣлять онъ можетъ
 Достоинство; замѣть же это, другъ:
 Лавровый листъ скупать ты на вѣсь можешь,
 Но о вѣнкахъ лавровыхъ не заботься.

Квеведео (про себя).

Ужъ не смѣется ль онъ надъ нашимъ званьемъ? . . .
 Постой, ужъ попадись ко мнѣ ты въ руки,
 Я отплачу тебѣ порядкомъ. (Ему)

Ты

Обидѣлся, я вижу; а въ тебѣ
 Я искренно участие принимаю.
 Да я и съ просьбою пришелъ; послушай,
 Оставь ты лазаретъ свой, сдѣлай дружбу,
 Переселись ко мнѣ; мой домъ просторенъ;
 Чужимъ найдется много мѣста въ немъ,
 Не только-что друзьямъ. Ну, Камоэнсъ,
 Не откажи мнѣ; перейди въ мой домъ;
 Ты у меня свободно отдохнешь
 Отъ прошлыхъ бѣдъ, и мой избытокъ

Охотно я съ тобою раздѣлю. . .

Не слышишь, что ли, Камоэнсъ?

Камоэнсъ.

Что? что

Ты говоришь? Меня къ себѣ? въ свой домъ
Зовешь?

Квеведо.

Да, да! Къ себѣ, въ свой домъ, тебя
Зову. Согласенъ ли?

Камоэнсъ.

Жить у тебя?

Но, можетъ-быть, ты думаешь, Квеведо. . .

Нѣтъ, нѣтъ! твоё намѣреніе, я въ этомъ

Увѣренъ, доброе. — благодарю;

Но мнѣ и здѣсь покойно: я доволенъ;

Нѣтъ нужды мнѣ тебя тѣснить; да въ этомъ

И радости не будетъ никакой:

О радостяхъ давно мнѣ и во снѣ

Не грезится.

Квеведо.

Меня ты потѣснишь?

Помялуй, что за мысль! Ты мнѣ, напротивъ,

Полезенъ можешь быть; я отъ тебя

Жду помощи великой.

Камоэнсъ.

Отъ меня?

Ждешь помощи? И я могу тебѣ

Полезенъ быть? я? я? мечтатель жалкій,

Который никому и ни на что
 Не нуженъ былъ на свѣтъ, и себя
 Лишь, только погубить умѣлъ? Квеведо,
 Не шутишь ли?

Квеведо.

Какая шутка! Самъ
 Ты разсуди: далъ Богъ мнѣ сына — ну,
 Ужъ нечего сказать, такихъ немного
 Каковъ мой Васко; онъ до-этихъ-поръ
 Былъ радостью моею, и я имъ хвасталъ,
 И ужъ заранѣ веселилъ себя
 Надеждою, что онъ мое богатство,
 Которому всему одинъ наследникъ,
 Удвоитъ, мнѣ, какъ должно, подражая, —
 Анъ нѣтъ: иначе вышло на повѣрку.
 Отцовскимъ званьемъ онъ пренебрегаетъ,
 Въ проклятые зарылся пергаменты,
 Ударился въ стихи, въ поэты метить.

Камозенсъ.

Безумство! жалкій бредъ!

Квеведо.

Я то же самъ
 Ему пою; да онъ не вѣритъ. Музы —
 Ему отецъ и мать и все земное
 Его богатство.

Камозенсъ.

Такъ мечтаютъ всѣ
 Они, но то обманъ...

К в е в е д о .

Напрасно и

Увѣщевалъ его: онъ словъ моихъ
И понимать не хочетъ. Видишь ли теперь,
Какъ много мнѣ ты можешь быть полезенъ,
Дружище? Укажи ему на твой
Примѣръ, пускай узнаетъ онъ, какъ ты,
Его достойный образецъ, былъ щедро
Отъ свѣта награжденъ; пусть Камоэнса
Увидитъ онъ въ госпиталѣ, больного,
Въ презрѣннѣ, въ нищетѣ, быть-можетъ...

К а м о э н с ъ .

Такъ,

Пускай меня увидитъ онъ! Пришли
Его сюда; я вылечу его
Отъ гибельной мечты. Слѣпецъ? безумецъ!
Ненужною доселѣ жизнь свою
Я почиталъ; теперь мнѣ все понятно:
Имъ пугаломъ должна служить она!

К в е в е д о .

Такъ ты его остережешь, спасешь?

К а м о э н с ъ .

Остерегу, спасу... Пришли его
Сюда.

К в е в е д о .

Онъ недалеко. Крылья имя
Твое придастъ ему. Черезъ минуту
Онъ будетъ здѣсь. И вмѣстѣ съ нимъ въ мой домъ

Пожалуетъ желанный гость? Не правда ль? Вотъ же!
Ты будешь, другъ?

КАМОЭНСЪ.

Увидимъ.

КВЕВЕДО.

Ну, прости же

Любезный. (про себя) Слава Богу! все какъ должно
Улажено. Лишь только бѣ сына онъ
На путь наставилъ... самъ же... что за дѣло
Мнѣ до него!... Пускай въ госпиталь
Околѣвается.

(Уходитъ).

III.

КАМОЭНСЪ (одинъ).

Я усталъ; всѣ силы

Мои истощены; и жаръ и холодъ
Я чувствую; въ глазахъ моихъ темнѣть;
Ужъ не она ль? Не смерть ли, званый другъ,
Ко мнѣ подходитъ?... (помолчавъ) Всѣхъ я схоронилъ;
Все, что любилъ я, что меня любило,
Давно во гробѣ... Я стою одинъ
Передъ своей могилою, одинъ...
И не протянетъ мнѣ никто руки,
Чтобы помочь въ нее сойти; свалюся
Туда, какъ чумный трупъ, рукой наемной
Толкнутый въ общій гробъ. Счастливъ стократно

Простой поселенинъ! Трудомъ прилежнымъ
 Довольный, скромный, замысловъ высокихъ
 Не вѣдая, своей тропинкой онъ
 Идетъ; когда же смертный часъ его
 Наступитъ, онъ, въ кругу своихъ, близъ доброй
 Жены, участницы всего, что было
 И горькаго и радостнаго въ жизни,
 Среди дѣтей, воспитанныхъ съ любовью,
 Смиренно, тихо, ясно умираетъ.
 И всѣми онъ любимъ, и, съ нимъ прощаясь,
 Всѣ плачутъ, и глаза ему родная
 Рука при смерти зажимаетъ. Я же?...
 О, какъ меня все обмануло! Я
 Жилъ одинокъ и одинокъ умру...
 Сокровищемъ она казалась мнѣ
 Въ тотъ часъ, когда насъ буря окружала,
 Когда корабль нашъ объ утесъ въ щелы
 Разшибся — да, сокровищемъ тогда
 Она, мое созданье, Лузіада
 Казалась мнѣ; и въ море съ Лузіадой
 Я кинулся, и отдалъ на пожранье
 Волнамъ все, все, и съ гордымъ торжествомъ
 На берегъ нищимъ вышелъ... Спасена
 Была, мое созданье, Лузіада!
 Часъ роковой! погибельная пѣснь!
 Погибельный вѣнецъ, мнѣ данный славой!
 Для нихъ отъ мирнаго, земнаго счастья
 Отрекся я, — и что жъ отъ нихъ осталось?

Разувѣреніе во всемъ, что прежде
Я почиталъ высокимъ и прекраснымъ. . .

(помолчавъ.)

Мнѣ холодно, и дрожь въ моихъ костяхъ;
Послѣдняя минута Камоэнса —
И никого, чтобъ вздохъ его принять!
Въ прошедшемъ ночь, въ грядущемъ ночь; разстроенъ,
Разрушенъ геній; мужество и вѣра
Потрясены, и вся земная слава
Лежить въ пыли. . . Что жизнь моя была?
Безумство, бѣшенство! . . . Онъ справедливо
Сказалъ: барышъ мечтателя — мечта!

IV.

КАМОЭНСЪ и ВАСКО КВЕВЕДО.

Васко.

Здѣсь, сказано, могу его найти. . .
Ахъ, вотъ онъ! . . . это онъ! . . . такимъ видалъ я
Его во снѣ. . . но только бодрымъ, смѣлымъ,
И молніи въ глазахъ, и голова,
Поднятая торжественно и гордо. . .
Что нужды! Это онъ. . . Хотя и старъ
И хилъ, но на лицѣ его печать
Его великой пѣсни.

Камоэнсъ.

Кто тутъ?

Васко.

Васко

Квеведо, сынъ знакома твоего,

Юзе Квеведо...

Камоэнсъ.

Ты?

Васко.

Отецъ меня

Прислалъ сюда, донъ Лудвигъ, пригласить

Тебя въ нашъ домъ переселиться; тамъ

Найдешь достойное тебя жилище

И дружбу... но не рано ль я пришелъ?

Камоэнсъ.

Когда бъ промедлилъ часъ, пришелъ бы поздно.

Приблизься, посмотри: ужъ надо мной

Летаетъ ангелъ смерти; для меня

Все миновалось; но прійми совѣтъ

Отъ умирающаго Камоэнса

И сохрани его на пользу жизни...

Васко.

Ты умираешь?... нѣтъ, не можетъ быть,

Чтобъ умеръ Камоэнсъ!

Камоэнсъ.

Минуты, другъ,

Намъ дороги; послушай, сынъ мой, ты,

Я слышалъ отъ отца, служенью Музъ

Жизнь посвятить свою желаешь... Правду ль

Сказалъ онъ?

Васко.

Правду, я клянуся Богомъ!

Камоэнсъ.

Одумайся; то выборъ роковой;
Ты молодъ, и твоя душа, земнаго
Еще не вѣдая, стремится къ небу,
И ты свое стремленіе зовешь
Любовію къ поэзіи, отъ неба
Изшедшей, какъ твоя душа. Но знай,
Любовь еще не сила; постигать
Не есть еще творить; а увлекаться
Стремленіемъ къ великому еще
Не есть великаго достигнуть.

Васко.

Знаю.

Камоэнсъ.

Такъ загляни жь во глубину своей
Души, и что ее бы ни влекло —
Самонадѣянность, иль просто дѣтскій
Позывъ на подражанье, иль тревога
Кипучей младости, иль раздраженье
Излишне-напряженныхъ нервъ, — себя,
Мой другъ, не ослѣпляй. Другія всѣ
Искусства намъ возможно пріобрѣсть
Наукою; поэта же творить —
Святѣйшее оставивъ про себя —
Природа; геніи рождаются сами;

Низходитъ прямо съ неба то, что къ небу
Возноситъ насъ.

Васко.

Того что происходитъ
Теперь во мнѣ и что я самъ такое
Я изъяснить словами не могу.
Но выслушай мою простую повѣсть:
Ребенкомъ тихимъ, книги лишь однѣ
Любя, я выросъ, преданный мечтанью.
Мой взоръ былъ обращенъ во внутрь моей
Души; я вѣшняго не замѣчалъ;
Уединеніе имѣло голосъ,
Понятный для меня; и прелесть лунныхъ
Ночей меня стремилъ въ область тайны.
На путь отца смотрѣлъ я съ отвращеньемъ;
Меня влекло невѣдомо къ чему...
Вдругъ раздалась чудесно Лузіада —
И стало все во мнѣ свѣтло и ясно;
Сомнѣнье кончилось, и выбирать
Ужъ нужды не было... за нимъ, за нимъ!
Въ моей душѣ гремѣло и пылало;
И каждое бѣенье сердца мнѣ
Твердило то жъ: за нимъ! за нимъ!... И власть,
Влекущая меня, неодолима.
Теперь рѣши, поэтъ ли я иль нѣтъ?

Камоэнсъ.

Свидѣтель Богъ! твои глаза блестятъ
Какъ у поэта; но послушай, другъ,

Хотя бѣ ихъ блескъ и правду говорилъ,
 Остановись, не покидай смиренной
 Тропы, протянутой передъ тобою.
 Судьба тебѣ добра желаетъ; мнѣ
 Повѣрь, я дорогѣй купилъ цѣной
 Признаніе, что счастье земное
 Не на пути поэта.

Васко.

Дай его

Мнѣ заслужить — и пусть оно погибнетъ!

Камоэнсъ.

Слѣпецъ! тебя зоветъ надежда славы.
 Но что она? и въ чемъ ея награды?
 Кто раздаетъ ихъ, и кому онѣ
 Даются, и не всѣ ль ея дары
 Обруганы и завистью и злобой?
 За нихъ ли жизнь на жертву отдавать?
 Лишь у гробовъ, которымъ ужь никто
 Завидовать не станетъ, иногда
 Садитъ она свой лавръ, дабы онъ цвѣлъ —
 Надъ тлѣніемъ, которое когда-то
 Здѣсь человѣкомъ было и страдало,
 Нося торжественно на головѣ —
 Подъ лаврами пронзительные терны.
 Но для того, кто въ гробѣ спитъ, на-вѣки
 Безчувственный для здѣшнихъ благъ и бѣдъ,
 Не все ль равно — полынь ли надъ костями
 Его растетъ, иль лавръ?... Не вся ль тутъ слава?

Васко.

Я молодъ, но ужь мнѣ видать случилось,
 Какъ незаслуженно ея вѣнецъ
 Безстыдная ничтожность похищала,
 Ругаясь надъ скромно-молчаливымъ
 Достоинствомъ? Но для меня не счастье,
 Не золото — скажу ли? — и не слава
 Приманчявы. . .

Камозенсъ.

Не счастье и не слава?
 Чего же ищешь ты?

Васко.

О, долго, долго
 Хранилъ я про себя святую тайну!
 Но посвященному, о, Камозенсъ,
 Тебѣ я двери отворю въ мое
 Святилище, гдѣ я досель одинъ
 Доступному мнѣ божеству молился.
 Нѣтъ, нѣтъ! не счастья, не славы здѣсь
 Ищу я; — быть хочу крыломъ могучимъ,
 Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
 На высоту, — зарей, побѣду дня
 Предвозвѣщающей, — великихъ думъ
 Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
 Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
 И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
 Которою предъ нами горній міръ
 Задержнутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ

Ее приподымать, и святость жизни
 Являть во всей ея красѣ небесной.
 Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

Камоэнсъ.

О, молодость на крыльяхъ серафимскихъ!
 Какъ мало ходъ житейскаго тебѣ
 Понятенъ! возносить на небеса
 Свинцовыя ихъ души, ихъ слѣпыя
 Глаза воспламенять, глухонѣмыхъ
 Плѣнять гармоніей!...

Васко.

Что мнѣ до нихъ,
 Безчувственныхъ жильцовъ земли, иль дерзкихъ
 Губителей всего святаго! Мнѣ
 Они чужіе. Для чего Творецъ
 Такой имъ жалкій жребій избралъ, это
 Извѣстно одному Ему; Онъ благъ
 И справедливъ; обителей есть много
 Въ дому Отца, — всѣмъ будетъ воздаянье.
 Но для чего сюда Онъ ихъ послалъ —
 О, это мнѣ понятно. Здѣсь безъ нихъ
 Была ли бы для душъ, покорныхъ Богу,
 Возможна та святая брань, въ которой
 Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
 Мы не за тѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ
 Скорбей, гоненій, видя торжество
 Порока, силу зла, и слыша хохотъ
 Безстыднаго разврата иль насмѣшку

Безвѣрія, изъ этой бездны вынести,
 Въ душѣ неоскверненной вѣру въ Бога?...
 О, Камоэнсъ! Поэзія небесной
 Религіи сестра земная; свѣтлый
 Маякъ, самымъ Создателемъ зажженный,
 Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
 Съ пути. Поэтъ, на пламени его
 Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
 Съ тобою за-одно засвѣтятъ каждый
 Хранительный свой огонь, и будутъ здѣсь
 Они во всѣхъ странахъ и временахъ
 Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
 При блескѣ ихъ, что бъ труженикъ земной
 Ни испыталъ — душой онъ не падетъ,
 И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.
 О, Камоэнсъ! о, вѣрь моимъ словамъ!
 Еще во мнѣ того, что въ этотъ мигъ
 Я чувствую, ни разу не бывало;
 Богъ языкомъ младенческимъ моимъ
 Съ тобою говорить: ты совершилъ
 Свое святое назначенье, ты
 Свой пламенникъ зажегъ, неугасимо;
 Мнѣ въ душу онъ проникъ, какъ Божій лучъ;
 И сколькихъ онъ другихъ согрѣлъ, утѣшилъ!
 И пусть разрушено земное счастье,
 Обмануты ласкавшія надежды
 И чистыя обруганы мечты...
 Объ нихъ ли сѣтовать? Таковъ удѣлъ

Всего, всего прекраснаго земнаго!
 Но не умреть живая пѣснь твоя;
 Во всѣхъ вѣкахъ и поколѣнѣяхъ будутъ
 Ей отвѣчать возвышенныя души.
 Ты жилъ и будешь жить для всѣхъ временъ!
 Прямой поэтъ, твое безсмертно слово!

Камоэнсъ.
 Его глаза сверкають, щеки рдѣють;
 Пророчески со мной онъ говорить;
 Отъ словъ его вся внутренность моя
 Трепещетъ; не самимъ ли Богомъ присланъ
 Ко мнѣ младенецъ этотъ? . . . Ты, мой сынъ,
 Лишь о грядущемъ мыслишь, — оглянись
 На настоящее и на меня,
 Пѣвца твоей великой Лузіады.
 Смотри, какъ я, въ нечистомъ лазаретѣ,
 Отечествомъ презрѣнный, и забытый
 Людми, кончаю жизнь на томъ одрѣ,
 Гдѣ за два дня издохъ въ цѣпяхъ безумный.
 Таковъ въ своихъ наградахъ свѣтъ; страшись
 Моей стези; бѣги надеждъ поэта!

Васко.

Бѣжать твоихъ надеждъ, твоей стези
 Страшиться? . . . Нѣтъ, бросаюсь на колѣни
 Передъ твоей страдальческой постелью,
 На коей ты, какъ мученикъ смиренный,
 Зришь небеса отверзтыя, гдѣ ждетъ
 Тебя твой Богъ, тебя не обманувшій.

Благодарю тебя, о, Камоэнсъ,
 За все, чѣмъ былъ ты для моей души!
 И здѣсь со мной тебя благодарятъ
 Всѣ современники, и всѣхъ временъ
 Грядущихъ вѣрные друзья святыни,
 Поклонники великаго, твои
 По чувству братья. Пусть людская злоба,
 Презрѣніе, насмѣшка, нищета
 Достоинству въ награду достаются, —
 Прекраснѣй лавра, мученикъ, твой тернъ!
 И умереть въ темницѣ лазарета
 Верхъ славы... О, судьба! дай въ жизни мнѣ
 Быть Камоэнсомъ, дай, какъ онъ, быть свѣтомъ
 Отечества и вѣка моего
 Величіемъ — и всѣ земныя блага
 Тебѣ я отдаю на жертву!

Камоэнсъ.
 О!

Клянусь моей послѣднею минутой
 И всей моей блаженно-скорбной жизнью,
 И всѣмъ святымъ, что я въ душѣ хранилъ,
 И всѣми чистыми ея мечтами
 Клянуса, ты назначенъ быть поэтомъ!
 Не своелюбіе, не тщетный призракъ
 Тебя влекутъ, — тебя зоветъ самъ Богъ!
 Къ великому стремишься ты смиренно!
 И ты дойдешь къ нему — ты сердцемъ чистъ!

Васко.

Дойду? . . . О, Камоэнсъ! ты ль это мнѣ
Пророчишь? . . . Повтори жь мнѣ, буду ль я
Поэтомъ?

Камоэнсъ.

Ты поэтъ! имѣй къ себѣ
Довѣренность! объ этомъ часѣ помни; —
И если нѣкогда захочетъ взять
Судьба свое, и путь твой омрачится —
Подумай, что своимъ эирнымъ словомъ
Ты съ Камоэнсовыхъ очей туманъ
Печали свѣялъ, что въ послѣдній часъ,
Обезнадеженный сомнѣньемъ, онъ
Твоей душой былъ вдохновенъ, и снова
На пламени твоёмъ свой прежній пламень
Зажегъ — и жизнь прославилъ, умирая.
О, помни, другъ, объ этомъ часѣ, помни
О той рукѣ, ужь смертию охлажденной,
Которая на званіе поэта
Теперь тебя благословляетъ. Жизнь
Зоветъ на битву — съ Богомъ! возсіай
Прекраснымъ днемъ, денница молодая!
А Камоэнсово ужь солнце сѣло,
И смерть надъ нимъ покровъ свой разстилаетъ. . .

Васко.

Ты не умрешь! На имени твоёмъ
Покоится безсмертье!

Камоэнсъ.

Такъ, оно

На немъ покойся! Его призывъ
Я чувствую: я былъ поэтъ вполнѣ.
Неправедно ропталъ я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его, — онъ правъ!
Страданіемъ душа поэта зрѣетъ!
Страданіе — святая благодать!...
И здѣсь любилъ я истину святую,
И голосъ мой былъ голосомъ ея!
И не развѣется, какъ прахъ ничтожный,
Жизнь вдохновенная моя; безсмертны
Мои мечты; ихъ сѣмена живыя
Не пропадутъ на жатвѣ поколѣній!
Предъ Господа могу предстать я смѣло.

Васко.

Что, что съ тобой?...

(Въ эту минуту совершается видѣніе: надъ головою Камоэнса является духъ въ образъ молодой дѣвы, увѣнчанной лаврами, съ сіяющимъ крестомъ на груди. За нею яркій свѣтъ).

Камоэнсъ.

Оставь меня, мой сынъ!

Я чувствую, великій часъ мой близко...
Мой духъ опять живой исполненъ силы;
Меня зоветъ знакомый сердцу гласъ;
Передо мной исчезла тьма могилы,
И въ небесахъ моихъ опять зажглась
Моя звѣзда, мой путеводецъ милый!...

О, ты ль? тебя ль часъ смертный мнѣ отдалъ,
Моя любовь, мой свѣтлый идеалъ?

Тебя, на рубежѣ земли и неба, снова
Преображенную я вижу предъ собой;
Что здѣсь прекраснаго, великаго, святова,
Я вдохновенно угадывалъ мечтой,
Невыразимое для мысли и для слова,
То все въ мой смертный часъ пріяло образъ твой,
И съ миромъ къ моему проникнувъ изголовью,
Мнѣ стало вѣрою, надеждой и любовью.

Такъ, ты поэзія! тебя я узнаю;
У гроба я постигъ твое знаменованье!
Благословляю жизнь тревожную мою!
Благословенно будь, души моей страданье!
Смерть! смерть, великій духъ! я слышу вѣсть твою!
Меня всего твое проникнуло сіянье!

(подаетъ руку Васку, который падаетъ на колѣни)

...Мой сынъ, мой сынъ, будь твердъ, душою не дремли!
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли. *(Умираетъ.)*

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ГРЕЕВА ЭЛЕГІЯ.

Греева элегія переведена мною въ 1802 году и напечатана въ Вѣстникѣ Европы, который въ 1802 и 1803 г. былъ издаваемъ Н. М. Карамзинымъ. Это мое первое напечатанное стихотвореніе. Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу *. Находясь, въ Маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго (1839) года, въ Виндзорѣ, я посѣтилъ кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегію (оно находится въ деревнѣ Stock Poges, неподалеку отъ Виндзора); тамъ я перечиталъ прекрасную Грееву поэму и вздумалъ снова перевести ее, какъ можно ближе къ подлиннику. Этотъ второй переводъ, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу въ знакъ нашей съ тѣхъ поръ продолжающейся дружбы и въ воспоминаніе о его братѣ.

* Онъ умеръ въ 1803 году.

СЕВЕРСКОЕ КВАДРЕНТЕ

ПЕЧАТЪ

Колоколь поздній кончину отшедшаго дня воз-
вѣщаетъ;
Съ тихимъ блеяньемъ бредеть черезъ поле уста-
лое стадо;
Медленнымъ шагомъ домой возвращается пахарь,
уснувшій
Міръ (уступая молчанью и мнѣ. Ужъ блѣднѣетъ
окрестность,
Мало по малу теряясь во мракѣ, и воздухъ
наполненъ
Весь тишиною торжественной; изрѣдка только
промчится
Жукъ съ усыпительно-тяжкимъ жужжаньемъ, да
рогъ отдаленный.
Сонъ наводя на стада, порою невнятно раз-
дается;
Только съ вершины той пышно плющемъ укра-
шенной башни

Жалобнымъ крикомъ сова предъ тихой луной
обвиняетъ

Тѣхъ, кто, случайно зашедши къ ея гробовому жилищу,

Миръ нарушаютъ ея безмолвнаго, древняго царства.

Здѣсь подъ навѣсомъ нагнувшихся вязовъ, подъ
свѣжею тѣнью

Ивъ, гдѣ зеленымъ дерномъ могильные холмы
покрыты,

Каждый навѣкъ затворяся въ свою одинокую
келью,

Спать непробудно смиренные предки села. Ни
веселый

Голосъ прохладно-душистаго утра, ни ласточки
ранней

Съ кровли соломенной трель, ни труба пѣтуха,
ни отзывный

Рогъ, ничто не подыметъ ихъ болѣ съ ихъ
бѣдной постели.

Яркій огонь очага ужъ для нихъ не зажжется;
не будетъ

Ихъ вечеровъ улаждать хлопотливость хозяйки;
не будутъ

Дѣти тайкомъ къ дверямъ подбѣгать, чтобъ
подслушать, пейдутъ ли

Съ поля отцы, и къ нимъ на колѣна тя-
нуться, чтобъ первый

Прежде другихъ схватить поцѣлуй. Какъ часто
 серпамъ ихъ
 Нива богатство свое отдавала; какъ часто ихъ
 острый
 Плугъ побѣждалъ упорную глыбу; какъ весело
 въ поле
 Къ трудной работѣ они выходили; какъ звуч-
 но топоръ ихъ
 Въ лѣсѣ густомъ раздавался, рубя вѣковыя
 деревья!
 Пусть издѣвается гордость нагъ ихъ полезною
 жизнью,
 Низкій удѣлъ и семейственный миръ поселянъ
 презирая;
 Пусть величіе съ хладной насмѣшкой читаетъ
 простую
 Лѣтопись бѣднаго; — знатность породы, могу-
 щества пышность,
 Все, чѣмъ блеснить красота, чѣмъ богатство
 плѣняетъ, все будетъ
 Жертвой послѣдняго часа: путь славы ведетъ
 лишь ко гробу.
 Кто обвинить ихъ за то, что надъ прахомъ сми-
 реннымъ ихъ память
 Пышныхъ гробницъ не воздвигла; что въ хра-
 махъ, по сводамъ высокимъ,
 Въ блескѣ торжественномъ свѣтъ, въ благовон-
 номъ дыму еиміама,

Имъ похвала не гремитъ , повторенная звуч-
нымъ органомъ ?

Надпись на урнѣ , иль дышущій въ мраморѣ ликъ
не воротятъ

Въ прежнюю область ея отлетѣвшую жизнь , и
хвалебный

Голосъ не тронетъ безмолвнаго праха , и въ
хладно нѣмое

Ухо смерти не вкрадется сладкій ласкательства
лепетъ.

Можетъ быть , здѣсь въ могилѣ , ничѣмъ не
замѣтной , истлѣло

Сердце , огнемъ небеснымъ нѣкогда полное ; ста-
ла

Прахомъ рука , рожденная скипетръ носить , иль
восторга

Пламень въ живыя струны вливать ; но наука
предъ ними

Свитковъ своихъ , богатыхъ добычей вѣковъ ,
не раскрыла ,

Холодъ нужды умертвилъ благородный ихъ пла-
мень , и сила

Геніемъ полной души ихъ бесплодно погибла
навѣки.

О ! какъ много чистыхъ , прекрасныхъ жемчу-
жинъ сокрыто

Въ темныхъ , невѣдомыхъ намъ глубинахъ оке-
ана ! Какъ часто

Цвѣтъ родится на то, чтобъ цвѣсти невидимо
 и сладкій
 Запахъ терять въ безпредѣльной пустынѣ! Быть
 и можетъ,
 Здѣсь погребенъ какой-нибудь Гампденъ незнае-
 мый, грозный
 Мелкимъ тиранамъ села, иль Мильтонъ нѣмый
 и не славный,
 Или Кромвель неповинный въ крови сограж-
 данъ. Всемогушимъ
 Словомъ сенать покорять, бороться съ судьбою,
 и обилье
 Щедрою сыпать рукой на цвѣтущую область,
 и въ громкихъ
 Плескахъ отечества жизнь свою слышать — то
 рокъ запретилъ имъ;
 Но, ограничивъ въ добрѣ ихъ, равно и во-
 злѣ ограничилъ:
 Не далъ имъ воли — стремиться къ престолу
 стезею убійства,
 Иль затворять милосердія двери предъ страж-
 дущимъ братомъ,
 Или, коварствуя, правду таить, или стыда на
 ланитахъ,
 Чистую краску терять, иль срамить вдохновенье
 святое,
 Гласомъ поэзіи слава могучій развратъ и фор-
 туну.

Чуждые смуть и волненій безумной толпы,
изъ-за тѣсной

Грани желаній своихъ не пуская, вдоль свѣ-
жей,

Сладко-безшумной долины жизни, они тихомол-
комъ

Шли по тропинкѣ своей, и здѣсь ихъ пріютъ
безмятеженъ.

Кажется, слышишь, какъ дышетъ кругомъ ихъ
спокойствіе неба,

Всѣ тревоги земныя смиряя, и мнится, ка-
кой-то

Сердце объемлющій голосъ, изъ тихихъ могилъ
подымаясь,

Здѣсь разливаетъ предчувствіе вѣчнаго мира.
Чтобъ праха

Мертвыхъ никто не обидѣлъ, надгробные камни
съ простою

Надписью, съ грубой рѣзьбою прохожаго мо-
лятъ почитать ихъ

Вздохомъ минутнымъ; на камняхъ рука негра-
мотной музы

Ихъ имена и лѣта написала, кругомъ начер-
тавши,

Вмѣсто надгробій, слова изъ Святаго Писанья,
чтобъ скромный

Сельскій мудрецъ по нимъ умирать научался.
И кто же,

Кто въ добычу нѣмому забвенью эту земную,

Милую, смутную жизнь предавалъ и съ цвѣ-
тущимъ предѣломъ

Радостно-свѣтлаго дня разставался, назадъ не
бросая

Долгаго, томнаго, грустнаго взгляда? Душа
удаляясь,

Хочетъ на нѣжной груди отдохнуть, и очи,
темнѣя,

Ищутъ прощальной слезы. Изъ могилы намъ
слышенъ знакомый

Голосъ, и въ нашемъ прахѣ живетъ бывалое
пламя.

Ты жъ, погребенныхъ безъ славы заботливый
другъ, безыскусно

Повѣсть объ нихъ рассказавшій, быть можетъ,
кто-нибудь, сердцемъ

Близкій тебѣ, одинокой мечтою сюда приведен-
ный,

Знать пожелаетъ о томъ, что случилось съ
тобой, и быть можетъ,

Вотъ что расскажетъ ему о тебѣ старожилъ по-
сѣдѣлый:

«Часто видали его мы, какъ онъ на разсвѣтѣ
поспѣшнымъ

«Шагомъ, росу отряхая съ травы, всходилъ
на пригорокъ.

«Встрѣтитъ солнце; тамъ, на мшистомъ, изги-
бистомъ корнѣ

«Старого вяза, къ землѣ приклонившаго вѣтви,
лежалъ онъ

«Въ полдень, и слушалъ, какъ ближній ручей
журчитъ извиваясь;

«Вечеромъ часто, окончивъ дневную работу, слу-
чалось

«Намъ видать, какъ у входа въ долину стоялъ
онъ, за солнцемъ

«Слѣдуя взоромъ и слушая зяблицы позднюю
пѣсню;

«Такъ же неразъ мы видали, какъ шелъ онъ
вдоль лѣса, съ какой-то

«Грустной улыбкой, и что-то шепталъ про се-
бя, наклонивши

«Голову, блѣдный лицомъ, какъ будто оставлен-
ный цѣлымъ

«Свѣтомъ и мучимый тяжкою думой или безна-
дежнымъ

«Горемъ любви. Но однажды поутру его я не
встрѣтилъ,

«Какъ то бывало, на холмѣ, и въ полдень
его не нашелъ я

«Подлѣ ручья, ни послѣ въ долинѣ; прошло
и другое

«Утро и третье; но онъ не встрѣчался нигдѣ,
ни на холмѣ

«Равно , ни въ полдень подлѣ ручья , ни въ
долинѣ

«Вечеромъ. Вотъ мы однажды поутру печальное
пѣнье

«Слышимъ : его на кладбище несли. Подойди :
здѣсь на камнѣ,

«Если умѣешь , прочтешь , что о немъ тогда
написали :

«Юноша здѣсь погребенъ , невѣдомый счастьемъ и
славъ ;

«Но при рожденьи онъ былъ небесною музою
присвоенъ ,

«И меланхолія знаки свои на него наложила.

«Былъ онъ душой откровененъ и добръ , его на-
градило

«Небо : несчастнымъ давалъ , что имъль онъ —
слезу ; и въ награду

«Онъ получилъ отъ неба самое лучшее : друга.

«Путникъ ! Не трогай покоя могилы : здѣсь все,
что въ немъ было

«Нькогда добраго , всѣ его слабости робкой на-
деждой

«Преданы въ лоно благаго Отца , правосуднаго
Бога.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Русскій Царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена;
Кровь на ней была святая.
Тамъ, престолъ и Русь спасаая,
Войско цѣлое легло,
И престолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождёмъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:

Благоговенно-золотая

Жатва блещетъ по холмамъ ;
 Гдѣ упорнѣй бились , тамъ
 Мирныхъ инокинь обитель ;
 И одинъ остался зритель
 Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ
 Всѣхъ рѣшитель браней крестъ.

И на пиръ поминовенья
 Рать другаго поколѣнья ,
 Новымъ , славнымъ ужъ Царёмъ
 Собрана на мѣстѣ томъ ,
 Гдѣ предмѣстники ихъ бились ,
 Гдѣ столь многія свершились
 Чудной храбрости дѣла ,
 Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна ;
 Такъ же мужество въ ней сильно ,
 Тѣ жъ орлы , тѣ жъ знамена
 И полковъ тѣ жъ имена ,
 А въ рядахъ другіе стали ;
 И серебряной медали ,
 Препжнимъ данной ей Царёмъ ,
 Не видать ужъ ни на комъ.

* Спасо-Бородинскій монастырь , основанный близъ села Семеновскаго вдовою генерала А. А. Тучкова на той батарее , гдѣ онъ убитъ , сражаясь храбро. Тѣло его не было отыскано. Всѣ кости, найденныя на семъ мѣстѣ , были зарыты въ одну могилу , надъ которою теперь возвышается церковь , и въ этой церкви гробница Тучкова.

И вождей ужъ прежнихъ мало :
 Много въ день великій пало
 На землѣ Бородина ;
 Позже тѣхъ взяла война ;
 Тѣ , свершивъ въ Парижѣ тризну
 По Москвѣ и рать въ отчизну
 Проводивши , отъ земли
 Къ храбрымъ братьямъ отошли .

Гдѣ Смоленскій , вождь спасенья ?
 Гдѣ Герой , примѣръ смиренья ,
 Введшій рать въ Парижъ , Барклай !
 Гдѣ , и свой и чуждый край
 Дерзкой бодростью дивившій ,
 И подъ старость сохранившій
 Все , что въ молодости есть ,
 Коновницынъ , ратныхъ честь ?

Неподкупный , неизмѣнный ,
 Хладный вождь въ грозѣ военной ,
 Жаркій самъ подчасъ боецъ ,
 Въ дни спокойные мудрецъ ,
 Гдѣ Раевскій ? Витязь Дона ,
 Русской рати оборона ,
 Непріятелю арканъ ,
 Гдѣ нашъ Вихорь-атаманъ ?

Гдѣ наѣздникъ , вождь летучій ,
 Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
 Русскихъ тылъ и авангардъ ,
 Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ ,
 Милорадовичъ ? гдѣ славный
 Доктуровъ , отвагой равный
 И въ Смоленскѣ на стѣнѣ ,
 И въ святомъ Бородинѣ ?

И другихъ взяла судьбина :
 Въ боѣ зрѣвъ погибель сына ,
 Рано Строгановъ увялъ ;
 Нѣтъ Сен-При ; Ланской нашъ палъ ;
 Кончилъ Тормасовъ ; могила
 Невѣровскаго сокрыла ;
 Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ ;
 Въ гробѣ старецъ Беннингсонъ.

И Боецъ , сынъ Аполлоновъ....
 Мнилъ онъ гробъ Багратионовъ
 Проводить въ Бородино....
 Той награды не дано :
 Вмигъ Давыдова не стало !
 Сколько славныхъ съ нимъ пропало
 Боевыхъ преданій намъ !
 Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ !

И Тебя мы пережили ,
 И Тебя мы схоронили ,
 Ты , Который тронъ и насъ
 Твердымъ Царскимъ словомъ спасъ ,
 Вождь вождей , Царей Диктаторъ ,
 Нашъ великій Императоръ ,
 Міра свѣтлая звѣзда !
 И Твоя пришла чреда !

О година Русской славы !
 Какъ тѣснились къ намъ Державы !
 Царь нашъ съ ними къ чести шелъ ;
 Какъ спасительно Онъ ввелъ
 Рать Москвы къ врагамъ въ столицу !
 Какъ незлобно Онъ десницу
 Протянулъ врагамъ Своимъ !
 Какъ гордился Русскій Имъ !

Вдругъ.... отъ всѣхъ честей далѣко ,
 Въ бѣдномъ краѣ , одиноко
 Передъ плачущей женой ,
 Нашъ Владыка , нашъ Герой ,
 Гаснетъ Царь благословенной ;
 И за гробомъ сокрушенно ,
 Въ погребальный слившись ходъ ,
 Вся Имперія плѣтъ.

И его какъ не бывало ,
 Передъ кѣмъ все трепетало !...
 Есть далекая скала ;
 Вкругъ скалы морская мгла ;
 Съ моремъ степь слилась другая ;
 Бездна неба голубая ;
 Къ той скалѣ путь заграждёнъ....
 Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ , столь чудныхъ,
 Дней блистательныхъ и трудныхъ
 Съ новымъ зрѣли мы Царемъ ;
 До Стамбула Русскій громъ
 Былъ доброшенъ по Балкану ;
 Миромъ мстили мы Султану ;
 И вскатилъ на Араратъ
 Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата
 До подошвы Арарата
 Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ ;
 Русской гранью сталъ Араксъ ;
 Арзерумъ сдался намъ дикій ;
 Закипѣлъ мятежъ великій ;
 Предъ Варшавой сталъ нашъ фронтъ ,
 И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И, неожиданная ограда,
 Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
 И съ Турецкихъ береговъ,
 Въ память сѣверныхъ орловъ,
 Русскій сторожъ на Босфорѣ,
 Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
 Мавзолей нашъ говоритъ:
 «Здѣсь былъ Русскій станъ разбитъ!»....

Всходитъ дневное свѣтило
 Такъ же ясно, какъ всходило
 Въ чудный день Бородина;
 Рать въ колонны собрана,
 И сіяетъ передъ ратью
 Крестъ небесной благолатью,
 И подъ нимъ въ виду колоннъ
 Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
 И, далеко умирая,
 Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ!
 И опять онъ здѣсь, олѣтъ
 Въ гробѣ дивною броней,
 Бородинскою землею;
 И великій въ гробѣ сонъ
 Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!

И враги, ярясь, ломились

На холмы Бородина;

А теперь ихъ тишина,

Небомъ полная, объемлетъ,

И какъ будто бы подьѣмлетъ

Изъ-за гроба голосъ свой

Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье!

Лишь изрекъ, свершивъ моленье,

Предстоявшій алтарю:

Память вѣчная Царю!

Вдругъ обгравуль залпъ единый

Бородинскія вершины,

И въ одинъ великій гласъ

Съ нимъ вся армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,

Нашъ смиренный, нашъ державный,

Нашъ спасительный Герой!

Ты обѣтъ изрекъ святой;

Слово съ трона роковое

Повторилось въ дивномъ боѣ

На поляхъ Бородина:

Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ , братья !
 Рать молодая къ вамъ объятья
 Простираетъ въ глубь земли :
 Нашу Русь вы намъ спасли ;
 Въ свой чередъ мы грудью станемъ ;
 Въ свой чередъ мы васъ помянемъ ,
 Если Царь велить отдать
 Жизни за общую намъ мать.

ЦВѢТЬ ЗАВѢТА.

Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
Скорѣй покинь пріютъ твой луговой;
Теперь тебя рука нашла родная;
Доселѣ ты съ невышней красотой,
Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
И путника не радуя собой;
Ты здѣсь была желанью непримѣтна,
Чужда любви и сердцу безотвѣтна.

Но для меня твой видъ очарованье;
Въ твоихъ листахъ вся жизнь минувшихъ лѣтъ;
Въ нихъ милое цвѣтегъ воспоминанье;
Съ нихъ вѣетъ мнѣ давнишняго привѣтъ;
Смотрю... и все, что мило, на свиданье
Съ моей душой, къ тебѣ, родимый цвѣтъ,
Воздушною слетѣлося толпою,
И прошлое воскресло предо мною.

И всѣхъ друзей душа моя узнала. . .
 Но гдѣ-жъ они? На мигъ съ путей земныхъ
 На сѣверъ мой мечта васъ прикликала,
 Сопутниковъ младенчества родныхъ. . .
 Васъ жадная рука не удержала,
 И голосъ вашъ, плѣнивъ меня, затихъ.
 О, будь же вамъ замѣною свиданья
 Мой сѣверный цвѣтокъ воспоминанья.

Онъ вспомнить вамъ союза часъ священный,
 Онъ возвратитъ вамъ прошлы времена. . .
 О сладкій часъ! о вечеръ незабвенный!
 Какъ Божій рай, цвѣла тамъ сторона;
 Безоблаченъ былъ западъ озаренный,
 И свѣжая на землю тишина,
 Какъ ясное предчувствіе, сходила;
 Природа вся съ душою говорила.

И къ намъ тогда, какъ Геній, прилетало
 За пѣснію веселой старины,
 Прекрасное, что нѣкогда бывало
 Товарищемъ младенческой весны;
 Отжившее намъ снова оживало;
 Мивушихъ лѣтъ семьей окружены,
 Все лучшее мы зрѣли настоящимъ;
 И время намъ казалось нелетающимъ.

И *Вѣрная* была незримо съ нами...
 Сія окрестъ волшебныя мѣста,
 Сей тихій блескъ заката за горами,
 Сія небесъ вечернихъ чистота,
 Сей миръ души, согласной съ небесами,
 Со всѣмъ была, какъ таинство, слита
 Ея душа, присутствіемъ священнымъ,
 Невидимымъ, но сердцу откровеннымъ.

И насъ *Ея* любовь благословляла;
 И ободрялъ на благо тихій гласъ...
 Друзья, тогда судьба еще молчала
 О жребіяхъ, назначенныхъ для насъ;
 Незбавны, на днѣ ея фіяла
 Они еще таились въ оный часъ;
 Играли мы на тайномъ прагѣ свѣта...
 Тогда былъ данъ вамъ мною *цвѣтъъ завѣта*.

И гдѣ же вы?... Разрозненъ кругъ нашъ тѣсный;
 Разлучена веселая семья;
 Изъ области младенчества прелестной
 Разведены мы въ розныя края...
 Но розно ль мы? Повсюду въ поднебесной
 О Вѣрные, далекіе друзья,
 Прекрасная всѣхъ благъ земныхъ примѣта,
 Для насъ цвѣтетъ нашъ милый цвѣтъъ завѣта.

Изъ сѣверной, любовію избранной,
 И Промысломъ указанной страны,
 Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованный;
 Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
 Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный;
 Что младости мечты совершены;
 Что невогце довѣренность къ надеждѣ,
 И что *теперь* плѣнительно какъ *прежде*.

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ прекрасной
 Еще одинъ товарищъ приведѣнъ...
 На путь земной изъ люльки безопасной
 Намъ подаетъ младую руку онъ;
 Его лице невинностію ясно,
 И жизнь надъ нимъ какъ легкій вѣтъ сонъ,
 Безпечному предавъ его веселью,
 Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью.

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснится
 На сердце мнѣ грядущаго мечта:
 Младенчества веселый сонъ промчится,
 Разоблачатъ житейское лѣта,
 Огнемъ души сей взоръ воспламенится,
 И мужески созрѣетъ красота;
 Дойдутъ къ нему возвышенныя вѣсти
 О праотцахъ, о доблести, о чести...

О, да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
 И жизнь его да будетъ имъ вѣрна!
 Да перейдетъ, какъ чистое преданье
 Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!
 Чтобъ ни было судьбы обѣтованье,
 Лишь благомъ будь она освящена! . . .
 Вы-жъ, милые, товарища примите
 И путь его земной благословите.

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный луга,
 Символъ любви и жизни молодой,
 Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга,
 Летай къ друзьямъ желанною молвой;
 Будь голосомъ, привѣтствующимъ друга;
 Посолъ души, внимаемый душой,
 О вѣрный цвѣтъ, безъ словъ бесѣдуй съ нами
 О томъ, чего не выразить словами.

Итак, мы видим, что в настоящее время
наша страна находится в состоянии
полного упадка. Все, что было
прежнего величия, теперь
исчезло. Мы должны
быть готовы к тому, что
нам придется бороться
за свое существование.

В настоящее время наша страна
находится в состоянии
полного упадка. Все, что было
прежнего величия, теперь
исчезло. Мы должны
быть готовы к тому, что
нам придется бороться
за свое существование.

В настоящее время наша страна
находится в состоянии
полного упадка. Все, что было
прежнего величия, теперь
исчезло. Мы должны
быть готовы к тому, что
нам придется бороться
за свое существование.

МОЛИТВОЙ НАШЕЙ БОГЪ СМЯГЧИЛСЯ.

Молитвой нашей Богъ смягчился;
Царевичъ жить еще нехвѣлъ;
Онѣкъ къ намъ Ангелъ возвратился,
Который ужъ къ Нему летѣлъ.

М. Матвусъ.

Съ полудороги прилетѣлъ ты
Обратно, чистый Ангелъ, къ намъ;
Вблизи на небо поглядѣлъ ты,
Но не забылъ о насъ и тамъ.

Отъ насъ тебя такъ нѣжно звали
Небесныхъ братьевъ голоса;
Тебя принять — ужъ отверзали
Свою святыню небеса.

И намъ смотрѣть такъ страшно было
На измѣнившійся твой видъ;
Намъ горе сердца говорило:
Онъ улетитъ! онъ улетитъ!

И ужъ готовъ къ отлету былъ ты,
 Ужъ на землѣ былъ не земной;
 Ужъ все житейское сложилъ ты,
 И полонъ жизни былъ иной.

И неизбежное свершалось,
 Былъ близокъ намъ грозившій часъ;
 Невозвратно удалялось
 Святое, милое отъ насъ.

Ужъ ты летѣлъ, ужъ ты стремился,
 Преображенный, къ небесамъ...
 Скажи же, какъ къ намъ возвратился?
 Какъ небомъ былъ уступленъ намъ?

Къ предѣламъ горнимъ подлетая,
 Ты вспомнилъ о друзьяхъ земли,
 И до тебя въ блаженство рая
 Ихъ воздыханія дошли.

Любовь тебя остановила;
 Сильнѣй блаженствъ была она;
 И рай душа твоя забыла,
 Страданьемъ нашихъ душъ полна.

И ты опять, какъ прежде, съ нами;
 Опять для насъ твоя краса;
 Ты повидался съ небесами
 И перенесъ къ намъ небеса.

И жизнь теперь межъ насъ иная
 Начнется, Ангелъ, для тебя;
 Ты заглянулъ въ святыни рая,
 Но землю избралъ самъ, любя;

И въ новомъ къ намъ переселеньѣ
 Сталъ ближе къ вѣчному Отцу,
 Его очами на мгновенье
 Увидѣвъ тамъ лицомъ къ лицу;

И чище будетъ жизнь земная,
 Съ тобой, нашъ другъ, намъ данный вновь:
 Ты къ намъ принеси съ собой изъ рая
 Надежду, Вѣру и Любовь.

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

It is not a new thing, it is old;

Žukovskij, Vasilij Andreevič,

Stichotvorenija

Bd.: 9. (1844). - 265 S.

St. Petersburg 1844

P.o.rel. 3424-7/9

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036429-8